

БИБЛИОТЕКА „СИНЯГО ЖУРНАЛА“.

МОРИСЪ РЕНАРЪ.

ДОКТОРЪ ЛЕРНЪ.
П О Л У Б О Г Ъ.

Р О М А Н Ъ.

ИЗДАНИЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С-ПЕТЕРБУРГЪ. 1912.

Обложка работы художника Ре-Ми.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

На Западѣ существуетъ цѣлая литература, составляющая множество томовъ, написанныхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и посвященныхъ описанію необычныхъ событій и необыкновенныхъ, геройскихъ подвиговъ.

Авторовъ этихъ книгъ не удовлетворяетъ укладъ и тѣмпъ нормальной, будничной жизни. Ихъ не привлекаетъ возможность художественнаго воспроизведенія тѣхъ человѣческихъ настроеній и переживаній, которыя составляютъ обычный матеріалъ классической литературы.

Они мечтаютъ о людяхъ, надѣленныхъ необыкновенной силой, какъ физической, такъ и духовной, или гипнотической. Они даютъ полную волю своей фантазіи и возсоздаютъ события, которыя находятся порою въ сильнѣйшемъ противоречіи со всѣми законами природы.

Однако же, благодаря неограниченной возможности самыхъ разнообразныхъ сплетеній и комбинацій, мы не замѣчаемъ этихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, переживанія обыкновеннаго, средняго человека, перенесеннаго въ чрезвычайно странную, необычайную обстановку, сближаютъ насъ самихъ съ этой обстановкой.

Она перестаетъ быть нереальной, невозможной и становится чувственно пріемлемой.

Точно также мы готовы считать вѣроятнымъ и возможнымъ совершенно сверхчеловѣчески организованнаго героя, появившагося и дѣйствующаго въ обычныхъ условіяхъ современной жизни.

Это стремление къ воспроизведенію и описанію необычайнаго породило на Западѣ цѣлую плеяду писателей, авторовъ, такъ называемыхъ, „romans mystereux“.

Нѣкоторые изъ нихъ безусловно отмѣчены печатью совершенно особаго генія. Генія остроумной выдумки, непреодолимаго ужаса, своеобразныхъ сочетаній и фантастическаго увлеченія, гармонически совмѣщающаго въ себе все перечисленныя черты.

Назовемъ имена Эдгара По, Конанъ Дойля, Мориса Ренара, Уэллса.

Разумеется, на ряду съ настоящими писателями, съумѣвшими создать изъ продуктовъ ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи и невозможныхъ комбинацій произведенія, которыя завоевали себе шумный успѣхъ и, по заслугамъ, должны занять почетное мѣсто въ міровой литературѣ,—расплодился цѣлая стая подражателей литературныхъ поддѣльвателей, поставляющихъ на книжный рынокъ товаръ, имѣющій спросъ у той толпы, которая всегда съ жадностью набрасывается на все то, что носитъ личину моды и удовлетворяетъ какому-то уже не-

литературному уровню низшаго порядка, лишь слишкомъ поздно разбираясь въ художественномъ достоинствѣ прочитаннаго.

Вспомнимъ, для примера, бѣшенный успѣхъ пошлѣйшаго Пинкертонъ, пришедшаго на смѣну остроумному, изящному и талантливому Шерлоку.

Библіотека „Синяго Журнала“ поставила себѣ цѣлью дать своимъ читателямъ въ хорошихъ переводахъ лучшіе и неизвестные русской публикѣ образцы литературы изъ области таинственныхъ и неизвѣданныхъ міровъ и необыкновенныхъ событий, рядъ романовъ, фабула которыхъ, помимо своей увлекательности, обладаетъ всѣми достоинствами художественныхъ произведеній.

Надеемся, что наши читатели съ одобреніемъ отнесутся къ нашему выбору.

ГОСПОДИНУ Г.-Дж.-УЭЛЛСЪ

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять эту книгу.

Радость посвятить ее Вамъ является далеко не послѣдней въ ряду тѣхъ, которыя я испыталъ, сочиняя ее.

Я задумалъ ее въ духѣ идей, которыя и Вамъ дороги. И я отъ всей души желалъ бы, чтобы моя книга была близка Вашимъ по духу, не по своему значенію и по своимъ достоинствамъ, на что было бы смѣшно претендовать съ моей стороны, но хотя бы по тѣмъ славнымъ заслугамъ, которыми справедливо выдѣляются всѣ Ваши произведенія и которыя даютъ возможность самымъ чистымъ, какъ и самымъ непримиримымъ умамъ наслаждаться знакомствомъ съ Вашимъ геніемъ, нисколько не лишая ихъ очаровательнаго значенія и самыхъ изысканныхъ и тонкихъ знатоковъ нашего времени.

Но когда Судьба, добрая или злая, случайно толкнула меня въ аллегорической формѣ на этотъ сюжетъ, я не счелъ себя вправѣ отказаться отъ него изъ-за того только, что точное изложеніе его требовало извѣстной смѣлости выраженій, которыя можно было бы обойти, только сокративъ изложеніе, что я считалъ бы преступленіемъ противъ моей литературной смѣлости.

Теперь Вы знаете,—Вы сами догадались бы объ этомъ, — какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы отнеслись къ моему произведенію, если кто-нибудь окажетъ ему непредвидѣнную честь подумать надъ нимъ. Я далекъ отъ желанія пробудить въ читателѣ примитивные инстинкты и радость при чтеніи описаній легкомысленныхъ картинъ:

я предназначаю свою книгу философу, влюбленному въ Истину подъ покровомъ чудесной выдумки и въ Высшій Порядокъ мірозданія подъ ложной оболочкой хаоса.

Вотъ почему, Милостивый Государь, я прошу Васъ принять эту книгу.

М. Р.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Это случилось въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ годъ тому назадъ. Дѣло происходило у меня, на проспектъ Виктора Гюго въ моемъ маленькомъ особнякѣ, который мнѣ сдавали съ полной обстановкой, какъ разъ послѣ послѣдняго обѣда, на который я пригласилъ моихъ друзей.

Такъ какъ на перемѣну квартиры меня толкалъ только мой бродяжническій характеръ, то такъ же весело отпраздновали разставаніе съ этимъ особнякомъ, какъ когда-то праздновали новоселье у его очага, а когда вмѣстѣ съ ликерами пришло шаловливое настроеніе, то каждый изъ насъ старался придумать выходку почуднѣе; больше всего изощрялись, по обыкновенію, весельчак Жильберъ, спеціалистъ по парадоксамъ, Марлоттъ—этотъ Трибуле нашего кружка, и Кардальякъ, изумительный мистификаторъ.

Я ужъ не помню, какъ это вышло, но черезъ часъ кто-то потушил электричество въ курительной комнатѣ, заявивъ, что необходимо немедленно заняться спиритизмомъ, и усадилъ насъ въ темнотѣ за круглый столикъ. Замѣьте, что этотъ кто-то, былъ не Кардальякъ, но, можетъ быть, это былъ его сообщникъ, если, конечно, допустить, что Кардальякъ виноватъ въ томъ, что произошло дальше.

Итакъ, мы усѣлись всѣ въ восьмеромъ, восемь, невѣрующихъ въ тайны, мужчинъ вокругъ несчастнаго маленькаго столика, единственная ножка котораго внизу опиралась на три планки, а круглая доска сгибалась подъ тяжестью нашихъ шестнадцати рукъ, соприкасавшихся другъ съ другомъ по всѣмъ правиламъ оккультизма.

Эти правила намъ сообщилъ Марлоттъ. Когда-то, онъ изъ любопытства изучалъ всякую чертовщину, въ

томъ числѣ и вертящіеся столики, но не углублялся въ бездну знаній, а такъ какъ онъ обычно исполнялъ въ нашей компаніи роль шута, то, увидя съ какимъ авторитетнымъ видомъ онъ взялся за веденіе сеанса, всѣ охотно подчинились его распоряженіямъ въ ожиданіи какой-нибудь веселой шутки.

Кардальякъ оказался моимъ сосѣдомъ съ правой стороны. Я услышалъ, какъ онъ подавился отъ подавленнаго смѣха и закашлялся.

Но столъ сталъ вертѣться.

Потомъ Жильберъ началъ задавать вопросы и столъ, къ вящему изумленію Марлотта, отвѣтилъ сухими потрескиваніями, подобно тому, какъ трещитъ всякое сохнувшее дерево; по мнѣнію спиритовъ, эти стуки соотвѣтствуютъ какой-то экзотической азбукѣ.

Марлоттъ неувѣреннымъ голосомъ переводилъ намъ отвѣты стола.

Тогда всѣ стали задавать вопросы, на которые столъ отвѣчалъ очень разумно. Присутствующіе перестали шутить и сдѣлались серьезными: никто не зналъ, что подумать. Вопросы участились, участились и отвѣтные стуки стола, какъ мнѣ показалось, ближе къ моей правой сторонѣ.

— Кто будетъ жить въ этомъ домѣ черезъ годъ?— спросилъ тотъ, кто затѣялъ сеансъ.

— Ну, знаете, если вы начнете спрашивать о будущемъ,—воскликнулъ Марлоттъ,—вы услышите въ отвѣтъ вранье, или столъ замолчитъ.

— Оставьте, пусть спрашиваетъ,—вступился Кардальякъ.

Снова задали тотъ же вопросъ:

— Кто будетъ жить въ этомъ домѣ черезъ годъ?

Раздался стукъ стола.

— Никто,—перевелъ Марлоттъ.

— А черезъ два года?

— Николай Вермонъ.

Этого имени никто не зналъ.

— Что онъ будетъ дѣлать черезъ годъ въ этотъ же часъ?.. Отвѣчай, что онъ сейчасъ дѣлаетъ?.. Отвѣчайте!..

— Онъ начинаетъ... писать на мнѣ... свои приключенія.

— Можете-ли вы прочесть, что онъ пишетъ?

— Да... и то, что онъ напишетъ дальше, тоже.

— Прочтите намъ... хотъ начало, только начало.

— Утомленъ. Алфавитъ... слишкомъ долго. Дайте пишущую машинку, буду диктовать переписчику.

Въ темнотѣ раздался удивленный шепотъ. Я поднялся, принесъ свою пишущую машинку и поставилъ ее на столъ.

— Это машина системы Ватсона,— простучалъ столъ.— Не хочу такой. Я французъ и хочу писать на французской машинѣ. Дайте мнѣ машину системы Дюрана.

— Дюрана,—сказалъ мой сосѣдъ слѣва разочарованнымъ тономъ.

— Развѣ такая фирма существуетъ? Я о такой и не слыхалъ.

— Я тоже.

— И я.

— И я.

Мы были очень разстроены этой неудачей; послышался голосъ Кардальяка, медленно говорившій:

— Я пользуюсь машинами только фирмы Дюрана. Хотите я ее привезу?

— А сумѣете ли вы писать въ темнотѣ?

— Я вернусь черезъ четверть часа,—сказалъ онъ, не отвѣчая на нашъ вопросъ, и вышелъ.

Во всякомъ случаѣ, при свѣтѣ зажженной люстры лица оказались куда серьезнѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Даже Марлоттъ какъ-то потускнѣлъ.

Кардальякъ вернулся черезъ очень короткій промежутокъ времени, — можно даже сказать — удивительно

короткій. Онъ сѣлъ за столъ противъ своей пишущей машины, снова потушили свѣтъ, и столъ неожиданно заявилъ:

— Не нуждаюсь въ остальныхъ. Можете разомкнуть цѣпь. Пишите.

Послышались удары пальцевъ по клавишамъ.

— Это необычайно странно,—закричалъ переписчикъ-медіумъ,—это поразительно, мои пальцы двигаетъ кто-то,—это поразительно! Мои пальцы двигаются помимо моей воли.

— Псст, какая ловкая шутка!—прошепталъ Марлоттъ.

— Но клянусь вамъ... клянусь вамъ...—возразилъ Кардальякъ.

Мы долго сидѣли и безмолвно слушали эти похожіе на телеграфныя постукиванія, ежеминутно прерываемыя звонкомъ, предупреждающимъ о близости конца строчки, и трескомъ передвигаемыхъ строкъ. Каждая пять минутъ мы получали новую страницу.

Мы рѣшили перейти въ гостинную и перечитывать вслухъ страницы, но мѣръ того, какъ Жильберъ, получая ихъ отъ Кардальяка, будетъ ихъ намъ передавать.

79 страницу мы читали уже при свѣтѣ незамѣтно подкравагося дня. На этой страницѣ машина перестала писать.

Но то, что мы прочли, оказалось до такой степени увлекательнымъ, что мы умоляли Кардальяка дать намъ возможность познакомиться съ продолженіемъ.

Онъ уступилъ нашимъ просьбамъ. И вотъ, послѣ того, какъ онъ много ночей провелъ за клавиатурой своей пишущей машинки, сидя передъ круглымъ столикомъ, мы получили, наконецъ, возможность прочесть законченное повѣствованіе о приключеніяхъ вышеназваннаго Вермона.

Читатель познакомится съ ними ниже.

Эти приключенія очень своеобразны и мѣстами не совсѣмъ приличны. Тотъ, кто черезъ годъ долженъ былъ ихъ описать, навѣрное не предназначалъ ихъ для печати. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ ихъ уничтожитъ, какъ только закончитъ: такъ что, если бы не любезность круглаго столика, никто никогда-бы не познакомился съ ихъ содержаніемъ. Вотъ почему, нисколько не сомнѣваясь въ достовѣрности, я рѣшился опубликовать ихъ, причемъ нахожу очень пикантнымъ появленіе въ печати произведенія, которое еще только будетъ написано черезъ годъ.

Потому что я убѣжденъ въ правдивости автора, хотя его замѣтки и кажутся сильно шаржированными, и, набросанныя карандашемъ, очень напоминаютъ замѣтки студента перваго курса на поляхъ книги, имя которой «ЗНАНІЕ».

А, можетъ быть, эти замѣтки апокрифичны. Но вѣдь давно извѣстно, что легенды во много разъ соблазнительнѣе и интереснѣе исторіи, и если это выдумка Кардальяка, то она не опровергаетъ этого мнѣнія.

Все же я отъ всей души желаю, чтобы эти замѣтки были точнымъ описаніемъ дѣйствительныхъ приключеній ихъ автора, такъ какъ при этомъ сцѣпленіи обстоятельствъ (вѣдь круглый столикъ описывалъ то, что случится черезъ годъ) его переживанія еще не начались и только произойдутъ въ то самое время, когда эта книга ихъ оглашаетъ,—а это придаетъ ихъ интересу какой-то странный привкусъ.

Да, кромѣ того, вѣдь узнаю же я черезъ два года, поселился-ли на самомъ дѣлѣ въ маленькомъ особнякѣ на проспектѣ Виктора Гюго г. Николай Вермонъ. Какое-то тайное предчувствіе заставляетъ меня вѣрить, что это навѣрное случится: вѣдь трудно допустить, чтобы Кардальякъ—очень не глупый и серьезный малый—потерялъ столько времени для того только, чтобы мистифицировать

насъ... Это мое главное доказательство въ пользу его искренности.

А, впрочемъ, если какой-нибудь недовѣрчивый читатель захочетъ меня провѣрить и разсѣять свои сомнѣнія, то пусть отправится въ Грей-л'Аббей. Тамъ онъ сможетъ разузнать всѣ подробности о докторѣ Лернѣ и его привычкахъ. Что касается меня, то у меня для этого не хватаетъ свободнаго времени. Но я буду очень просить этого изслѣдователя подѣлиться со мной тѣмъ, что онъ узнаетъ, такъ какъ мнѣ самому страшно хочется вывести эту исторію на свѣжую воду и узнать, новая-ли мистификація Кардальяка этотъ рассказъ, или онъ, дѣйствительно, былъ продиктованъ вертящимся столикомъ *).

*) Мы напечатали текст «Доктора Лернѣ» дословно, такъ какъ онъ былъ продиктованъ Кардальяку столикомъ, не измѣнивъ ни одного слога. Вѣдь, неудобно было измѣнять текстъ совершенно неизвѣстнаго автора, котораго и печатаешь, къ тому же, безъ его разрѣшенія. Поэтому, мы просим читателя не дѣлать насъ отвѣтственными, какъ за нѣкоторую напыщенность слога г. Вермонъ, такъ и за нѣкоторую, чисто библейскую, смѣлость описаній. Впрочемъ, я надѣюсь, я убѣжденъ, что читатель охотно проститъ ему все, когда познакомится съ тѣмъ, какія ужасныя испытанія *придется* перенести этому молодому человѣку къ тому времени, когда онъ *будетъ* писать свои воспоминанія.

І. Н О К Т Ю Р Н Ъ.

День перваго іюньскаго воскресенья клонился къ концу. Тѣнь автомобиля неслась впереди меня, удлиняясь съ каждой минутой.

Съ самага утра всѣ встрѣчные съ перепуганными лицами смотрѣли на меня, какъ смотрять на сцену во время представленія мелодрамы. Одѣтый въ мѣховой автомобильный костюмъ, съ кожаной фуражкой на головѣ, въ большихъ выпуклыхъ очкахъ, напоминавшихъ глазныя впадины скелета, я должно быть вызывалъ въ нихъ представленіе о какомъ-то мрачномъ выходцѣ изъ ада, о какомъ-нибудь демонѣ Святаго Антуана, убѣгающаго отъ солнца и мчащагося на встрѣчу ночи, чтобы поскорѣй скрыться въ ея мракѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, я ощущалъ въ своей груди что-то вродѣ сердца отвергнутаго, потому что другого ощущенія не можетъ быть у одинокаго путешественника, который провелъ семь часовъ, не слѣзая, на гоночномъ автомобилѣ. Его мозгъ находится подъ властью кошмара; вмѣсто обычныхъ мыслей, его преслѣдуетъ какая-нибудь навязчивая идея. У меня не выходила изъ головы коротенькая фраза, почти приказаніе: «Пріѣзжай одинъ, предупредивъ о своемъ пріѣздѣ». Эта фраза упорно и настойчиво торчала въ моемъ мозгу и волновала меня все время моего одинокаго путешествія, и безъ того ставшаго мучительнымъ изъ-за быстроты ѣзды и непрерывнаго гудѣнія мотора.

А между тѣмъ, это странное распоряженіе: «Пріѣзжай одинъ, предупредивъ о своемъ пріѣздѣ», дважды подчеркнутое моимъ дядей Лерномъ въ своемъ письмѣ, сначала не произвело на меня особеннаго впечатлѣнія. Но теперь, когда, подчинившись этому распоряженію, я мчался совершенно одинъ и предупредивъ заранѣе о своемъ пріѣздѣ, въ замокъ Фонваль, непонятный приказъ преслѣдовалъ меня, не давая мнѣ покоя. Мои глаза видѣли эти слова повсюду, я слышалъ ихъ во всѣхъ раздававшихся вокругъ меня шу-

махъ, не смотря на всѣ усилія прогнать ихъ. Нужно-ли было прочесть названіе деревушки, мои глаза читали: «Пріѣзжай одинъ», пѣніе птицъ звучало въ моихъ ушахъ, какъ: «Предупреди». А моторъ безъ устали, доводя меня до остервенѣнія, повторялъ тысячи и тысячи разъ: «О-динъ, о-динъ, о-динъ, прі-ѣз-жай, прі-ѣз-жай, прі-ѣз-жай, пре-ду-пре-ди, пре-ду-пре-ди»... Тогда я начиналъ мучить себя вопросами, почему мнѣ отданъ такой приказъ и, не будучи въ состояніи найти причины, страстно стремился пріѣхать поскорѣй, чтобы раскрыть эту тайну, не столько изъ любопытства получить, вѣроятно, банальный отвѣтъ, сколько, чтобы отдѣлаться отъ преслѣдовавшей меня навязчивой фразы.

Къ счастью, я приближался къ своей цѣли, и мѣстность становилась мнѣ все болѣе знакомой. Воспоминанія дѣтства овладѣвали моей душой и съ успѣхомъ боролись въ моемъ мозгу съ мучившей меня мыслью.

Нантель—многолюдный и полный сутолоки городъ — задержалъ меня немного, но, какъ только я выѣхалъ изъ пригорода, я увидѣлъ, наконецъ, вдали покрытыя облаками Арденскія вершины.

Наступалъ вечеръ. Желая добратъся до своей цѣли до наступленія ночи, я пустилъ автомобиль съ предѣльною скоростью; онъ задрожалъ, захрипѣлъ, и дорога пролетала подъ нимъ съ головокружительной быстротой,—мнѣ казалось, что дорога наматывается на автомобиль, какъ нитки на катушку. Вѣтеръ свиститъ и гудитъ, какъ буря, туча комаровъ попадаетъ мнѣ въ лицо, какъ зарядъ дроби, по стекламъ очковъ барабанитъ рядъ мелкихъ предметовъ. Солнце у меня теперь справа, почти на самомъ горизонтѣ. Дорога, то опускаясь, то подымаясь, принуждаетъ его нѣсколько разъ заходить и взойти для меня. Наконецъ, оно совсемъ скрылось. Я мчусь въ сумеркахъ съ такой быстротой, на которую способна моя милая машина—и полагаю, врядъ-ли другая могла бы ее перегнать. При такомъ ходѣ, горы не далѣе получаса ѣзды. Смутныя очертанія ихъ про-

ясняются и принимаютъ зеленоватый оттѣнокъ, цвѣтъ покрывающихъ ихъ лѣсовъ,—мое сердце хочетъ выпрыгнуть отъ радости. Вѣдь пятнадцать лѣтъ, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ я не видалъ моего милого лѣса, стараго, вѣрнаго друга моего дѣтства.

Замокъ находится здѣсь же, въ тѣни лѣса, на днѣ громадной котловины. Я ее помню совершенно отчетливо и даже различаю, гдѣ она—темнѣющее пятно выдѣляетъ ее. Надо сознаться, что это довольно странный оврагъ. Моя покойная тетя Лидивина Лернъ, влюбленная въ старинныя легенды, увѣряла, что этотъ оврагъ образовался отъ удара гигантскимъ каблукомъ Сатаны, разозлившагося на какую-то неудачу. Но многіе оспариваютъ это объясненіе. Во всякомъ случаѣ, легенда недурно характеризуетъ мѣсто: представьте себѣ громадное круглое углубленіе съ совершенно отвѣсными краями, съ однимъ только выходомъ—широкой просѣкой, выходящей въ поле. Другими словами—равнина, входящая въ гору въ видѣ земляного залива, образуетъ въ ней тупикъ; остроконечные края этого амфитеатра тѣмъ выше, чѣмъ дальше котловина входитъ въ гору. Такъ что можно подѣхать къ самому замку по совершенно ровной дорогѣ, ни разу не встрѣтивъ ни малѣйшаго подъема, хотя котловина и врѣзывается почти въ самую глубь горы. Паркъ находится въ самой глубинѣ котловины, а утесы служатъ ей стѣнами, за исключеніемъ ущелья, черезъ которое проникаютъ къ замку. Въ этомъ мѣстѣ выстроена стѣна, въ которую вдѣланы ворота. За ней идетъ длинная, совершенно прямая, липовая аллея. Черезъ нѣсколько минутъ я выйду на эту аллею... и немного времени спустя, я узнаю, наконецъ, почему никто не долженъ сопровождать меня въ Фонваль. «Пріѣзжай одинъ, предупредивъ о своемъ пріѣздѣ». Къ чему эти предосторожности.

Терпѣніе. Массивныя горы все ближе. При той быстротѣ, съ какой я мчусь, кажется, точно онѣ все время въ движеніи: вершины горъ то исчезаютъ, то снова выплываютъ, величественно подымаясь, какъ громадныя волны, и

зрѣлище постоянно мѣняетъ свой видъ, напоминая громад-
ное море.

За поворотомъ показывается село. Оно мнѣ знакомо съ
давнихъ поръ.

Въ былыя времена на станціи въ этомъ селѣ меня съ
матушкой каждый годъ въ августѣ ожидалъ дядюшкинъ
шарабанъ, запряженный лошадкой «Бириби». Отсюда насъ
везли въ замокъ... Привѣтъ, привѣтъ тебѣ Грей-л'Абей! До
Фонваля всего три километра. Я нашелъ бы дорогу съ за-
вязанными глазами. И вотъ дорога, прямая, какъ стрѣла;
скоро она углубится въ тѣнь деревьевъ и перейдетъ въ ал-
лею...

Почти ночь. Какой-то крестьянинъ кричитъ мнѣ что-
то... должно-быть ругательства. Я привыкъ къ этому. Моя
сирена отвѣчаетъ ему своимъ угрожающимъ и болѣзненнымъ
ревомъ.

Вотъ и лѣсъ. Ахъ, какой дивный воздухъ! Онъ напо-
енъ ароматомъ былыхъ разставаній. Развѣ воспоминанія
могутъ пахнуть чѣмъ-нибудь другимъ, а не лѣсомъ?.. Оча-
ровательно... Какъ мнѣ хочется продолжить этотъ празд-
никъ обонянія.

Я замедляю ходъ, и автомобиль потихоньку подвигает-
ся впередъ. Шумъ мотора превращается въ шепотъ. Справа и слѣва начинаются стѣны широкаго вѣзда, по-
степенно повышаясь. Если-бы было свѣтлѣе, я могъ-бы
увидѣть замокъ въ глубинѣ аллеи. Ого! Въ чемъ дѣло?..

Я чуть не опрокинулся: противъ моего ожиданія на
дорогѣ оказался поворотъ.

Я поѣхалъ еще медленнѣе.

Немного спустя, опять поворотъ, потомъ опять...

Я остановился.

Звѣзды высыпали и мерцали на потемнѣвшемъ небѣ,
какъ свѣтляки. При свѣтѣ весенней ночи мнѣ удалось
разглядѣть надъ собой гребни утесовъ, направленіе кото-
рыхъ меня удивило. Я хотѣлъ вернуться и открылъ за со-
бой развѣтвленіе дороги, котораго не замѣтилъ на пути ту-

да.. Поѣхавъ направо, я встрѣтилъ новое развѣтвленіе,—точно рѣшалъ логарифмическую задачу; оттуда я поѣхалъ по направленію къ замку, оріентируясь по утесамъ, но попалъ снова на перекрестокъ. Куда же дѣвалась прямая аллея?. Это неожиданное приключеніе поставило меня втупикъ.

Я зажегъ фонари и долго разглядывалъ при ихъ свѣтѣ окружающую меня мѣстность, но не могъ разобраться и найти дорогу: столько аллей выходило на эту площадку, да, кромѣ того, многія изъ нихъ кончались тупиками. Мнѣ показалось, что я возвращаюсь все къ одной и той же березѣ и что высота стѣнъ не мѣняется. Повидимому, я попалъ въ настоящій лабиринтъ и ни на шагъ не подвигался впередъ. Можетъ быть крестьянинъ, окликнувшій меня въ Грей, пытался меня предупредить объ этомъ? Весьма возможно. Но все-же, рассчитывая на случай, и чувствуя уколъ самолюбію, я продолжалъ изслѣдованіе. Трижды я выѣхалъ на тотъ же перекрестокъ, къ той-же самой березѣ съ трехъ разныхъ аллей.

Я хотѣлъ позвать на помощь. Къ сожалѣнію, сирена испортилась, а рожка у меня не было. Кричать-же не имѣло смысла, потому что я былъ на слишкомъ далекомъ разстояніи, какъ отъ Грей-л'Абей, такъ и отъ Фонвалевскаго замка.

Я сталъ волноваться: а вдругъ у меня не хватитъ бензина?.. Я остановился на площадкѣ и проверилъ резервуаръ. Онъ былъ почти пустъ. Къ чему истощать остатокъ безъ толку? Въ концѣ-концовъ, пожалуй, легче будетъ добраться до замка пѣшкомъ, идя черезъ лѣсъ... Я пошелъ напрямикъ, но рѣшетка, скрытая кустарникомъ, помѣшала мнѣ пройти.

Повидимому, этотъ лабиринтъ не былъ устроенъ у входа въ садъ для забавы, преслѣдовалъ опредѣленную цѣль помѣшать входу въ убѣжище.

Чрезвычайно смущенный этимъ, я сталъ размышлять:

— Дядюшка Лернъ, я васъ совершенно не понимаю,— думалъ я.—Сегодня утромъ вы получили извѣщеніе о моемъ приѣздѣ, а, между тѣмъ, меня задерживаетъ самое лукавое изъ всѣхъ приспособленій... Какая странная фантазія натолкнула васъ на эту мысль? Неужели вы перемѣнились даже больше, чѣмъ я предполагалъ? Вы, навѣрное, не стали бы прибѣгать къ такимъ хитрымъ выдумкамъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ...

...Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, ночь, навѣрное, была похожа на эту. Небо озарялось тѣми-же звѣздами, и точно такъ же молчаніе ночи нарушалось кваканьемъ лягушекъ, свѣтлымъ, короткимъ, чистымъ и нѣжнымъ. Соловей пѣлъ то же, что поетъ сегодняшній. Дядюшка, та давнишняя ночь была такъ же очаровательна, какъ и эта. А, между тѣмъ, тогда моя тетя и моя мать только-что умерли съ промежуткомъ въ восемь дней, и послѣ исчезновенія обѣихъ сестеръ, мы съ вами остались вдвоемъ одинокими—одинъ вдовцомъ, а другой—сиротой.

И вотъ, въ моей памяти воскресъ образъ дяди такимъ, какимъ онъ былъ тогда; какимъ его всѣ знали въ Нантелъ: въ тридцать пять лѣтъ уже знаменитый хирургъ, славившійся изумительной ловкостью рукъ, удачливый и смѣлый, не хотѣвшій измѣнить родному городу, несмотря на славу. Фредерикъ Лернъ былъ клиническимъ профессоромъ медицинскаго факультета, членомъ-корреспондентомъ многихъ ученыхъ обществъ, кавалеромъ многихъ орденовъ и, чтобы ужъ ничего не упустить, опекуномъ своего племянника Николая Вермона.

Я очень рѣдко посѣщалъ этого новаго отца, назначеннаго мнѣ закономъ, такъ какъ онъ никогда не пользовался каникулами и проводилъ въ Фонвалъ лишь воскресенья, да и то только лѣтомъ. Да и въ эти дни онъ работалъ безъ передышки, въ сторонѣ отъ всѣхъ. Онъ вознаграждалъ себя за сдерживаемую въ теченіе всей недѣли страсть къ садоводству и проводилъ все время въ маленькой оранжереѣ, возясь со своими тюльпанами и орхидеями.

И все же, не смотря на рѣдкость нашихъ свиданій, я его хорошо зналъ и очень любилъ.

На видъ это былъ здоровый, уравновѣшенный, скромный малый, можетъ быть, немного холодноватый, но большой добрякъ.

Я непочтительно называлъ его, на-чисто выбритое, лицо, лицомъ старой бабы, но я былъ несправедливъ: оно было очень выразительно, и среди современниковъ, брѣющихъ усы и бороду, мой дядя былъ однимъ изъ немногихъ, чья голова оправдываетъ благородствомъ своихъ очертаній для предка тогу, для дѣда шелкъ костюма, и не сдѣлала бы смѣшнымъ и на немъ самомъ костюмъ предка.

Въ данный моментъ я вспоминалъ его въ томъ костюмѣ, который онъ носилъ въ послѣдній разъ, какъ я съ нимъ видѣлся—передъ моимъ отъѣздомъ въ Испанію; онъ былъ одѣтъ въ довольно плохо сшитый черный сюртукъ. Онъ самъ былъ богатъ, и, стремясь къ тому, чтобы и я разбогатѣлъ, онъ послалъ меня въ Испанію торговать пробкой—въ качествѣ довѣреннаго фирмы Гомецъ въ Байадосъ.

Мое изгнаніе продолжалось пятнадцать лѣтъ. За это время матеріальное положеніе профессора должно было значительно уллучшиться, судя по доходившимъ даже до глухихъ трущобъ Эстрематуры слухамъ объ изумительныхъ операціяхъ, которыя онъ продѣлывалъ.

Мои же дѣла были совсѣмъ швахъ и находились въ большой опасности. Послѣ пятнадцати лѣтъ упорнаго труда, я окончательно потерялъ надежду, что мнѣ когда-нибудь придется продать отъ своего имени пояса для спасенія погибающихъ и пробки. Поэтому я возвратился во Францію, чтобы подыскать себѣ какое-нибудь другое занятіе, какъ вдругъ судьба, сжалившись надо мной, дала мнѣ возможность жить безъ занятій: это я—то лицо, на долю котораго достался главный выигрышъ въ милліонъ и которое захотѣло сохранить свое инкогнито.

Я устроился въ Парижѣ комфортабельно, но не роскошно. У меня была простая, но очень удобная квартира. Я обзавелся только всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ, впрочемъ, семьи и съ прибавленіемъ автомобиля.

Да и раньше, чѣмъ пытаться обзавестись новой семьей, мнѣ казалось необходимымъ возстановить отношенія со старой, т.-е., съ Лерномъ. Я ему написалъ.

Нельзя сказать, что мы не переписывались съ того времени, какъ мы съ нимъ разстались. Вначалѣ онъ давалъ мнѣ много совѣтовъ въ своихъ письмахъ и относился ко мнѣ по-отечески. Въ своемъ первомъ письмѣ онъ даже сообщилъ мнѣ, что составилъ въ мою пользу завѣщаніе, указавъ, въ какомъ потайномъ ящикѣ въ Фонвалѣ оно спрятано. Отношенія наши не измѣнились и послѣ того, какъ онъ сдалъ мнѣ отчетъ по опекѣ. Затѣмъ, ни съ того, ни съ сего, письма стали приходить все рѣже и рѣже, тонъ ихъ пріобрѣлъ сначала какой-то скучающій оттѣнокъ, потомъ сдѣлался сварливымъ, содержаніе писемъ стало банальнымъ, тривіальнымъ, стиль отяжелѣлъ и даже почеркъ, какъ будто, испортился. Всѣ эти переменны усиливались съ каждымъ письмомъ; мнѣ пришлось ограничиться ежегодной посылкой поздравленія къ Новому году. Въ отвѣтъ я получалъ пару строкъ, нацарапанныхъ небрежнымъ почеркомъ... Разстроенный потерей моей единственной привязанности, я былъ въ отчаяньи.

Что-же произошло?

За годъ до этой странной перемены—за пять лѣтъ до моего теперешняго пріѣзда въ Фонваль и путешествія по лабиринту, я прочелъ въ мѣстныхъ газетахъ слѣдующее:

— Намъ пишутъ изъ Парижа, что докторъ Лернъ отказался отъ практики, чтобы отдаться цѣликомъ своимъ научнымъ изысканіямъ, надъ которыми онъ работалъ въ Нантейльской больницѣ. Съ этою цѣлью знаменитый хирургъ рѣшилъ окончательно поселиться въ своемъ замкѣ Фонваль, спеціально приспособленномъ ad hoc. Онъ пригласилъ къ себѣ на службу нѣсколько опытныхъ сотрудни-

ковъ, въ ихъ числѣ доктора Клоцъ изъ Мангейма и трехъ прозекторовъ анатомическаго института, устроеннаго Клоцомъ на Фридрихштрассѣ, 22. Анатомическій институтъ, вслѣдствіе этого, закрылся.—Когда можно ждать результатовъ?

Лернъ подтвердилъ мнѣ это событіе въ восторженномъ письмѣ. Оно, впрочемъ, ничего новаго, по сравненію съ газетными замѣтками, не заключало. А годъ спустя, какъ я уже сказалъ, съ нимъ произошла эта удивительная переменна. Можетъ быть, въ результатѣ, послѣ двѣнадцати-мѣсячной работы, онъ потерпѣлъ неудачу? Можетъ быть, это настолько разстроило моего дядю, что онъ сталъ смотрѣть на меня, какъ на чужого, насильно влѣзающаго къ нему въ душу?

Не смотря на все происшедшее, я изъ Парижа написалъ ему, въ очень почтительномъ тонѣ, насколько могъ теплѣе и любезнѣе, сообщая о своей удачѣ и прося разрѣшенія навѣстить его.

Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь, получилъ менѣе заманчивое приглашеніе, чѣмъ я отъ дяди. Онъ просилъ меня, непременно заблаговременно, предупредить о пріѣздѣ, чтобы онъ успѣлъ прислать за мной лошадей на станцію:—«Ты пробудешь, вѣроятно, недолго, Потому что жить въ Фонвалѣ далеко не весело. Здѣсь почти все время посвящено труду. Пріѣзжай одинъ, предупредивъ о своемъ пріѣздѣ.

— Ну, однако, чортъ возьми, вѣдь я пріѣхалъ одинъ одишенекъ и предупредилъ заблаговременно о своемъ пріѣздѣ. Я то считалъ посѣщеніе дяди своей обязанностью; да, какъ-же!—Обязанность! Просто глупость—и больше ничего.

И я со злобой глядѣлъ на перекрестокъ аллей, тонувшихъ въ полумракѣ, потому что мои тухнушіе фонари освѣщали мѣстность съ яркостью ночника.

Совершенно ясно, что мнѣ придется провести всю ночь въ этой лѣсной тюрьме; до утра ужъ мнѣ никакъ не вы-

браться. Лягушки могли надрываться сколько имъ угодно на Фонвальскомъ прудѣ; часы на Грейской колокольнѣ, вызванивая часы, также тщетно указывали мнѣ направленіе (вѣдь колокольни и въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы звуковыми маяками) — все это ни къ чему не вело—я былъ въ плѣну.

Плѣнникъ! Эта мысль заставила меня улыбнуться. Какъ я бы боялся прежде, въ давно прошедшія времена. Плѣнникъ Арденскаго лѣса. Въ рукахъ у Броселіанды, дремучаго лѣса, который своею тѣнью покрывалъ почти цѣлый материкъ, начиная у Блуа и доходя чуть-ли не до Константинополя по цѣпи горъ. Броселіанда! Мѣсто дѣйствія всѣхъ дѣтскихъ сказокъ и легендъ, родина четырехъ сыновей Эймона и Мальчика съ пальчика; лѣсъ, въ которомъ собирались друиды и всякія мошенники, тотъ самый, въ которомъ заснула Спящая красавица, надъ которой бодрствовалъ Шарлемань. Для какихъ только сказокъ его деревья не служили декораціей, если только они же и не были дѣйствующими лицами.— Ахъ, тетушка Лидивина,— пробормоталъ я,—какъ вы умѣли оживлять всю эту чепуху, рассказывая сказки каждый вечеръ послѣ обѣда... Славная женщина! Приходило-ли ей когда-нибудь на умъ, какое сильное впечатлѣніе производили на меня ея рассказы... Тетушка, знали-ли вы, что всѣ ваши чудесныя куклы заполняли мою жизнь днемъ и посѣщали меня ночью во снѣ. Знаете-ли вы, что до сихъ поръ въ моихъ ушахъ по временамъ звучатъ тѣ напѣвы, которые вы когда-то вызывали въ моемъ воображеніи, рассказывая о трубѣ Роланда, или о рогѣ Оберона.

Мои размышленія были прерваны тѣмъ непріятнымъ обстоятельствомъ, что мои фонари потухли. Я не могъ удержаться отъ жеста неудовольствія. На секунду наступила абсолютная темнота; кругомъ царило такое полное молчаніе, что мнѣ показалось будто я сразу ослѣпъ и оглохъ.

Потомъ мои глаза мало-по-малу прозрѣли, а вскорѣ появился лунный серпъ, распространяя холодный, молочный свѣтъ вокругъ себя. Лѣсъ побѣлѣлъ и стало какъ будто холоднѣе. Я задрожалъ. При тетѣ это случилось-бы отъ страха: испаренія, клубившіяся бѣлымъ туманомъ въ лѣсу, я принялъ-бы за драконовъ и клубокъ змѣй; пролетѣла сова—я сдѣлалъ-бы изъ нея покрытый перьями шлемъ заколдованнаго рыцаря; прямая береза, бѣлый стволъ которой блестѣлъ, какъ копье, стала-бы сыномъ волшебнаго дерева; дрогнувшій отъ вѣтерка дубъ сдѣлался-бы супругомъ принцессы Лелины.

Понятно, что ночной пейзажъ давалъ просторъ воображенію и могъ довести до галлюцинацій. Отъ нечего дѣлать, я задумался о прошломъ. Конечно, я тогда не понималъ причинъ этого явленія такъ хорошо, какъ теперь, но я и тогда находился подъ навожденіемъ лѣса и съ наступленіемъ сумерекъ неохотно выходилъ. Да и все это мѣсто, весь Фонваль, не смотря на безчисленную массу цвѣтовъ и прекрасныя, извилистыя аллеи, былъ довольно противною мѣстностью. Замокъ былъ перестроенъ изъ аббатства: стрѣльчатые окна, вѣковыя деревья, окружавшія его, разставленныя по парку статуи, неподвижная вода пруда, окружавшіе всю эту пропасть утесы, вѣздъ въ нее, точно въ адъ,— все это придавало ей странный, мрачный видъ, даже и не ночью, такъ что, право, ничего не было-бы удивительнаго, если бы тамъ все происходило на сказочный ладъ. Тамъ такъ и надо было-бы вести себя, какъ въ сказкахъ.

Я, по крайней мѣрѣ, во время каникулъ всегда такъ и поступалъ. Для меня каникулы были длиннымъ сказочнымъ представленіемъ, дѣйствующія лица котораго проводили куда больше времени на деревьяхъ, въ водѣ, или подъ землей, чѣмъ на землѣ. Когда я босикомъ галопомъ мчался по лугу, всякому было понятно, что вслѣдъ за мной скачетъ эскадронъ кавалеріи. А старая разохшаяся барка! Убранная тремя метлами, изображавшими мачты, и такими-же

причудливыми парусами, она была моимъ адмиральскимъ кораблемъ и олицетворяла флотъ крестоносцевъ на Средиземномъ морѣ, роль котораго съ успѣхомъ исполнялъ прудъ. Я мечтательно смотрѣлъ на кувшинки, и онѣ казались мнѣ островами; я громко называлъ ихъ по имени: вотъ Корсика и Сардинія... Мы проходимъ мимо Италиі... Мы огибаемъ Мальту... Черезъ нѣсколько минутъ я кричалъ: Земля! Земля! Высаживался въ Палестинѣ:—Монжуа и Ст.-Денисъ. На ней я перенесъ всѣ ужасы морской болѣзни и пережилъ тоску по родинѣ; я боролся за Гробъ Господень; я научился вдохновенію и географіи...

Но чаще случалось, что остальные актеры были поддѣльны. Мнѣ казалось, что такъ больше похоже на правду. Я вспоминаю—вѣдь въ душѣ каждого ребенка таится Донъ-Кихоть—я вспоминаю о великанѣ Бріареѣ, котораго изображалъ небольшой павильонъ, и о бочкѣ, которая была дракономъ Андромеды. Ахъ, Боже мой, эта бочка! Я придѣлалъ къ ней голову изъ тыквы и крылья вампира изъ двухъ зонтиковъ. Послѣ тыквы, это страшилище было спрятано за поворотомъ аллеи сзади терракетовой нимфы и я отправился н а п о и с к и за дракономъ, чувствуя себя храбрѣе самого Персея, вооруженный прутомъ, верхомъ на воображаемомъ фантастическомъ крылатомъ конѣ. Но когда я его н а ш е л ъ, тыква посмотрѣла на меня такимъ страннымъ взглядомъ, что Персей чуть не ударился въ бѣгство и отъ волненія искромсалъ зонтики и тыкву вдребзи.

Созданныя мною чучела дѣйствовали на меня, точно они были на самомъ дѣлѣ тѣми существами, роль которыхъ я имъ предназначалъ. Такъ какъ я оставлялъ себѣ всегда главную роль—героя, побѣдителя, то безъ труда преодолевалъ свою робость днемъ, но ночью богатырь становился Николаемъ Вермонъ, мальчишкой, а бочка оставалась дракономъ. Свернувшись въ комокъ подъ одѣяломъ, взволнованный только-что рассказанной тетушкой сказкой, я чувствовалъ, зналъ навѣрное, что садъ полонъ фантасти-

ческихъ существъ, что Бріарей тамъ стоитъ на стражѣ и ужасный воскресшій драконъ, сжимая когти, внимательно слѣдитъ за моимъ окошкомъ.

Я тогда потерялъ надежду на то, что стану когда-нибудь похожимъ на другихъ и сумѣю даже, когда вырасту, пренебрежительно относиться къ сумеркамъ. А, между тѣмъ, съ годами всѣ мои страхи испарились; хотя я и теперь очень впечатлителенъ, но далеко не робкаго десятка; и сейчасъ я нисколько не беспокоился изъ за того, что заблудился въ пустынномъ лѣсу,—къ сожалѣнію, слишкомъ пустыннымъ, покинутомъ феями и волшебниками.

Меня вернулъ къ дѣйствительности какой-то неопредѣленный шумъ, раздавшійся въ томъ направленіи, гдѣ долженъ былъ находиться замокъ: какъ-будто ревъ быка, плачущій вой собаки... И все... Потомъ снова воцарилось молчаніе.

Прошло нѣсколько минутъ, и я услышалъ, какъ въ пространствѣ между мной и замкомъ взлетѣла сова, потомъ поднялась другая поближе ко мнѣ, потомъ взлетали другія. все ближе и ближе. Было похоже на то, что ихъ испугиваетъ какое-то существо, пробираясь мимо нихъ.

И дѣйствительно, послышался шумъ легкихъ шаговъ—повторный топотъ четвероногаго,—которое приближалось, звонко стуча копытами по сухой дорогѣ. Я услышалъ, какъ животное ходило туда и назадъ по лабиринту, вѣроятно, тоже сбившись съ дороги—и вдругъ оно совершенно неожиданно появилось предо мной.

По развѣсистымъ рогамъ, гордой осанкѣ головы, тонкимъ ушамъ, можно было сразу узнать старого оленя. Но не успѣлъ я даже подумать объ этомъ, какъ онъ меня увидѣлъ и, быстро повернувшись, скрылся съ глазъ. Мнѣ показалось можетъ быть онъ пригнулся чтобы сдѣлать большой прыжокъ, что онъ странно низкаго роста, болѣзненно малъ и, что еще страннѣе, совершенно бѣлаго цвѣта. Впрочемъ, можетъ быть, послѣднее обстоятельство объясняется луннымъ освѣщеніемъ? Животное исчезло въ мгно-

веніе ока, и скоро даже мелкій галопъ его бѣга постепенно затихъ.

Принялъ-ли я сначала козу за оленя, или потомъ оленя за козу?..

Надо признаться, это меня сильно заинтриговало; до такой степени, что я сталъ самъ себя спрашивать, не вернусь-ли я въ Фонвалъ къ грезамъ своего дѣтства? Но, пораздумавъ немного, я понялъ, что голодъ, усталость и безсонница, да еще при помощи луннаго свѣта, могутъ вызвать и не такой обманъ зрѣнія.

Впрочемъ, я пожалѣлъ, что это не былъ феноменъ. Ужасъ передъ чудеснымъ прошель, но любовь къ нему осталась.

Я всегда увлекался чудеснымъ. Когда былъ ребенкомъ, видѣлъ его повсюду; возмужавъ, находилъ удовольствіе предполагать во всемъ, неподдающемуся объясненію, чудесное, охотно считая сверхъестественнымъ какое-нибудь слѣдствіе непонятной причины.

А все-же, среди всего того, что направлено для уничтоженія иллюзіи чудесъ, надо поставить на первомъ планѣ нашу собственную склонность къ разрѣшенію вѣры въ чудеса. Говорить самому сѣбѣ: можетъ быть это чудо, но вѣдь это только предположеніе; для того, чтобы насладиться имъ вполнѣ, я хочу рассмотреть его поближе, знать навѣрное... Приближаешься, истина становится яснѣе и чудо исчезаетъ. И я похожъ въ этомъ отношеніи на моихъ ближнихъ. Передъ тайной, наибольшимъ соблазномъ которой является окутывающій ее покровъ, я, рискуя самыми горькими разочарованіями, мечтаю только о томъ, чтобы сорвать его.

...Нѣтъ, рѣшительно, это животное было необыкновенной породы...

...Мое любопытство было возбуждено его бродяжничествомъ по непонятному лабиринту; все казалось окруженнымъ таинственностью.

Но отъ усталости я еле держался на ногахъ и скоро задремалъ, приготавлиаясь на слѣдующій день сдѣлаться сыщиком и придумывая тонкіе методы изслѣдованія, которое не возбудило-бы ничьего подозрѣнія.

Я проснулся на зарѣ и сейчасъ-же увидѣлъ, что моему плѣну пришелъ конецъ. Невдалекѣ отъ меня, въ чащѣ деревьевъ, шли люди, разговаривая другъ съ другомъ. Они проходили туда и обратно, какъ тотъ олень, разбираясь, повидимому, въ запутанныхъ дорожкахъ лабиринта. Былъ моментъ, когда они, не выходя изъ кустарниковъ, прошли на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ автомобиля, но я не понялъ ихъ разговора. Мнѣ показалось, что они разговариваютъ по-нѣмецки.

Наконецъ, они дошли до того мѣста, на которомъ вчера появилось животное; я увидѣлъ трехъ человѣкъ, внимательно изслѣдовавшихъ почву, точно они искали чей-то слѣдъ. Тамъ, гдѣ олень повернулъ обратно, одинъ изъ нихъ издалъ какое-то восклицаніе и показалъ спутникамъ, что надо идти назадъ. Но тутъ они меня увидѣли, и я подошелъ къ нимъ:

— Господа,—сказалъ я, стараясь улыбнуться полюбезнѣ—не будете-ли вы добры показать мнѣ дорогу въ Фонваль; я заблудился...

Всѣ трое смотрѣли на меня недовѣрчиво и угрюмо. не отвѣчая.

Эта троица не производила впечатлѣнія обыкновенныхъ людей.

У перваго, на коротковатомъ массивномъ туловищѣ была посажена круглая голова, съ совершенно плоскимъ, тоже круглымъ лицомъ, на дискѣ котораго торчалъ тонкій, длинный и острый носъ и дѣлалъ это лицо похожимъ на солнечные часы.

Второй, представительный, какъ военный, все время покручивалъ свои усы, которые онъ носилъ по манерѣ германскаго императора. Отличительной чертой его былъ гро-

мадный подбородокъ, который выдавался впередъ, какъ корабельный носъ.

Третій былъ высокаго роста старикъ, въ золотыхъ очкахъ, съ сѣдою, вьющеюся шевелюрой и запущенной бородой. Онъ ѣлъ вишни такъ-же шумно, какъ можно ѣсть требуху.

Это были, несомненно, нѣмцы, должно быть, три профессора бывшаго анатомическаго института.

Старикъ выплюнулъ въ мою сторону косточки, а въ сторону товарищей одну изъ тѣхъ нѣмецкихъ фразъ, въ которыхъ, вмѣстѣ со словами, разряжается еще картечь другихъ безчисленныхъ звуковъ. Они обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями, какъ залпами, затѣмъ, показавъ мнѣ своимъ разговоромъ недурное подражаніе шуму водопада—это они держали совѣтъ между собой,—повернулись ко мнѣ спиной и ушли, оставивъ меня обалдѣвшимъ отъ ихъ грубости.

Но, вѣдь, надо-же выбраться отсюда! Эта поѣздка становилась часъ отъ часу все глупѣе. Что это все обозначало? Что это за комедія? Въ концѣ-концовъ, надо мной просто издѣвались.—Я былъ въ бѣшенствѣ. Предполагаемая тайна, которую я собирался раскрыть, теперь, при свѣтѣ дня, казалась мнѣ дѣтской фантазіей, навѣянной темнотою, и волненіемъ, Ахъ, уѣхать-бы! Сейчасъ! Не медля ни одной минуты!

Въ ярости, не думая о томъ, что я дѣлаю, я соединилъ контактъ, чего достаточно, чтобы пустить въ ходъ машину, и восьмидесятисильный моторъ загудѣлъ подъ крышкою. какъ рой пчелъ въ ульѣ. Я схватился за ручку, чтобы двинуться въ путь, когда услышалъ за своей спиной взрывъ хохота. Я оглянулся.

Ко мнѣ подходилъ, заломивъ кепи на бекрень, въ синей блузѣ, съ мѣшкомъ, наполненнымъ письмами, веселый и торжествующій почтальонъ.

— Ха, ха! Я, вѣдь, кричалъ вамъ вчера вечеромъ, что вы ошиблись дорогой!—сказалъ онъ мнѣ, растягивая слова.

Я узналъ крестьянина, кричавшаго мнѣ что-то въ Грей-л'Аббей, но не отвѣтилъ, потому что былъ очень злобно настроенъ.

— Да вы ѣдете-то, въ Фонваль?—спросилъ онъ снова.

Я разразился противъ Фонваля, не помню ужъ какимъ, языческимъ проклятіемъ, въ которомъ, шла рѣчь объ отправкѣ всей мѣстности, со всѣми жителями, ко всѣмъ чертямъ.

— Потому что, если вы туда ѣдете, то я вамъ покажу дорогу. Я несу туда почту. Только поторопитесь, вѣдь сегодня двойная почта, потому-что сегодня понедѣльникъ, а по воскресеньямъ я не прихожу.

Говоря это, онъ вытащилъ письма изъ мѣшка и сталъ разбирать ихъ.

— Покажи-ка мнѣ это письмо,—сказалъ я ему быстро.—Да, это—въ желтомъ конвертѣ.

Онъ недовѣрчиво взглянулъ на меня и показалъ его издали.

Да, это было мое письмо! То самое, въ которомъ я сообщалъ о своемъ пріѣздѣ, и оно-то, вмѣсто того, чтобы дойти днемъ раньше меня, приходило на цѣлую ночь позже.

Это злключеніе объясняло поведеніе дяди и прогнало мое плохое настроеніе.

— Садитесь ко мнѣ,—сказалъ я.—Вы покажете мнѣ дорогу... а кромѣ того, мы побесѣдуемъ.

Мы тронулись въ путь. Наступало утро новаго дня.

Густой туманъ мало-по-малу разсѣивался, точно солнцу, послѣ того, какъ оно освѣтило сумерки, нужно было ихъ еще прогнать, какъ будто эти исчезающія испаренія были запоздалой тѣнью тумана, какой-то тѣнью ночи на поверхности дня, удаляющимся призракомъ исчезнуваго привидѣнія.

II. ВЪ ОБЩЕСТВѢ СФИНКСОВЪ.

Автомобиль медленно ѣхалъ по извилистымъ аллеямъ лабиринта. Изрѣдка, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, почтальонъ самъ колебался, на какую указать.

— Съ какого времени прямая дорога замѣнена этимъ лабиринтомъ?—спросилъ я.

— Это устроили четыре года тому назадъ, приблизительно черезъ годъ послѣ того, какъ г. Лернъ окончательно поселился въ замкѣ.

— Вы не знаете, съ какою цѣлью это сдѣлано?.. Вы можете говорить совершенно откровенно, я—племянникъ профессора.

— Ну... потому... впрочемъ, онъ большой оригиналъ.

— Что же онъ дѣлаетъ такого необычайнаго?

— Ахъ, Боже мой, да ничего особеннаго... Да его почти никогда и не видно! Это-то и страннѣе всего. Раньше, когда еще не было этой запутанной штуки, его часто можно было встрѣтить: онъ прогуливался по полямъ, ну, а послѣ этой постройки, теперь... дай Богъ, чтобы онъ хоть разъ въ мѣсяцъ показался, и то, когда приѣзжаетъ въ Грей, чтобы сѣсть въ поѣздъ.

Въ сущности, всѣ странности поведенія моего дядюшки начались одновременно: постройка лабиринта совпала съ измѣненіемъ въ тонѣ писемъ. Значить, въ это время что-нибудь сильно повліяло на него.

— А его сожители?—возобновилъ я разговоръ.— Нѣмцы?

— Ну, эти, сударь, это какія-то невидимки. Да, кромѣ того, представьте себѣ, что я, которому приходится бывать въ Фонвалѣ шесть разъ въ недѣлю, я ужъ и не помню того времени, когда въ послѣдній разъ видѣлъ паркъ, хоть краешкомъ глаза. За письмами къ воротамъ приходитъ самъ Лернъ. Вотъ, какая переменна! Вы знавали стараго Жана? Ну, такъ вотъ: онъ бросилъ службу и уѣхалъ, его жена тоже. Повѣрьте, что все это такъ, сударь какъ я вамъ расска-

зываю: нѣтъ больше ни кучера, ни экономки... ни даже лошади.

— И все это началось четыре года тому назадъ, не такъ-ли?

— Да, сударь, такъ.

— Скажи, голубчикъ, вѣдь здѣсь много дичи, не правда-ли?

— Ну, знаете, не скажу. Пара зайцевъ, нѣсколько кроликовъ... Но зато слишкомъ много лисицъ.

— Какъ, неужели нѣтъ косуль, оленей?

— Ничего подобнаго!

Меня охватило странное чувство радости.

— Вотъ мы и пріѣхали, сударь.

И дѣйствительно, за послѣднимъ поворотомъ оказалась прямая аллея, кончикъ которой Лернъ сохранилъ. Два ряда липъ вытянулись по краямъ ея, и изъ глубины аллеи ворота Фонваля какъ-бы подвигались намъ навстрѣчу. Передъ воротами аллея расширялась въ полукруглую площадку, а за воротами крыша замка выдѣлялась синимъ пятномъ на зеленомъ фонѣ деревьевъ.

Ворота, соединявшія утесы стѣны, сильно постарѣвшіе, были по-прежнему покрыты черепичной кровелькой; изъѣденное червями дерево мѣстами крошилось; но звонокъ нисколько не измѣнился. Звукъ его, радостный, свѣтлый и отдаленный, такъ живо напомнилъ мнѣ мое дѣтство, что я чуть не заплакалъ.

Намъ пришлось подождать нѣсколько минутъ.

Наконецъ, раздался стукъ сабо.

— Это вы, Гійото?—раздался голосъ съ типичнымъ зарейнскимъ акцентомъ.

— Да, господинъ Лернъ.

Г. Лернъ? Я посмотрѣлъ на своего проводника, разинувъ ротъ. Какъ, это мой дядя говорилъ съ такимъ акцентомъ?..

— Вы раньше обычнаго времени,—продолжалъ тотъ же голосъ.

Раздался звукъ отодвигаемыхъ засововъ, и въ образовавшуюся щель просунулась рука.

— Давайте...

— Вотъ, господинъ Лернъ, держите; но... со мной пріѣхалъ еще кто-то—тихо произнесъ внезапно притихшій почтальонъ.

— Кто такой?—нетерпѣливо вскричалъ голосъ; и въ чуть-чуть пріоткрытую калитку протиснулась фигура человѣка.

Это, дѣйствительно, былъ мой дядя Лернъ. Но жизнь наложила на него курьезную печать: повидимому, она сильно потрепала его; предо мной стоялъ свирѣпый и неряшливый субъектъ, сѣдые, сѣроватые волосы котораго свисали на воротникъ истрепаннаго, поношеннаго костюма; преждевременно состарившійся, онъ глядѣлъ на меня сердитыми глазами изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ у меня суровымъ тономъ.—Произнесъ онъ: «Што вамъ укотно?»

На минуту меня охватило сомнѣніе. Дѣло въ томъ, что это трагическое лицо, на-чисто выбритое и жестокое, ни съ какой стороны не напоминало больше лица доброй, старой женщины, и я испыталъ при видѣ его два противорѣчащихъ другъ другу ощущенія: что я его узналъ и что все-таки онъ былъ неузнаваемъ.

— Но, дядя,—пролепеталъ я, наконецъ,—это-же я... я пріѣхалъ повидаться съ вами... съ вашего разрѣшенія. Я написалъ вамъ объ этомъ, только мое письмо... вотъ оно... мы прибыли одновременно. Простите за разсѣянность.

— А, хорошо! Надо было сразу сказать. Я долженъ передъ вами извиниться, племянникъ.

Внезапная переменна фронта. Лернъ засуетился, покраснѣвъ, сконфуженный, почти подобострастный.

— Ха, ха! Вы пріѣхали въ механической коляскѣ. Ага! Ее нужно куда-нибудь помѣстить, не правда-ли?

Онъ открылъ ворота настежъ.

— Здѣсь часто приходится самому себѣ услуживать,— сказалъ онъ подѣ скрипъ старыхъ воротъ.

При этихъ словахъ дядя усмѣхнулся, Но, видя его растерянный взглядъ, я готовъ былъ держать пари, что ему было не до смѣха и что мысли его витають гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Почтальонъ распрощался съ нами.

— Сарай все тамъ-же помѣщается?—спросилъ я, показывая направо, на кирпичный домикъ.

— Да, да... Я не узналъ васъ сразу изъ-за усовъ, гм... да... да, изъ-за вашихъ усовъ; у васъ ихъ раньше не было... Сколько вамъ лѣтъ теперь?

— Тридцать одинъ годъ, дядюшка.

Когда я открылъ сарай, сердце мое сжалось. Повозка, наполовину заваленная дровами, покрылась плесенью; сарай и рядомъ расположенная конюшня были наполнены всякимъ полуразвалившимся хламомъ, повсюду была густая пыль, по угламъ все было покрыто паутиной, которая свисала даже съ потолка густыми прядями.

— Уже тридцать одинъ годъ,—повторилъ Лернъ, но сказалъ это какъ-то машинально и думая, повидимому, совсѣмъ о другомъ.

— Но, послушайте, милый дядюшка, говорите-же мнѣ «ты», какъ прежде.

— Ну, конечно; ты правъ, милый... гм... Николай, не такъ-ли?

Я чувствовалъ себя очень стѣсненнымъ, но и дядѣ было не по себѣ. Ясно было, что мое присутствіе было ему не особенно желательнымъ.

Незванному гостю всегда заманчиво дознаться, почему онъ является помѣхой:— я схватилъ свой чемоданъ.

Лернъ замѣтилъ мой жестъ и, кажется, вдругъ принялъ рѣшеніе.

— Оставьте... Оставьте, Николай, — сказалъ онъ, почти приказавъ.—Я сейчасъ пришло за твоимъ багажемъ. Но раньше надо намъ поговорить. Пойдемъ, прогуляемся.

Онъ взялъ меня за руку и почти потащилъ въ паркъ.

Но онъ все еще надъ чѣмъ-то размышлялъ.

Мы прошли мимо замка. За немногими исключеніями всѣ ставни были закрыты. Крыша мѣстами осѣла, мѣстами даже была пробита; на обвѣтшалыхъ стѣнахъ штукатурка обвалилась пластами—и тамъ и сямъ видна была кирпичная кладка. Растенія въ кадкахъ по-прежнему были разставлены кругомъ замка, но ясно было видно, что ужъ не одну зиму онѣ провели на открытомъ воздухѣ, вмѣсто того, чтобы быть убранными въ оранжерею. Вербены, гранатовыя, апельсиновые и лавровыя деревья стояли засохшими и мертвыми въ своихъ сгнившихъ и продырявленныхъ кадкахъ. Песчаная площадка, которую когда-то тщательно подчищали, могла теперь сойти за скверный лужокъ, такъ она заросла травой и крапивой. Все походило на замокъ Спящей красавицы передъ приходомъ Принца.

Лернъ шелъ подъ руку со мной, не говоря ни слова.

Мы завернули за уголъ печальнаго замка, и передъ моимъ взоромъ появился паркъ: полная разруха. И слѣда не осталось отъ цвѣточныхъ клумбъ и покрытыхъ пескомъ широкихъ аллей. За исключеніемъ лужка передъ замкомъ, превращеннаго въ пастбище и окруженнаго проволочной рѣшеткой, вся остальная долина вернулась къ своему первичному состоянію первобытной чащи. Кое-гдѣ видѣнъ былъ слѣдъ бывшихъ аллей по чуть замѣтному пониженію уровня почвы, но повсюду росли молодые деревца. Садъ превратился въ густой лѣсъ, съ разсѣянными на немъ полянами и зеленѣющими тропинками. Арденскій лѣсъ вернулся на насильно отнятое у него мѣсто.

Лернъ дрожащей рукой задумчиво набилъ большую трубку, закурилъ, и мы проникли въ лѣсъ, направившись по одной изъ бывшихъ аллей, похожихъ теперь на зеленый гротъ.

По пути мнѣ встрѣтились старыя статуи, на которыя я смотрѣлъ разочарованнымъ взглядомъ. Одинъ изъ прошлыхъ владѣльцевъ замка разставилъ ихъ въ изобиліи. Эти

великолѣпные соучастники моихъ былыхъ переживаній, были, въ сущности говоря, простыми современными издѣліями, вылѣпленными какимъ-нибудь ремесленникомъ подѣ вліяніемъ римскихъ и греческихъ образцовъ во времена второй имперіи. Бетонные пеплумы вздувались, какъ кринолины, и прически этихъ лѣсныхъ божествъ: Эхо, Сфинкса, Аретузы, были сдѣланы въ формѣ низко спущенныхъ шиньоновъ, заключенныхъ въ сѣтки,—какъ у Бенуотонъ.

Пройдя въ молчаніи съ четверть часа, дядя усадилъ меня на каменную скамью, сплошь покрытую мохомъ, стоявшую въ тѣни громадныхъ орѣшниковъ, и самъ сѣлъ рядомъ со мной. Въ густой листвѣ, какъ разъ надъ нашими головами, слышался легкій трескъ.

Дядя судорожно вскочилъ и поднялъ голову.

Среди вѣтвей сидѣла простая бѣлка и внимательно смотрѣла на насъ.

Дядя посмотрѣлъ на нее такимъ пристальнымъ взглядомъ, точно прицѣлился, потомъ облегченно засмѣялся.

— Ха, ха, ха!. Это просто маленькая... штучка,— сказалъ онъ, не найдя, повидимому, подходящаго слова.

Однако,—подумалъ я, какимъ причудливымъ становишься, когда старѣешь. Я знаю, что среда способствуетъ всякимъ персмѣнамъ: не только начинаешь говорить, помимо своей воли, какъ окружающіе, но даже подражаешь ихъ движеніямъ; достаточно вспомнить, съ кѣмъ дядѣ приходится жить, чтобы объяснить себѣ, почему онъ грязень, вульгарно выражается, говоритъ съ нѣмецкимъ акцентомъ и куритъ громадную трубку... Но онъ разлюбилъ цвѣты, забросилъ свое хозяйство и домъ и выглядитъ сейчасъ удивительно разстроеннымъ и нервнымъ... А если прибавить къ этому еще и приключенія этой ночи, то все становится еще менѣе яснымъ.

А профессоръ, между тѣмъ, окидывалъ меня сбивавшимъ меня съ толку взглядомъ и разглядывалъ меня такъ, точно производилъ оцѣнку моей личности и точно онъ ни-

когда не видалъ меня до сихъ поръ. Меня это сильно смущало.

Въ его душѣ происходила борьба, отголоски которой отражались на его лицѣ; я ясно видѣлъ, что онъ колеблется между двумя противоположными рѣшеніями. Наши взгляды ежесекундно скрещивались и, наконецъ, дядя, считая неудобнымъ дальнѣйшее молчаніе, рѣшился на вторую попытку.

— Николай,—сказалъ онъ мнѣ, ударивъ меня по колѣну, ты знаешь, вѣдь я разоренъ!

Я сразу понялъ его планъ и возмутился:

— Дядюшка, будьте откровенны,—вѣдь вы добиваетесь, чтобы я уѣхалъ?

— Я? Что за странныя мысли приходятъ тебѣ въ голову, дитя мое?

— Конечно! Я въ этомъ увѣренъ. Ваше приглашеніе само по себѣ могло отбить охоту пріѣхать, а пріемъ вашъ далекъ отъ гостепріимства. Но, милый дядюшка, у васъ, должно быть, очень короткая память, если вы могли счесть меня на столько корыстолюбивымъ, что я пріѣхалъ сюда изъ-за наслѣдства. Я вижу, что вы не тотъ, что были,—впрочемъ, я могъ ожидать этого по вашимъ письмамъ, но то, что вы прибѣгаете къ такой грубой уловкѣ, чтобы изгнать меня отсюда, поражаетъ меня. Потому что я-то, вѣдь, ничуть не измѣнился за эти пятнадцать лѣтъ; я продолжаю чтить васъ всѣмъ сердцемъ и, право, ни съ какой стороны не заслуживаю ни этихъ ледяныхъ писемъ, ни, клянусь Богомъ, этого оскорбленія.

— Ну, ладно, ладно, тише...—сказалъ Лернъ очень недовольнымъ тономъ.

— А, главное, если вы хотите, чтобы я уѣхалъ,—продолжалъ я,—скажите это прямо и открыто и—прощайте. Вы мнѣ больше не дядя!

— Не смѣй такъ кощунствовать, Николай!

Онъ сказалъ это такимъ перепуганнымъ тономъ, что я попробовалъ еще больше смутить его:

— И я донесу на васъ, дядюшка, на васъ, на вашихъ сподвижниковъ и выведу ваши секреты на свѣжую воду!

— Ты сошелъ съ ума! Ты окончательно сошелъ съ ума! Да замолчишь-ли ты? Вотъ выдумщикъ!..

Лернъ расхохотался во все горло, но, самъ не знаю почему, выраженіе его глазъ испугало меня, и я пожалѣлъ, что сказалъ это. Онъ заговорилъ снова:

— Послушай, Николай, не набивай себѣ головы чужью. Ты славный малый! Дай твою руку—вотъ такъ. Ты всегда найдешь во мнѣ своего стараго дядю, который тебя крѣпко любить. Это, конечно, неправда, я вовсе не разоренъ, и мой наслѣдникъ, навѣрное, кое-что получить... если онъ будетъ поступать согласно моей волѣ. Но... въ томъ-то и дѣло, что тебѣ, какъ мнѣ кажется, было-бы лучше здѣсь не оставаться... Здѣсь нѣтъ ничего такого, что могло бы служить развлеченіемъ для человѣка твоего возраста, Николай; я цѣлый день занятъ...

Теперь профессоръ могъ говорить сколько его душѣ было угодно. Лицемѣріе сквозило во всѣхъ его словахъ; онъ оказался Тартюфомъ, такъ что его нечего было щадить, а, наоборотъ, обмануть его было добрымъ дѣломъ: —я не уѣду, пока вполнѣ не удовлетворю своего любопытства. Поэтому, я перебилъ его:

— Вотъ,—сказалъ я обиженнымъ тономъ,—вотъ вы снова поднимаете вопросъ о наслѣдствѣ, чтобы уговорить меня покинуть Фонваль. Вы, повидимому, окончательно мнѣ не довѣряете.

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ. Я продолжалъ:

— Наоборотъ, позвольте мнѣ остаться, чтобы возобновить наше знакомство. Это въ интересахъ насъ обоихъ.

Лернъ нахмурилъ брови, потомъ сказалъ шутливо:

— Ты продолжаешь отрекаться отъ меня, мальчишка.

— Ничуть не бывало; но не гоните меня отъ себя, или вы меня очень огорчите и, откровенно говоря,—сказал я тоже шутливымъ тономъ, — я не буду знать, что и подумать...

— Остановись,—воскликнулъ дядя громко,—у тебя нѣтъ никакихъ основаній предполагать что-нибудь плохое, какъ разъ наоборотъ.

— Само собой разумѣется. А все-таки у васъ есть тайны, но это ваше право имѣть ихъ. Если я заговорилъ съ вами о нихъ, то потому, что должны-же я упомянуть объ этомъ, чтобы увѣрить васъ, что я буду относиться къ нимъ съ уваженіемъ.

— Есть всего только одинъ секретъ. Одинъ! И цѣль его благородна и благодѣтельна,—сказалъ съ удареніемъ дядя, оживившись вдругъ.—Слышишь-ли, только одинъ. Это секретъ нашей работы: благодѣяніе для всѣхъ, и слава, и несмѣтное богатство... Но нужно пока абсолютное молчаніе... Тайны! Весь міръ знаетъ, что мы здѣсь работаемъ. Во всѣхъ газетахъ объ этомъ писали. Какая-же это тайна?

— Успокойтесь, дядюшка, и опредѣлите сами, какъ мнѣ вести себя у васъ; я отдаю себя въ ваше полное распоряженіе.

Лернъ снова погрузился въ размышленія.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ, поднимая голову,—пусть будетъ такъ. Такой дядя, какимъ я всегда былъ по отношенію къ тебѣ, не можетъ тебя оттолкнуть. Это значило-бы отречься отъ всего прошлаго. Оставайся тутъ, но вотъ на какихъ условіяхъ:

Мы въ нашихъ опытахъ почти приблизились къ концу. Когда опыты подтвердятъ наше открытіе, мы опубликуемъ его, и весь міръ узнаетъ о немъ сразу. До того времени я не хочу, чтобы кто-нибудь узналъ что бы то ни было о ходѣ нашихъ работъ, потому что сообщеніе о неувѣнчавшихся окончательнымъ успѣхомъ опытахъ можетъ дать исходную точку нашимъ конкурентамъ, которымъ можетъ удастся опередить насъ. Я не сомнѣваюсь въ твоей сдержанности, но предпочитаю не подвергать тебя испытанію, и поэтому прошу тебя, въ твоихъ же собственныхъ интересахъ, ничего не вывѣдывать, для того, чтобы нечего было скрывать.

Я говорю: въ твоихъ собственныхъ интересахъ. Я это сказалъ не только потому, что легче не копаться въ томъ, въ чемъ не надо, чѣмъ молчать, а еще вотъ по какимъ причинамъ:

Наше предпріятіе, въ концѣ-концовъ,—коммерческое предпріятіе. Коммерсантъ твоего склада мнѣ, впослѣдствіи, очень пригодится. Мы разбогатѣемъ, племянничекъ, мы будемъ обладать милліардами. Но для этого ты долженъ дать мнѣ возможность спокойно и мирно заниматься приготовленіемъ матеріаловъ для нашего богатства; ты съ сегодняшняго дня долженъ быть тактичнымъ и безпрекословно подчиняться моимъ распоряженіямъ, чтобы оказаться достойнымъ занять мѣсто моего компаньона.

Кромѣ того, я—не единственный участникъ этого предпріятія. Тебя могли-бы заставить раскаться въ неповиновеніи тѣмъ правиламъ, которыя я тебѣ предписываю... раскаться... жестоко... болѣе жестоко, чѣмъ ты можешь себѣ это вообразить.

Поэтому, будь безучастенъ ко всему, племянничекъ. Старайся ничего не видѣть, не слышать и не понимать, если хочешь быть милліонеромъ и... остаться... въ живыхъ.

Но имѣй въ виду, что безучастность вовсе не легкая добродѣтель, особенно въ Фонвалѣ... Какъ разъ этой ночью вырвались на свободу вещи, которыя не должны были-бы быть тамъ, и попали туда только по недосмотру.

При этихъ словахъ Лернъ внезапно обозлился. Онъ угрожающе протянулъ кулаки въ пространство и пробурчалъ сквозь зубы:

— Проклятый Вильгельмъ! Безсмысленная скотина!

Теперь я окончательно убѣдился, что тайна была значительна и что раскрытіе ея обѣщаетъ мнѣ много любопытнаго и неожиданнаго. Что же касается обѣщаній доктора, то я имъ придавалъ такъ же мало значенія, какъ и угрозамъ, а рассказъ его не возбудилъ во мнѣ ни алчности, ни страха—чувства, которыми дядя хотѣлъ регулировать мое повиновеніе.

Я спокойно спросилъ:

— Больше вы отъ меня ничего не требуете?

— Нѣтъ, требую! Но тутъ пойдетъ рѣчь о... запретѣ... другого характера. Видишь-ли, сейчасъ въ замкѣ я представлю тебя одной особѣ; я пріютилъ ее... молодую дѣвушку...

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ, и Лернъ понялъ, въ чемъ я его заподозрѣлъ:

— О, нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Это дочерняя привязанность и больше ничего. Но все же я ею очень дорожу и мнѣ было бы крайне непріятно, если бы это чувство уменьшилось изъ-за другого, которое я ужъ не могу рассчитывать внушить. Словомъ, Николай,—сказалъ онъ очень быстро, какъ бы испытывая чувство стыда,—я требую отъ тебя честнаго слова, что ты не станешь ухаживать за моей любимицей.

Огорченный такимъ униженіемъ, а еще больше его безтактностью, я подумалъ, что какъ-никакъ, а ревность безъ любви также часто встрѣчается, какъ дымъ безъ огня.

— За кого вы меня принимаете, дядюшка? Достаточно того, что я у васъ въ гостяхъ...

— Ладно, ладно. Я прекрасно знаю фізіологію и знаю, какъ къ ней надо относиться. Могутъ-ли я рассчитывать на тебя?.. Ты даешь слово?... Хорошо!

— Что же касается ея,—добавилъ онъ съ самодовольной улыбкой,—то на короткое время я спокоенъ. Она недавно имѣла случай видѣть, какъ я обращаюсь съ ея поклонниками... Не желаю тебѣ испытать это на себѣ.

Поднявшись со скамьи, дядя, заложивъ руки въ карманы, съ трубкой въ зубахъ, поглядывалъ на меня насмѣшливо и вызывающе. Этотъ фізіологъ внушалъ мнѣ непреодолимое отвращеніе.

Мы продолжали нашу прогулку по парку.

— Кстати, не говоришь-ли ты по-нѣмецки?—спросилъ вдругъ профессоръ.

— Нѣтъ, дядя, я владѣю только французскимъ и испанскимъ языкомъ.

— По-англійски тоже не говоришь?... Ну, знаешь, это не очень шикарно для будущаго короля торговли. Тебя не многому учили.

Разсказывайте другімъ, дядюшка, морочьте другихъ!.. Я началъ съ того, что широко раскрылъ глаза, потому что вы велѣли ихъ зажмурить, и прекрасно увидѣлъ по вашему довольному лицу, что вы недовольны только на словахъ...

Мы дошли до конца парка, направляясь вдоль по утесамъ, и увидѣли оба боковыхъ крыла замка, такія же ветхія, какъ и фасадъ.

Какъ разъ въ эту минуту я обратилъ вниманіе на какую-то ненормальную птицу: это былъ голубь, который летѣлъ съ необыкновенной быстротой и, описывая надъ нашими головами все меньшіе круги, все ускорялъ свой полетъ.

— Погляди на эти розы, растущія на этомъ тернистомъ кустѣ: онѣ очень красивы и интересны,—сказалъ дядя.—Изъ-за отсутствія ухода этотъ кустъ сдѣлался снова шиповникомъ...

— Какой странный голубь,—сказалъ я.

— Посмотри же на розы,—настойчиво повторилъ Лернъ.

— Можно предположить, что у него въ головѣ дробинка... Это случается иногда на охотѣ. Онъ будетъ подниматься все выше и выше и упадетъ съ очень большой высоты.

— Если ты не будешь смотрѣть подъ ноги, то упадешь и разцарапаешь себѣ лицо о шипы. Берегись, мой другъ!

Это любезное предупрежденіе было сказано угрожающимъ тономъ, совершенно не подходившимъ къ смыслу словъ.

А птица въ это время, достигнувъ центра спирали, не стала подыматься, какъ я ожидалъ, а опускаться, дѣлая странные скачки и кувыркаясь черезъ голову. Она удари-лась объ утесъ недалеко отъ насъ и упала мертвой въ кус-тарникъ.

Почему профессоръ вдругъ сдѣлался еще безпо-койнѣе? Отчего онъ ускорилъ свою походку? Вотъ вопросы, которые я задавалъ себѣ, какъ вдругъ трубка выпала у не-го изо рта. Бросившись впередъ, чтобы поднять ее, я не могъ скрыть охватившаго меня изумленія: онъ перекусилъ трубку, стиснувъ въ бѣшенствѣ зубы.

Инцидентъ закончился нѣмецкимъ словомъ, должно быть, ругательствомъ.

Возвращаясь по направленію къ замку, мы увидѣли, что въ нашу сторону бѣжитъ очень толстая женщина въ синемъ передникѣ.

Повидимому, такой быстрый способъ передвиженія былъ большой рѣдкостью въ ея жизни и давался ей не лег-ко, такъ на ней все тряслось и она крѣпко-на-крѣпко сама себя обхватила руками, точно прижимала къ себѣ какую-то драгоценную, вырывающуюся изъ рукъ, слишкомъ боль-шую ношу. Увидя насъ внезапно, она остановилась, какъ вкопанная,—что на первый взглядъ казалось совершенно невозможнымъ, и какъ будто хотѣла повернуть назадъ. Все же она рѣшилась пойти впередъ, чрезвычайно сконфужен-ная, съ выраженіемъ пойманнаго врасплохъ школьника на лицѣ. Она предчувствовала свою участь.

Лернъ набросился на нее.

— Варвара! Что вы здѣсь дѣлаете? Вы забыли, что я запретилъ вамъ выходить за предѣлы пастбища? Кончится тѣмъ, что я васъ выставлю изъ замка, Варвара, но прежде накажу. Вы меня понимаете?

Толстая женщина страшно перепугалась. Она же-манно опустила глаза, сдѣлала маленькій ротикъ и заку-дахтала объясненія: она, молъ, увидѣла изъ кухни паденіе

голубя и подумала, что онъ поможетъ ей поразнообразить меню. «Вѣдь, приходится ежедневно ѣсть одно и то же».

— А кромѣ того,—прибавила эта безтолковая голова,—я не думала, что вы въ саду, я была увѣрена, что вы въ ла...

Грубая тяжеловѣсная пощечина прервала ее на этомъ слогѣ—начальномъ слова «лабиринтъ», какъ я предполагалъ.

— О, дядюшка!—воскликнулъ я въ негодованіи.

— Послушайте, вы! Или оставьте меня въ покоѣ, или убирайтесь вонъ! Поняли?

Варвара была въ такомъ ужасѣ, что даже не смѣла заплакать во весь голосъ. Отъ сдерживаемыхъ рыданій, она икала. Поблѣднѣла она страшно, и костистая рука Лерна оставила на щекѣ ярко красный слѣдъ пальцевъ.

— Ступайте, возьмите багажъ этого господина въ сараѣ и снесите его въ львиную комнату.

(Эта комната помѣщалась въ первомъ этажѣ западнаго крыла).

— А вы не помѣстите меня въ ту комнату, которую я занималъ всегда?

— Въ какую?

— Какъ въ какую?... Ну... въ желтую, въ партерѣ, въ восточномъ крылѣ, развѣ вы забыли?

— Нѣтъ,—отрѣзалъ онъ сухо,—она занята. Ступайте, Варвара.

Кухарка побѣжала отъ насъ еще быстрее, чѣмъ бѣжала раньше, и доставила намъ возможность любоваться другой стороной ея грузной фигуры, колыхавшейся отъ быстраго бѣга.

Направо зеленѣлъ заглохшій прудъ. Мнѣ стало казаться, что я сплю или нахожусь въ летаргіи. Я все больше и больше удивлялся.

Все же я постарался ничѣмъ не выказать своего изумленія при видѣ новой большой постройки изъ сѣраго камня, прислоненной одной стороной къ утесу. Постройка

эта состояла изъ двухъ зданій, раздѣленныхъ небольшимъ дворикомъ; дворъ этотъ былъ закрытъ отъ чужихъ взглядовъ стѣной съ воротами посрединѣ, которыя въ данный моментъ тоже были закрыты, но оттуда доносилось клохтанье и даже раздался лай собаки, повидимому, почувшавшей наше присутствіе.

Я рѣшился позондировать почву:

— Вы покажетс мнѣ вашу ферму?

Лернъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Можетъ быть!

Потомъ, обернувшись къ дому, онъ позвалъ: «Вильгельмъ, Вильгельмъ!»

Нѣмецъ съ лицомъ, какъ солнечные часы, открылъ слуховое окно и высунулся въ него. Профессоръ принялся его ругать на его родномъ языкѣ такъ свирѣпо, что бѣдняга дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Чортъ возьми!—подумалъ я,—повидимому, по его недосмотру, какъ разъ этой ночью вырвались на свободу такія вещи, которыя не должны были быть тамъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Когда дядя окончилъ выговоръ, мы пошли дальше вдоль пастбища. На пастбищѣ находились черный быкъ и четыре разномастныя коровы. Все это стадо, безъ видимой причины, эскортировало насъ во время нашей прогулки вдоль пастбища. Мой ужасный родственникъ развеселился:

— Вотъ, Николай, представляю тебѣ Юпитера; а вотъ бѣлая Европа, рыжая Іо, бѣлокурая Аторъ и Парсифая въ очаровательномъ платьѣ—можешь назвать его молочнымъ съ чернильными пятнами, или же угольнымъ, испещреннымъ мѣловыми полосами, какъ тебѣ будетъ угодно.

Эти воспоминанія изъ области легкомысленной миѳологіи заставили меня улыбнуться. По правдѣ сказать, я готовъ былъ ухватиться за первый представившійся предлогъ, чтобы немного разсѣяться; у меня была чисто физическая потребность въ этомъ. Кромѣ того, я такъ проголодался, что могъ думать только о томъ, какъ бы удовле-

творить чувство голода. Поэтому меня притягивалъ только замокъ: тамъ мнѣ дадутъ поѣсть. И эта мысль чуть не заставила меня пройти, не обращая вниманія, мимо оранжереи.

Было бы очень жаль. Старую оранжерею расширили, пристроивъ къ ней два большихъ флигеля; насколько можно было разглядѣть за опущенными шторами, эта постройка была произведена очень тщательно и были примѣнены всѣ новѣйшія усовершенствованія. Вся постройка цѣликомъ напоминала что-то среднее между дворцомъ и колоколомъ и производила довольно неожиданное впечатлѣніе чего-то грандіознаго.

Такая роскошная теплица въ такой трущобѣ?.. Я съ меньшимъ изумленіемъ констатировалъ бы присутствіе любовнаго источника въ монастырѣ.

Во времена моей тетушки львиная комната предназначена была для гостей. Она освѣщалась—и теперь освѣщается—тремя окнами, помещенными въ нишахъ, вродѣ алькововъ. Одно окно выходитъ на ту сторону, гдѣ находится оранжерея, и снабжено балкономъ; черезъ другое виденъ паркъ: сквозь него я увидѣлъ пастбище, за нимъ прудъ, а совсѣмъ вдали избушку, которая исполняла роль Бриарей; третье окно приходилось напротивъ восточнаго крыла, изъ него я увидѣлъ окна моей прежней комнаты—со спущенными шторами—и, въ перспективѣ, весь фасадъ замка, заслонявшій отъ меня видъ налѣво.

Я почувствовалъ себя въ этой комнатѣ, какъ въ гостинницѣ. Ни одна вещь не будила во мнѣ воспоминаній. Картина Жуи, потрескавшаяся отъ времени, снятая со стѣны и брошенная куда-то въ уголъ, украшала ее яркой раскраской своихъ львовъ. Портьеры кровати и окна были украшены тѣми же изображеніями. Между оконъ симметрично висѣли двѣ гравюры: «Воспитаніе Ахилла» и «Похищеніе Дежаниръ», которыя были такъ сильно испор-

чены сыростью, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть лица; убранство довершали недурные нормандскіе часы, футляръ которыхъ напоминалъ поставленный дыбомъ гробъ—эмблема и въ тоже время мѣра времени. Все это было старомодно и неприглядно.

Я съ наслажденіемъ умылся довольно жесткой водой и переодѣлъ бѣлье. Варвара принесла мнѣ, причемъ вошла не постучавъ, тарелку простого крестьянскаго супа, ни звука не отвѣтила мнѣ на высказанное мною сожаленіе по поводу ея щеки и тяжелоуѣсно испарилась, какъ гигантскій эльфъ.

Въ залѣ никого не было, развѣ только если назвать кѣмъ-нибудь двѣ тѣни.

Маленькое креслице, обитое чернымъ бархатомъ съ двумя желтыми кистями... Потерявшая форму присѣвшая опухоль, которую я когда-то такъ удачно называлъ жабой, развѣ я могъ увидѣть ее снова, не воскресивъ на ней тѣни моей милой рассказчицы сказокъ, моей славной тетуски? А тѣнь моей матери—болѣе строгой, съ которой я не смѣлъ шутить—развѣ я могу не вспомнить, какъ она облокачивалась на твои ручки, милое кресло, если только ты на самомъ дѣлѣ кресло, а не что-нибудь другое?

Все до мельчайшихъ подробностей осталось постарому. Начиная отъ знаменитыхъ бѣлыхъ обоевъ, убранныхъ гирляндами цвѣтовъ, заплетенныхъ въ вѣночки, кончая ламбрекенами изъ сѣраго шелка, которые соприкасались своими обшитыми бахрамой полами—все удивительно сохранилось. Набитыя шерстью опухли по прежнему округляли поверхность дивановъ и креселъ, и время не сдѣлало болѣе плоскими сидѣнья шезлонговъ и пуфовъ. Со стѣнъ мнѣ, какъ и въ дѣтствѣ, улыбались всѣ мои усопшіе родственники: мои предки, дѣдушки и бабушки—пастели-миніатюры, мой отецъ, гимназистомъ—дагеротипъ; на каминѣ были прислонены къ зеркалу фотографическіе снимки въ бумажныхъ рамкахъ. Группа большого формата привлекла мое вниманіе. Я снялъ ее, чтобы лучше разсмотрѣть. Это былъ мой дядя въ обществѣ пяти мужчинъ и большого сень-

бернара. Фотографія была снята въ Фонвалѣ: фономъ служила стѣна замка и можно было узнать лавровое дерево въ кадкѣ. Любительскій снимокъ, безъ фирмы. На карточкѣ Лернъ выглядѣлъ добрымъ, мужественнымъ и веселымъ, словомъ, былъ похожъ на того ученаго Лерна, какимъ я рассчитывалъ его увидѣть. Изъ остальныхъ пяти я узналъ только троихъ—это были три нѣмца, остальныхъ двухъ я никогда не видалъ.

Въ этотъ моментъ дверь открылась такъ внезапно, что я не успѣлъ поставить карточку на мѣсто. Вошелъ Лернъ, толкая передъ собой молодую женщину.

— Мой племянникъ, Николай Вермонъ—мадемуазель Эмма Бурдише.

М-ль Эмма, надо полагать, только что выслушала отъ Лерна одинъ изъ тѣхъ рѣзкихъ выговоровъ, на которые онъ былъ такой мастеръ. Это видно было по ея растерянному выраженію лица. У нея не хватило силы воли даже на то, чтобы сдѣлать всѣми принятое ласковое выраженіе лица, а ограничилась неловкимъ движеніемъ головы. Я же, поклонившись, боялся поднять глаза, чтобы дядя нечаянно не прочелъ того, что дѣлалось у меня на душѣ.

На душѣ?—Если подъ этимъ словомъ понимать группу способностей, выдѣляющихъ и возвышающихъ человѣка надъ остальными животными, то я думаю, что лучше будетъ не компрометировать моей души въ данномъ случаѣ.

Мнѣ не безъизвѣстно, что хотя всякая любовь въ своей основѣ и представляетъ животное стремленіе половъ къ соединенію, все же, по временамъ, случается, что дружба и уваженіе облагораживаютъ это чувство.

Увы! Моя страсть къ Эммѣ осталась навсегда на ступени первобытнаго животнаго чувства; и если бы какому-нибудь Фрагону вздумалось увѣковѣчить нашу первую встрѣчу и онъ рѣшился бы, въ подражаніе восемнадцатому вѣку, украсить картину изображеніемъ Амура, то я посоветовалъ бы ему изобразить Эроса съ козлиными ногами,—Купидона-фавна безъ улыбки и безъ крыльевъ,—его кол-

чанъ сдѣлать изъ лыка, а стрѣлы изъ дерева и обагрить кровью;—и назвать слѣдовало бы э т о г о бога любви, не стѣсняясь, Паномъ. Это единственный всемірный богъ Любви, дарящій наслажденіемъ, не спрашивая у васъ позволенія, обольстительный порокъ, дѣлающій васъ отцами и матерями, чувственный властелинъ жизни, который относится съ одинаковой заботливостью къ вольному воздуху и къ кабаньей берлогѣ, къ прекрасной кровати и къ собачьей конурѣ, тотъ самый, который толкнулъ насъ другъ к другу—м-ль Бурдише и меня, какъ двухъ шаловливыхъ кроликовъ.

Существуютъ-ли ступени женственности? Если да, то я ни въ одной женщинѣ никогда въ жизни не встрѣчалъ большей женственности, чѣмъ въ Эммѣ. Я не стану ее описывать, такъ какъ не видѣлъ въ ней объекта, а только существо. Была ли она прекрасна? Несомнѣнно. Возбуждала ли желаніе обладать ею? О, навѣрное!

Все-таки цвѣтъ волосъ ея я запомнилъ: они были огненнаго цвѣта, темно-краснаго,—можетъ быть выкрашены; передъ моими глазами сейчасъ пронеслось ея тѣло и пробудило умершія желанія. Она была прекрасно сложена и не имѣла ничего общаго съ этими тонкими, плоскими женскими фигурами, которыя представляютъ такъ мало соблазна для мужчинъ, потому что любознательному взору не на чемъ отдохнуть. Платья Эммы вовсе и не стремились скрыть ея пріятныя округлости и, наоборотъ, изъ вполне похвальнаго стремленія къ истинѣ, она давала возможность убѣдиться, что природа надѣлила ее ими въ двойномъ количествѣ, что всегда стремятся доказать скульпторы и художники въ пику портникамъ.

Добавлю, что это очаровательное существо находилось тогда какъ разъ въ расцвѣтѣ своей красоты и молодости.

Кровь прилила у меня къ головѣ, и вдругъ я почувствовалъ, что мною овладѣваетъ чувство бѣшеной ревности. Ей-Богу, мнѣ казалось, что я охотно отказался бы отъ этой женщины, лишь бы никто другой къ ней не прикасал-

ся. Лернъ, бывшій мнѣ до этого момента противнымъ, сдѣлался для меня невыносимымъ. Теперь я твердо рѣшилъ остаться—во что бы то ни стало.

Между тѣмъ разговоръ не завязывался—мы не знали о чемъ говорить. Сбитый съ толку внезапностью появленія и желая скрыть свое смущеніе, я пробормоталъ, чтобы что-нибудь сказать:

— Видите, дядя, я какъ разъ разглядывалъ эту карточку...

— Ахъ, да, группа моихъ помощниковъ, во главѣ со мной. Вилъгельмъ, Карлъ, Іоаннъ. А вотъ Макъ-Бель, мой ученикъ. Неправда-ли очень удачно вышелъ, Эмма?

Онъ поднесъ карточку къ глазамъ Эммы и указывалъ на изящнаго, стройнаго, начисто выбритаго, по американской модѣ, молодого человѣка небольшого роста, опиравшагося на сенъ-бернара.

— Правда, красивый и остроумный малый?—насмѣшливо спрашивалъ профессоръ. — Идеальнѣйшій шотландецъ!

Эмма не шелохнулась, все еще не отдѣлавшись отъ испуганнаго выраженія лица. Но все же она медленно и съ трудомъ произнесла:

— Его Нелли была такая забавная—умѣла дѣлать всякія штуки, точно ученая собака изъ цирка..

— А Макъ-Бель?—настаивалъ дядя —Онъ тоже былъ забавенъ, да?

По задрожавшему подбородку я увидѣлъ, что она сейчасъ расплечется. Она прошептала:

— Бѣдный, несчастный Макъ-Бель!...

— Да,—сказалъ мнѣ дядя, отвѣчая на мой нѣмой вопросъ,—Донифанъ Макъ-Бель вынужденъ былъ оставить у меня службу, вслѣдствіе чрезвычайно непріятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ можно только пожалѣть. Молюсь Богу, чтобы судьба уберегла тебя отъ такихъ непріятностей, Николай.

— А кто этотъ другой?—спросилъ я, чтобы перевести разговоръ на другую тему.—Этотъ господинъ съ темными усами и бакенбардами, кто это?

— Онъ тоже уѣхалъ.

— Это докторъ Клоцъ,—сказала подошедшая поближе и успокоившаяся Эмма,—Отто Клоцъ; о, этотъ...

Лернъ взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ, что она замолчала отъ взгляда. Я не знаю, угрозу какого наказанія она прочла въ немъ, но бѣдную дѣвушку судорожно передернуло.

Въ этотъ моментъ Варвара, съ трудомъ протиснувъ въ двери половину своей мощной фигуры, жеманно доложила, что кушать подано.

Столъ былъ накрытъ всего на три прибора; я рѣшилъ, что нѣмцы ѣдятъ отдѣльно въ сѣромъ зданіи.

Завтракъ прошелъ въ угрюмомъ молчаніи. М-ль Бурдише не проронила ни одного слова и ничего не ѣла, такъ что, уходя къ себѣ, я не могъ вывести никакого заключенія о томъ, къ какому кругу общества она принадлежитъ, потому что ужасъ обезличиваетъ и уравниваетъ людей.

Но я съ трудомъ держался на ногахъ отъ усталости. Какъ только подали десертъ, я попросилъ разрѣшенія пойти спать, причемъ просилъ не будить меня до завтрашняго утра.

Войдя къ себѣ въ комнату, я немедленно сталъ раздѣваться. Говоря по правдѣ, путешествіе, ночь проведенная въ лѣсу и приключенія этого утра довели меня до полного изнеможенія. Всѣ эти загадки изводили меня, во-первыхъ потому, что это были загадки, а во-вторыхъ потому, что они представлялись такими неясными; и мнѣ казалось, что я брожу въ какомъ-то туманѣ, въ которомъ неясныя очертанія сфинксовъ поворачивались ко мнѣ неопредѣленными лицами.

Я взялся за подвязки, чтобы отстегнуть ихъ... и не отстегнулъ.

Я увидѣлъ въ окно, что Лернъ въ сопровожденіи своихъ трехъ помощниковъ идетъ по саду, направляясь къ сѣрому зданію.

Они идутъ туда работать, размышлялъ я, это не подлежитъ никакому сомнѣнію... За мной никто не слѣдитъ; особыхъ мѣръ предосторожности, еще не успѣли предпринять противъ меня, тѣмъ болѣе, что дядя убѣжденъ, что я сплю.

...Николай! Надо дѣйствовать сейчасъ или никогда!.. Съ чего начать? Съ Эммы или съ тайны?.. Гм... бѣдняжка здорово напугана сегодня; что же касается секрета...

Машинально одѣвъ снова жилетку и пиджакъ, я ходилъ отъ окна къ окну, не зная на что рѣшиться.

Тутъ сквозь вычурную рѣшетку балкона я обратилъ вниманіе на громадную, расширенную оранжерею. Она была таинственна, заперта, входъ въ нее былъ запрещенъ—она притягивала меня...

Я вышелъ, стараясь не производить шума и не привлекать ничьего вниманія.

III. ОРАНЖЕРЕЯ

Когда я очутился на дворѣ, у меня было такое ощущеніе, точно всѣ меня выслѣживаютъ, и я бѣгомъ бросился въ лѣсокъ, примыкавшій къ оранжереѣ. Потомъ, пробираясь сквозь густую заросль кустовъ, направился къ входной двери этого зданія.

Было очень жарко. Я съ трудомъ пробирался впередъ, тщательно избѣгая царапинъ и могущаго меня выдать шума. Наконецъ, я увидѣлъ главный куполь и одну изъ полукруглыхъ сторонъ оранжереи: оказалось, что я подошелъ къ ней съ боку. Я рѣшилъ, что будетъ осторожнѣе, если я сначала разсмотрю ее, не выходя изъ лѣска.

Прежде всего меня поразило, что за ней, повидимому, былъ очень тщательный уходъ: на устроенномъ вокругъ

нея трюгарѣ всѣ до одной плитки были цѣлы, ни одинъ камень цокольного фундамента не былъ даже тронутъ, ставни были аккуратно пригнаны, всѣ планки были на своемъ мѣстѣ, и сквозь всѣ отверстія рѣшетчатыхъ ставень видны были стекла, ярко блестѣвшія на солнцѣ.

Я внимательно прислушался: ни звука не долетало ни со стороны замка, ни со стороны сѣраго зданія. Въ оранжереѣ тоже царила полная тишина. Слышенъ былъ только гулъ безчисленнаго количества мошекъ, рѣзвившихся въ жаркомъ воздухѣ этого лѣтняго послѣобѣденнаго часа.

Тогда я рѣшился. Подойдя вплотную къ окну, я приподнялъ деревянный ставень и попытался разглядѣть, что происходитъ внутри. Но я ничего не могъ увидѣть, потому что стекла были замазаны чѣмъ-то бѣлымъ съ внутренней стороны. Было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Лернъ пользовался оранжереей не для того, для чего она была первоначально предназначена, а занимался въ ней теперь совсѣмъ другимъ, а никакъ не культурой цвѣтовъ. Мнѣ показалось довольно правдоподобнымъ предположеніе о культурѣ микробовъ, которые потихоньку разрастаются въ теплой теплой атмосферѣ.

Я обошелъ стеклянный домъ кругомъ. Всюду та же замазка мѣшала видѣть что дѣлается внутри; мнѣ показалось, что мѣстами она была не такъ густо намазана. Форточки, хотя и были полуоткрыты, но были такъ высоко отъ земли, что я не могъ достать до нихъ. Боковыхъ входовъ не было, а сзади тоже нельзя было попасть въ оранжерею.

Такъ какъ, я все подвигался впередъ, разглядывая кирпичи и столь же прозрачныя, какъ они, стекла, то скоро очутился напротивъ замка, со стороны моего балкона. Мое положеніе на открытой, не защищенной мѣстности, становилось опаснымъ. Приходилось, несмотря на всѣ старанія, отправиться въ свою комнату и оставить мысль объ изслѣдованіи предполагаемаго дворца микробовъ, не осмотрѣвъ его фасада. Поэтому я рѣшилъ вернуться къ себѣ, ограничивъ обзоръ фасада бѣглымъ взглядомъ, какъ

вдругъ при этомъ взглядѣ я неожиданно замѣтилъ что разгадка дается мнѣ сама въ руки. Дверь была только прикрыта, а высунувшаяся во всю свою длину замочная задвижка указывала на то, что запиравшій дверь думалъ, что заперъ ее на двойной оборотъ ключа. О, Вильгельмъ! Милѣйшій вѣтрогонъ!

Съ первыхъ шаговъ я долженъ былъ сознаться, что мои бактериологическія гипотезы ошибочны. Я попалъ въ помещеніе, напоенное ароматомъ цвѣтовъ—атмосфера была сырая и теплая, чуть-чуть пробивался запахъ никотина.

Я остановился на порогѣ очарованный.

Ни одна оранжерея—даже королевская—не произвела-бы на меня впечатлѣнія такой безумной роскоши, какъ эта, съ перваго взгляда. Въ этомъ кругломъ зданіи, очутившись среди дивныхъ растеній, я былъ прямо пораженъ. Листья давали полную хроматическую гамму зеленаго цвѣта, въ которомъ ярко выдѣлялись тона разноцвѣтныхъ фруктовъ и цвѣтовъ; все это было великолѣпно разставлено этажами, по подымавшимся до самаго купола подставкамъ.

Но глаза постепенно привыкали къ этому необыкновенному зрѣлищу и мой восторгъ понемногу стихалъ. Конечно, для того, чтобы этотъ зимній садъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, надо было, чтобы онъ состоялъ изъ необыкновенно рѣдкихъ растеній, такъ какъ особенной гармоніи въ ихъ распредѣленіи не замѣчалось. Растенія были разставлены по ранжиру, а не по законамъ изящества и вкуса, вродѣ того, какъ если-бы рай былъ порученъ попеченіямъ жандарма: они были грубо собраны въ одно мѣсто по категоріямъ, горшки стояли, какъ солдаты, на каждомъ была наклеена этикетка, что указывало скорѣе на уходъ ботаника, чѣмъ садовника; вообще, во всемъ проявлялось больше знанія, чѣмъ вкуса. Эти соображенія заставили меня призадуматься. Впрочемъ, неужели можно было допустить хотя на минуту, что Лернъ станетъ заниматься садоводствомъ для удовольствія.

Продолжая осмотръ, я съ восторгомъ разглядывалъ эти чудеса, хотя, по своему невѣжеству, не могъ-бы назвать ни одно изъ нихъ. Я все-же машинально попробовалъ это сдѣлать, и тогда это великолѣпіе, которое въ общей картинѣ производило впечатлѣніе чрезвычайной рѣдкости, показалось мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ...

Не вѣря своимъ глазамъ и охваченный лихорадочнымъ любопытствомъ, я сталъ внимательно разглядывать кактусъ,—не смотря на свое невѣжество, я все-же узналъ его... Но меня сбивалъ съ толку его красный цвѣтокъ... Я тщательно приглядѣлся къ нему—и мое смущеніе только усилилось...

Но сомнѣніе было непозволительно: этотъ цвѣтокъ, поразившій меня своимъ видомъ, былъ цвѣткомъ гераніума.

Я перешелъ къ сосѣднему растенію:—изъ земли поднимались три бамбуковыхъ трубки и окончанія ихъ были украшены, какъ капителями, тремя цвѣтками даліи.

Почти напуганный этимъ, задыхаясь отъ этихъ неестественныхъ благоуханій, я безпомощно оглядывался кругомъ, и чудесная безсвязность того мѣста, гдѣ я находился, стала для меня ясной.

Тамъ царили: весна, лѣто и осень всѣ вмѣстѣ, а зиму Лернъ должно-быть исключилъ потому, что собраны всѣ растенія, всѣ фрукты, но ни одинъ изъ нихъ не расцвѣлъ, не распустился на своемъ родномъ кустѣ или деревѣ.

Цѣлая колонія васильковъ украшала, отрекшійся отъ своего предназначенія, кустъ штокъ-розы, превратившійся, благодаря имъ, въ голубой тирсъ. Вѣтви аурекарій были густо усѣяны темно-синими колокольчиками горечавки. А на длинныхъ змѣевидныхъ стебляхъ камелій, разставленныхъ шпалерами, красовались пестрые тюльпаны.

Напротивъ входной двери, у самой застекленной стѣны, густой массой стояли деревца. Одно изъ нихъ, выдѣлявшееся изъ массы, привлекло мое вниманіе. На немъ висѣло нѣсколько грушъ, между тѣмъ, это было апельсин-

ное дерево. Сзади него, по рѣшеткѣ, гирляндами вились виноградныя лозы, которымъ не стыдно было-бы вырасти и въ Ханаанѣ; гигантскія гроздья состояли изъ мирабелль—на одной лозѣ, и рябины—на другой.

Затѣмъ, на вѣтвяхъ миниатюрнаго дуба, рядомъ съ са-мостоятельно выросшими жолудями, можно было увидѣть вишни—на одной вѣткѣ, а на другой—орѣхи. Одна ягода не удалась: не получилось ни вишни, ни орѣха, а образова-лась чудовищная и отвратительная шероховатая опухоль, испещренная розоватыми жилками.

На ели, вмѣсто смолистыхъ шишекъ, росли каштаны и лучистыя астры; кромѣ того, на ней росли такіе контрасты, какъ золотистый шаръ апельсина—солнце восточныхъ фруктовыхъ садовъ—и кизиль, который производитъ впечатлѣніе посмертнаго плода умершаго отъ голода дерева.

Дальше были сгруппированы болѣе законченные чуде-са. Славный Демустье написалъ-бы, что Флора здѣсь гуля-етъ подъ-руку съ Помоной. Большая часть основныхъ растеній была мнѣ незнакома, и я запомнилъ только тѣ, названіе которыхъ извѣстно первому встрѣчному. Я, какъ сейчасъ, вижу удивительную вербу, на которой выросли гортензіи, макъ, персики и земляника. Но все-таки самымъ красивымъ изъ этихъ ублюдковъ былъ восхитительный ро-зовый кустъ, на которомъ пышно расцвѣли китайскія аст-ры, въ перемежку съ мелкими китайскими яблочками.

Въ самомъ центрѣ кругаго зданія стоялъ кустъ съ разнообразными вѣтвями остролиста, липы и тополя; раз-двинувъ вѣтви, я имѣлъ возможность убѣдиться, что всѣ они растутъ на одномъ и томъ же стволѣ.

Это было торжественной побѣдой прививки; искусство, которое Лернъ за пятнадцать лѣтъ довелъ до степени чуда, даже до такой степени, что зрѣлище результата его тру-довъ внушало чувство нѣкотораго безпокойства. Когда человѣкъ вмѣшивается въ творчество природы, онъ созда-етъ чудовищное. Меня охватило какое-то безпокойное чув-ство.

— По какому праву онъ вмѣшивается въ творчество самой природы?—думалъ я.—Развѣ допустимо нарушать законы жизни въ такой мѣрѣ? Развѣ эта святотатственная игра не является преступнымъ оскорбленіемъ Природы?.. Я еще понимаю, если-бы эти фальсифицированные предметы радовали изысканный вкусъ; но, не представляя, въ сущности, ничего новаго, это какія-то дикія соединенія, и больше ничего—что-то въ родѣ растительныхъ химеръ, или цвѣточныхъ Фавновъ, ни то, ни се... Честное слово, все равно—привлекательна эта задача, или нѣтъ, но нечестива она во всякомъ случаѣ, и больше ничего.

Но какъ-бы тамъ ни было, чтобы добиться такихъ результатовъ, профессоръ долженъ былъ потратить бездну времени и труда. Эта коллекція служила доказательствомъ этого, да, кромѣ того, тутъ-же находились и другія доказательства того, что ученый здѣсь работалъ: я замѣтилъ на столѣ массу сткляночекъ и не меньшее количество инструментовъ для прививки и орудій садовника; все это блестѣло и сверкало, какъ хирургическій наборъ. Эта находка заставила меня внимательнѣе присмотрѣться къ цвѣтамъ, и мнѣ ихъ стало жалко.

Всѣ они были замазаны разнаго рода клеемъ, на нихъ были наложены повязки—чуть-ли не хирургическія, были испещрены рубцами—почти ранами, изъ которыхъ сочилась какая-то, сомнительнаго цвѣта, жидкость.

На корѣ апельсиннаго дерева была глубокая рана. Она имѣла форму глаза; изъ этого глаза медленно лились слезы.

Я сталъ нервничать... Трудно повѣрить, что меня охватила странная жуть при взглядѣ на оперированный дубъ... изъ-за вишенъ... онѣ производили на меня впечатлѣніе капель крови... Флокъ, флокъ! Двѣ созрѣвшія вишни упали къ моимъ ногамъ, прошумѣвъ, какъ капли начинающагося дождя.

Я почувствовалъ, что лишился хладнокровія, необходимаго, чтобы приглядѣться къ этикеткамъ. Я узналъ только нѣсколько чиселъ, да что Лернъ исписалъ ихъ неразбор-

чивыми французско-нѣмецкими названіями, съ многочисленными поправками.

Продолжая внимательно прислушиваться, я обхватилъ голову руками и далъ себѣ нѣсколько минутъ передышки, чтобы собраться съ духомъ,—затѣмъ открылъ дверь въ правое крыло.

Передо мной оказалась небольшая галлерей. Стеклянная крыша смягчала дневной свѣтъ и даже доводила его до голубоватыхъ сумерекъ. Воздухъ былъ удивительно свѣжій. Полъ былъ устланъ плитами.

Въ этой комнатѣ находились три акваріума, три большихъ ящика изъ хрусталя, до того прозрачнаго, что, казалось, будто вода самостоятельно держится въ воздухѣ въ формѣ трехъ геометрически правильныхъ параллелепипедовъ.

Въ двухъ боковыхъ акваріумахъ помѣщались морскія растенія. Они мало отличались одинъ отъ другого на первый взглядъ. Но въ кругломъ зданіи я могъ убѣдиться, съ какою тщательностью Лернъ все распредѣлялъ по группамъ, и поэтому я не могъ допустить мысли, чтобы онъ помѣстилъ въ двухъ разныхъ помѣщеніяхъ совершенно одинаковые предметы.

Оба бассейна изображали тотъ-же подводный пейзажъ. Справа, какъ и слѣва, древесныя разрастанія самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ покрывали маленькіе утесы своими окаменѣлыми раздвоенными вѣтвями; песочная почва была устлана морскими звѣздами, похожими на эдельвейсы; тамъ и сямъ валялись пучки мѣловыхъ палочекъ, на концѣ которыхъ распускалось что-то мясистое, напоминающее хризантемы, желтаго и фіолетоваго цвѣта. Мнѣ трудно описать массу другихъ вѣнчиковъ, которые тамъ находились; нѣкоторые были похожи на маслянистыя, восковыя, или желатинныя чашечки; большая часть была очень неопредѣленнаго цвѣта и неясной формы, а сплошь и рядомъ они казались просто оттѣнкомъ воды.

Изъ крана, находившагося внутри акваріумовъ, вырывались тысячи пузырьковъ, и ихъ шумныя жемчужины пробирались сквозь вѣтви деревьевъ, передъ тѣмъ, какъ достигнуть поверхности воды и тамъ лопнуть. При видѣ ихъ можно было подумать, что этотъ подводный садикъ нуждался въ поливкѣ воздухомъ.

Собравши всѣ свои гимназическія воспоминанія, я рѣшилъ, что оба собранія—различающіяся только въ подробностяхъ—заключали въ себѣ исключительно полиповъ,—существа странныя, какъ, на примѣръ, кораллы, или губки, словомъ, тѣ существа, которымъ натуралисты отводятъ мѣсто между растеніями и животными.

Двусмысленность ихъ положенія всегда вызываетъ интересъ. Я постукалъ пальцемъ въ лѣвое стекло.

Немедленно задвигалось что-то неожиданное, напоминающая опаловый стаканчикъ венеціанскаго стекла, который сохранилъ свою тягучесть; что-то пурпуровое задвигалось ему на встрѣчу: это были двѣ медузы. Но мой стукъ вызвалъ и другія движенія. Актиніи, напоминающая желтые, или сиреневые помпончики, втягивались въ свои известковые трубочки и снова распускались ритмичными движеніями; лучи морскихъ звѣздъ и иглы морскихъ ежей лѣниво пошевеливались; заплывали какія-то сѣрыя, алая, шафраннаго цвѣта вещи и, точно въ водоворотѣ, весь акваріумъ взволновался.

Я постукалъ въ правый акваріумъ. Ничего не зашевелилось.

Было совершенно ясно. Это раздѣленіе полиповъ на двѣ части давало мнѣ возможность легче усвоить себѣ ту разницу, которая въ нихъ заложена, ту, которая, соединяя животное съ растеніемъ, роднитъ человека съ травой. Эти существа были подобраны такъ, что находившіяся въ лѣвомъ акваріумѣ—активные—были на нижней ступени лѣстницы; находившіяся въ правомъ—неподвижныя—были на верхушкѣ своей лѣстницы: одни начинали становиться животными, другіе кончали быть растеніями.

Итакъ, воображаемая бездна, которая, казалось-бы, раздѣляетъ эти двѣ антитезы, сводится къ незначительнымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіямъ въ структурѣ, къ различію, которое меньше поражаетъ, чѣмъ несходство волка съ лисицей, а, между тѣмъ, вѣдь они двойники, братья.

И вотъ, эту минимальную величину, это различіе, которое создавало между ними, по твердому убѣжденію вѣхъ безъ исключенія ученыхъ, непроницаемую стѣну, потому что оно отдѣляло неподвижность отъ произвольнаго движенія, Л е р н ъ у н и ч т о ж и л ъ.

Въ бассейнѣ, стоявшемъ въ глубинѣ, обѣ породы были привиты одна къ другой. Я замѣтилъ тамъ студенистый листочекъ изъ породы неподвижныхъ, привитый къ подвижной ножкѣ—и т е п е р ь л и с т о ч е к ъ т о ж е д в и г а л с я с а м о с т о я т е л ь н о. Привитые пріобрѣтали свойства тѣхъ растеній, къ которымъ ихъ прививали: неподвижные, всасывая живительный сокъ, начинали двигаться, а дѣятельность двигавшихся парализовалась отъ проникновенія въ нихъ сока неподвижныхъ.

Я бы охотно подробно осмотрѣлъ всѣ примѣненія этого новаго принципа, но какая-то медуза, прикрѣпленная чуть не сотней повязокъ къ морской водоросли, стала отчаянно биться о стекло, и я отвернулся съ отвращеніемъ. Эта послѣдняя стадія прививокъ, сопряженная съ такими мученіями, была, на мой взглядъ, лишнимъ доказательствомъ профанаціи, и я сталъ искать въ голубыхъ сумеркахъ другого, менѣе тяжелаго. зрѣлища.

Наборъ профессора былъ разложенъ въ строгомъ порядкѣ. На этажеркѣ была разставлена цѣлая аптека. На четырехъ столахъ, сдѣланныхъ изъ стекла, разставленныхъ въ перемежку съ аквариумами, расположились ножички и пинцеты мучительства.

Нѣтъ! Лернъ не имѣлъ права!.. Это было такъ же гнусно, какъ убійство, даже больше... И эти отвратительныя упражненія и опыты надъ дѣвственной природой были,

одновременно, ужаснымъ убійствомъ и омерзительнымъ насиліемъ.

Въ то время, какъ я предавался этому вполне законному припадку ярости, раздался шумъ—я услышалъ стукъ.

Я убѣжденъ, что послѣ моей смерти, въ аду мнѣ не придумаютъ большаго мученія, какъ этотъ пустяшный шумъ, какъ будто отъ ударовъ маленькимъ молоткомъ по чему-то твердому. Въ теченіе секунды я испытывалъ такое ощущеніе, точно всѣ мои нервы обнажились. Кто-то стучалъ!

Однимъ прыжкомъ я очутился въ кругломъ зданіи; лицо мое было должно-быть ужасно, потому что инстинктивно, изъ боязни встрѣтиться съ врагомъ, я придалъ ему ужасное выраженіе.

На порогѣ никого. Въ паркѣ—тоже. Я вернулся обратно.

Шумъ возобновился... Онъ доносился изъ неизслѣдованнаго еще крыла зданія... Потерявъ голову, я бросился туда, не отдавая себѣ отчета въ безразсудствѣ своего поступка, рискуя столкнуться лицомъ къ лицу съ опасностью; я былъ до того возбужденъ, что стукнулся головой о дверь, открывая ее съ разбѣга.

До этого припадка довело меня состояніе моихъ нервовъ и безумная усталость; и до сегодняшняго дня я не могу рѣшить вопроса, не галлюцинировалъ-ли я и не казались-ли мнѣ предметы болѣе странными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ.

Въ третьемъ залѣ царилъ яркій свѣтъ, и, благодаря этому, мои подозрѣнія о присутствіи посторонняго человека разсѣялись. На конторкѣ я увидѣлъ клѣтку, которая вертѣлась во всѣ стороны, изъ-за отчаянно метавшейся въ ней крысы. Когда крыса подпрыгивала, вмѣстѣ съ ней подпрыгивала и западня—вотъ причина стука. Увидя меня, грызунъ остановился. Я не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

Въ этомъ залѣ было меньше порядка, чѣмъ въ предыдущихъ—она производила впечатлѣніе теплицы, за которой не особенно тщательно ухаживали. Но разбросанные въ беспорядкѣ, перепачканныя полотенца, невытертые ланцеты, не опорожненные пробирки, все это указывало на неоконченную работу, которая была временно приостановлена, и могло служить оправданіемъ того, что эта комната производила впечатлѣніе меньшаго порядка.

Я продолжалъ свое слѣдствіе.

Первые два свидѣтеля, попавшіеся мнѣ на глаза, дали мнѣ немного матеріала. Это оказались два скромныхъ растенія, мирно стоявшія въ своихъ фаянсовыхъ горшкахъ. Я позабылъ ихъ латинскія названія, оканчивавшіяся на *um*, или на *us*, о чемъ я теперь очень жалѣю, потому что указаніе на эти названія придадо бы моему разсказу больше авторитетности и научности. Но кому могло-бы придти въ голову запоминать латинскія названія шильника, или кроличьяго уха?

Правда, что первый былъ очень длинной и стройной породы. Что-же касается второго, то онъ ничѣмъ не выдѣлялся и, подобно всѣмъ своимъ сородичамъ, довольно недурно имитировалъ—очень удачная поддѣлка, которой они обязаны своимъ названіемъ—дюжину ушныхъ раковинъ. Два его волосистыхъ, серебристаго цвѣта листика, точно такъ же, какъ и одинъ изъ стеблей шильника, одѣвали браслеты-бандажи изъ бѣлаго полотна, на которыхъ мѣстами были видны темныя пятна (повидимому, отъ смолы)

Я вздохнулъ съ облегченіемъ. «Прекрасно,—подумалъ я,—Лернъ сдѣлалъ имъ прививки. Это просто повтореніе того же, что я уже открылъ, или, вѣрнѣе, это одинъ изъ первыхъ опытовъ, робкій и простой, даже, если я не ошибаюсь, неудачный,—путь, по которому онъ шелъ, чтобы добиться тѣхъ результатовъ, которые находятся въ кругломъ зданіи. Чтобы прослѣдить его опытъ послѣдовательно, мнѣ слѣдовало-бы начать съ этой комнаты, потомъ перейти въ

рай, помѣшающійся въ центрѣ, и оттуда уже направиться къ полипамъ. Покорнѣйше благодарю! Слава Богу, я уже видѣлъ самое худшее».

Такъ я думалъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что стебель шильшка началъ извиваться, какъ червякъ.

Въ то же время за конторкой подпрыгнула какая-то масса сѣраго цвѣта, съ отливомъ, чѣмъ выдала свое присутствіе. Тамъ, въ лужѣ крови, лежалъ кроликъ серебристо-сѣраго цвѣта. Онъ только-что издохъ, и на мѣстѣ, гдѣ должны были находиться его уши, у него были двѣ кровавыхъ дыры.

Предчувствіе истины заставило меня облиться холоднымъ потомъ. Тогда я рѣшился прикоснуться къ волосатому растенію. Ощупавъ оба перевязанныхъ листика, которые были такъ похожи на уши, я почувствовалъ, что они теплы на ощупь и трепещутъ.

Чувство ужаса отбросило меня къ конторкѣ. Судорожно сжатая отъ вращенія рука отталкивала отъ себя воспоминаніе о прикосновеніи, точно я прикоснулся-бы къ какому-нибудь омерзительному пауку: съ размаху я толкнулъ рукой мышеловку, и она упала.

Перепуганная крыса снова запрыгала въ клѣткѣ, бросаясь на прутья, кусала ихъ и завертѣлась, точно одержимая бѣсомъ... Мои, вылѣзавшіе изъ орбитъ, глаза безпрестанно переходили съ шильника на крысу, съ этого, все время извивавшагося, какъ тонкій, черный ужъ, стебля къ этой крысѣ, у которой не было больше хвоста...

Ея рана зажила, но, какъ слѣдъ другого опыта, за несчастной крысой тащился остатокъ развязавшагося отъ ея прыжковъ пояса, которымъ былъ привязанъ вставленный въ ея изрѣзанный бокъ зеленый отростокъ.

Впрочемъ, этотъ отростокъ показался мнѣ обезцвѣченнымъ.

Значить, Лернъ не ограничился тѣмъ, что я видѣлъ. Онъ шелъ все дальше по пути опытовъ. Теперь онъ скрещивалъ между собой животныхъ высшаго порядка и всѣ

растенія... Опозоренный и въ то же время выросшій въ моемъ мнѣніи, дядя внушалъ мнѣ отвращеніе и восхищеніе, какъ злой духъ.

Но, все-же, его произведенія внушали больше отвращенія, чѣмъ уваженія, и мнѣ пришлось собрать всю силу воли, чтобы заставить себя продолжить осмотръ ихъ.

А онѣ стоили этого, даже въ томъ случаѣ, если-бы это былъ осмотръ гадлюцинацій. То, что мнѣ оставалось осмотрѣть, превосходило кошмары сумасшедшаго. Конечно, это было ужасно, но были и смѣшныя стороны: это было шуточно-зловѣще.

Кто изъ паціентовъ былъ ужаснѣе въ этомъ отношеніи? Морская свинка, лягушка или кустарникъ?

Морская свинка, если быть справедливымъ, можетъ быть, не представляла изъ себя ничего особенно замѣчательнаго. Весьма возможно, что ея шкурка была такъ травянисто-зелена изъ-за отраженія всѣхъ этихъ растеній. Весьма допустимо.

Но лягушка? А кустарники? Что подумать о ней и о нихъ?

Она—эта зеленая лягушка, съ ея четырьмя лапками, вкопанными въ черноземъ, съ безучастнымъ и угрюмымъ видомъ, съ опущенными вѣками, была посажена въ горшокъ, какъ растеніе, вкопанное въ землю своими четырьмя корнями.

Кустарники—финиковыя пальмы. Сначала они не шевелились. Затѣмъ—я готовъ поклясться, что никакого вѣтра не было—они задвигались по всѣмъ направленіямъ. Ихъ широкія листья раскачивались очень медленно... и мнѣ даже показалось, что я слышу... но въ этомъ я не могу поклясться. Да, стебли раскачивались, причемъ листья сближались и расходились при каждомъ движеніи; вдругъ, они схватились другъ за друга своими широкими зелеными пальцами и конвульсивно обнялись—въ бѣшенствѣ, или въ припадкѣ страсти, для драки, или объятій, почему знать?

Вѣдь жечь всегда одинъ и тотъ же, какъ для того, такъ и для другого.

Рядомъ съ лягушкой стоялъ бѣлый фарфоровый сосудъ, наполненный безцвѣтной жидкостью, въ которой торчалъ шприцъ Праваца. Около кустарника находился такой-же шприцъ и такой-же сосудъ, но въ немъ была запекшаяся жидкость темно-краснаго цвѣта. Я рѣшилъ, что въ первомъ сосудѣ находился древесный сокъ, а во второмъ—кровь.

Листья пальмы разошлись въ разныя стороны, я протянулъ къ нимъ свою дрожащую руку и подъ мягкой и теплой поверхностью стебля почувствовалъ легкіе удары, ритмично повторявшіеся, какъ удары пульса...

Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось слышать, что можно чувствовать удары своего собственного пульса, пробуя сосчитать чужой, и весьма вѣроятно, что мое лихорадочное состояніе могло усилить удары моего пульса; но въ тотъ-то моментъ. развѣ я могъ сомнѣваться въ своихъ ощущеніяхъ?!.. Тѣмъ болѣе, что продолженіе этой исторіи не только не возбуждаетъ сомнѣній въ томъ, что я вѣрно понялъ то, что я видѣлъ, скорѣе, наоборотъ—подтверждаетъ правильность моихъ предположеній. Я не знаю, служить-ли сила и ясность воспоминаній въ сомнительныхъ случаяхъ галлюцинацій доказательствомъ заболѣванія, или наоборотъ; я то, во всякомъ случаѣ, совершенно ясно и точно помню картину этихъ уродливостей, появлявшихся на фонѣ разбросанныхъ въ безпорядкѣ полотенецъ, салфетокъ, бинтовъ и сосудовъ, при блскѣ лежавшихъ тутъ и тамъ стальныхъ инструментовъ.

Больше не на что было смотрѣть. Я обыскалъ всѣ углы. Нѣтъ, не на что. Я прослѣдилъ шагъ за шагомъ всѣ работы моего дяди и, по странному, счастливому стеченію обстоятельствъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ надо было, чтобы нарисовать себѣ стройную картину его успѣховъ.

Я безъ помѣхи вернулся въ замокъ и пробрался къ себѣ въ комнату. Тамъ искусственная бодрость, поддерживавшая меня, исчезла. Раздѣваясь, я старался, хотя это

мнѣ не удавалось, возстановить этапы моего приключенія. Все это уже начинало казаться мнѣ отвратительнымъ сномъ. и я не вѣрилъ самъ себѣ. Развѣ растительное царство могло смѣшиваться съ животнымъ? Что за чепуха! Если даже существуютъ полипы-растенія и полипы-насекомыя, то, все-же, что общаго, напримѣръ, у обыкновеннаго насекомага съ обыкновеннымъ растеніемъ. Тутъ я почувствовалъ жгучую боль въ большомъ пальцѣ правой руки: я увидѣлъ маленькое бѣленькое пятнышко, окруженное порозовѣвшею опухолью. Должно быть, пробираясь по лѣсу, я укололся обо что-то. Я не могъ рѣшить, было-ли это меккою крапивы, или муравья, и вспомнилъ, что, даже сдѣлавъ микроскопическій и химическій анализъ, я не могъ бы вывести никакого заключенія,—до того ихъ уколы и кислоты, выдѣляемые ими, тождественны. Этотъ фактъ напомнилъ мнѣ возможность точекъ соприкосновенія между этими двумя мірами; и такъ какъ я лишился повода отрицать возможность достиженія результата въ работахъ моего дяди, то я сталъ размышлять дальше:

— Въ концѣ-концовъ, Лернъ попытался соединить растительное и животное царство и заставилъ ихъ обмѣняться своими жизненными силами. Его попытка, несомнѣнно, прогрессивнаго характера, удалась. Но являются-ли его опыты цѣлью, или средствомъ? Къ чему онъ стремится? Я не вижу, какую пользу могутъ принести его опыты при практическомъ примѣненіи ихъ. Слѣдовательно, это не конечный результатъ его работъ. Скажу больше—мнѣ кажется, что послѣдовательность его опытовъ указываетъ на стремленіе къ какой-то болѣе совершенной цѣли, которую я смутно подозреваю, не умѣя опредѣлить ее. Моя голова разрывается на части отъ мигрени. Ну, и, можетъ быть, профессоръ ведетъ и другія изслѣдованія, которыя стремятся къ той же цѣли, какъ и эти, и знакомство съ которыми разъясняетъ конечную цѣль?.. Ну, постараемся быть логичными. Съ одной стороны — Создатель, какъ я усталъ! —съ одной стороны я видѣлъ растенія, привитыя

другъ къ другу; съ другой стороны—дядюшка начинаетъ смѣшивать растенія съ животными... Нѣтъ, я отказываюсь...

Мой утомленный мозгъ отказывался отъ дальнѣйшихъ разсужденій. Я смутно почувствовалъ, что въ области этихъ прииквокъ пропущенъ цѣлый отдѣлъ, или же онъ помѣщенъ не въ оранжереѣ. Мои вѣки отяжелѣли. Чѣмъ старательнѣе я строилъ посылки и выводилъ заключенія, тѣмъ больше я запутывался. Ночное видѣніе, сѣрые дсма, наконецъ, Эмма разбивали мое вниманіе и отвлекали меня въ стороиу страха, любопытства, желанія; словомъ, врядъ-ли на какой-нибудь другой подушкѣ покоилась голова, наполненная такой галиматьей.

Загадка! Секретъ!

Да, конечно—загадка. А все-таки, хотя меня попрежнему окружали сфинксы, все-же въ разсѣвшемся теперь туманѣ, ихъ лица становились для меня загадочными. И такъ какъ у одного изъ этихъ сфинксовъ было милое личико и грудь молодой женщины, то я заснулъ съ улыбкой на устахъ.

IV. ЖАРА И ХОЛОДЪ.

Кто спитъ—обѣдаетъ. Я проспалъ до слѣдующаго утра.

А между тѣмъ никогда я еще такъ плохо не отдыхалъ. Воспоминаніе о цѣломъ днѣ тряски на автомобилѣ тревожило мой покой; и во снѣ я продолжалъ чувствовать толчки и испытывать повороты виражей. Потомъ меня посѣтилъ цѣлый міръ сказочныхъ чудесъ: Броселіанда, какъ лѣсъ у Шекспира, вдругъ заходила, причемъ большая часть деревьевъ шла попарно, обнявшись; береза, напоминавшая копье, сказала мнѣ рѣчь по-нѣмецки, а я съ трудомъ могъ разслышать, что она говоритъ, потому что кру-

гомъ пѣли цвѣты, растенія упорно и настойчиво лаяли, а большія деревья отъ времени до времени рычали.

Когда я проснулся, я продолжалъ слышать всю эту сумятицу на яву, точно въ фонографѣ, и страшно разсердился самъ на себя за то, что не изслѣдовалъ поподробнѣе оранжерею; мнѣ казалось, что болѣе тщательный и, главное, хладнокровный осмотръ далъ бы мнѣ болѣе цѣнныя данныя. Я строго осуждалъ свою вчерашнюю торопливость и свое нервничанье... А почему не попытаться поправить ошибку? Можетъ быть, еще не слишкомъ поздно...

Заложивъ руки за спину, съ папироской въ зубахъ, я направился по неопредѣленному направленію. короче говоря—прогуливаясь, я прошелъ мимо входа въ оранжерею.

Дверь оказалась на запорѣ.

Значить, я самъ, по доброй волѣ, упустилъ единственный случай все разузнать; я чувствовалъ, что этотъ случай не можетъ повториться. Ахъ, я трусь, трусь!

Что-бы не возбуждать подозрѣній, я прошелъ мимо этого запрещеннаго мѣста, даже не замедливъ шага, и теперь шелъ по аллеѣ, ведущей къ сѣрымъ зданіямъ. Въ густой травѣ, покрывавшей ее, была замѣтна протоптанная тропинка, указывавшая на то, что ею часто пользуются.

Пройдя нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу дядюшку. Не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ подстерегалъ меня. У него былъ очень радостный видъ. Когда его выцвѣтшее лицо улыбалось, оно скорѣе напоминало его лицо въ молодости. Этотъ привѣтливый видъ успокоилъ меня: значить, моя шалость прошла незамѣченной.

— Ну, что же, милый племянничекъ,—сказалъ онъ почти дружественно.—Держу пари, что ты присоединился къ моему мнѣнію—мѣсто не изъ веселыхъ... Ты скоро будешь сытъ по горло отъ этихъ сентиментальныхъ прогулокъ по дну этой кастрюли.

— Что вы, дядя! Я всегда любилъ Фонваль не за его мѣстоположеніе, а какъ любятъ почтеннаго друга, ну, какъ предка, если хотите. Фонваль принадлежитъ къ семьѣ. Я

часто игралъ, вы это знаете, на его лужайкахъ и прятался въ кустахъ—для меня это точно дѣдушка, качавшій меня въ дѣтствѣ на колѣняхъ... немного вродѣ...—я рѣшился подѣйствовать лаской,—вродѣ васъ, дядя!..

— Да, да...—прошепталъ Лернъ уклончиво,—а все-таки Фонваль тебѣ скоро надоѣстъ.

— Ошибаетесь! Фонвальскій паркъ, увѣряю васъ, это мой земной рай.

— Ты совершенно правъ. Это, именно, рай,—подтвердилъ онъ, смѣясь,—и запрещенные яблоки растутъ какъ разъ въ его оградѣ. Каждую минуту ты будешь на- талкиваться на древо познанія добра и зла и на древо жизни, къ которымъ тебѣ запрещено прикасаться... Это сопряжено съ опасностью. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы почаще выѣзжалъ въ твоей механической коляскѣ. Ахъ, если бы Адамъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи механическую коляску...

— Но, дядюшка, вѣдь, за воротами лабиринтъ...

— Ну, такъ что же!—воскликнулъ весело профессоръ,—я буду сопровождать тебя и показывать дорогу. Кстати, мнѣ любопытно посмотрѣть, какъ функционируютъ эти... машины... какъ ихъ тамъ...

— Автомобили, дядя.

— Ну, да: автомобили.—И его нѣмецкій акцентъ придавалъ этому слову, и безъ того малоподвижному, какую-то полноту, тяжесть, неподвижность собора.

Мы шли бокъ о бокъ къ сараю. Безспорно, дядя, скрѣпя сердце, рѣшивъ примириться съ моимъ вторженіемъ, былъ мило настроенъ. Тѣмъ не менѣс, чѣмъ дольше держалось его хорошес настроеніе, тѣмъ больше оно меня злило. Мои нескромные планы находиди въ моихъ глазахъ меньше оправданій. Можетъ быть, я совершенно отказался бы отъ нихъ, если бы не влеченіе къ Эммѣ, которое толкало меня поступать на зло ея деспотическому тюремщику. А кромѣ того, былъ ли онъ искрененъ? И не для того-ли, что-

бы побудить меня сдержать данное слово, онъ сказалъ мнѣ, подходя къ импровизированному гаражу:

— Николай, я много думалъ о тебѣ. Я пришелъ къ заключенію, что ты, на самомъ дѣлѣ, могъ бы принести пользу впослѣдствіи, поэтому, я хочу узнать тебя покороче. Разъ ты собираешься побыть здѣсь нѣсколько дней, мы будемъ часто бесѣдовать. По утрамъ я мало занятъ, мы будемъ проводить время вмѣстѣ, будемъ гулять пѣшкомъ или выѣзжать въ твоей коляскѣ и будемъ знакомиться другъ съ другомъ. Но не забывай того, что ты обѣщалъ.

Я молча кивнулъ головой.— Въ концѣ концовъ, — думалъ я, — у него, дѣйствителю, такой видъ, точно онъ собирается на-дняхъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе полученные имъ результаты его работъ. Отчего цѣли не быть хорошей, даже если пути, ведущіе къ ней, не совсѣмъ хороши? Навѣрное онъ только ихъ и хочетъ скрыть, пока не добьется результата: онъ рассчитываетъ, что блескъ открытія оправдаетъ варварство пріемовъ, которыми онъ добился его, и заставитъ общество простить ему ихъ... Лишь бы только конечный результатъ оправдалъ результаты и его способы не открылись раньше времени. А съ другой стороны, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Лернъ боится конкуренціи? Отчего же не допустить этого?

Все это я передумалъ въ то время, какъ перелилъ в резервуаръ моей милой машины жестянку эссенціи, которая, по счастливой случайности, оказалась у меня в запасѣ.

Лернъ сѣлъ рядомъ со мной. Онъ указалъ мнѣ прямую дорогу, проложенную вдоль одного изъ утесовъ ущелья, замысловато скрытую ложными поперечными дорожками. Сначала я удивился, что дядя открылъ мнѣ этотъ сокращенный путь, но, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я подумалъ, что, вѣдь, этимъ самымъ онъ указываетъ мнѣ, какъ мнѣ скорѣе уѣхать отъ него. А развѣ это не было его самымъ завѣтнымъ желаніемъ!

Милѣйшій дядюшка! Нужно же было, чтобы онъ вель такой замкнутый и поглощенный занятіями образъ жизни,

чтобы проявить такое трогательное невѣжество въ области автомобилизма. Положимъ, всѣ ученые проявляютъ такое же отношеніе ко всему, что прямо не касается узкой сферы ихъ науки. Мой фізіологъ былъ младенцемъ въ области механики. Хорошо еще, если онъ хоть подозрѣвалъ о принципахъ этого послушнаго, гибкаго, безшумнаго и быстрого способа передвиженія, которымъ онъ восторгался.

На опушкѣ лѣса онъ сказалъ:

— Остановимся здѣсь, пожалуйста. Ты объяснишь мнѣ, въ чемъ дѣло. Машина чудесная. Дальше этого мѣста я не хожу. А я старый маніакъ. Ты, если захочешь, потомъ поѣдешь дальше одинъ.

Я началъ объясненія, демонстрируя машину. При этомъ я замѣтилъ, что сирена пострадала очень незначительно и что поправить ее можно было въ мгновеніе ока. Два винтика и кусокъ желѣзной проволоки вернули ей ся оглушающее могущество. Лернъ, слушая ее, проявлялъ признаки наивнаго восторга. Я сталъ продолжать свою лекцію, и дядя, по мѣрѣ того какъ я говорилъ, слушалъ съ все болѣе возрастающимъ вниманіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, моторы вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы ими серьезно интересовались. Если въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ моторы сами по себѣ мало измѣнились въ своихъ существенныхъ составныхъ частяхъ и въ элементарной структурѣ, то приспособленность составныхъ частей значительно пошла впередъ, а матеріаль сталъ распредѣляться болѣе цѣлесообразно. Для постройки, на примѣръ, моей машины, весь грузъ которой заключался въ запасныхъ бакахъ съ эссенціей, не было употреблено ни кусочка дерева. Моя 80-тисильная машина, представляла собой роскошную и точную мастерскую для выработки поглощенія пространства, построенную цѣликомъ изъ мѣди, стали, никкеля и алюминія. Великое изобрѣтеніе нашей эпохи было къ ней примѣнено; я говорю о томъ, что она покоилась не на четырехъ пневматикахъ, а на рессорныхъ колесахъ, удивительно эластичныхъ. Сегодня это кажется

обыденнымъ явленіемъ, но годъ тому назадъ косяки моихъ колесныхъ ободовъ возбуждали всеобщее изумленіе.

Но самымъ замѣчательнымъ въ моей машинѣ было, на мой взглядъ, то усовершенствованіе, котораго строители автомобилей добились настолько постепенно, что никто не замѣтилъ, какъ оно со дня на день все больше завоевываетъ право гражданства; а именно: автоматизмъ.

Первая «коляска безъ лошадей» была загромождена рычагами, педалями, рукоятками и воланами, необходимыми, чтобы управлять ею; кранами и аппаратами для смазыванія, безъ которыхъ моторъ не могъ работать. Но съ каждымъ новымъ поколѣніемъ автомобилей, они все больше и больше упрощались. Мало-по-малу исчезли всѣ рукоятки, требовавшіе постояннаго и многообразнаго вмѣшательства человѣка. Въ наши дни органы автомобиля сдѣлались автоматическими и механизмъ регулируется механизмомъ. Теперь шофферъ, въ сущности говоря, кормчій: разъ машина пущена въ ходъ, она сама влечетъ себя впередъ; разбуженная, она снова заснетъ только по приказанію. Словомъ, какъ замѣтилъ Лернъ, современный автомобиль обладаетъ всѣми свойствами спинного мозга: инстинктомъ и рефлексами. Въ немъ происходятъ произвольныя движенія на ряду съ движеніями, вызванными разумомъ проводника, который становится, такъ сказать, мозгомъ автомобиля. Изъ этого центра идутъ распоряженія желаемого маневрированія, которыя передаются по металлическимъ нервамъ—стальнымъ мускуламъ.

— Впрочемъ,—добавилъ мой дядя,—сходство между этой коляской и позвоночнымъ животнымъ потрясающее.

Тутъ Лернъ вступалъ въ свою сферу; я насторожился. Онъ продолжалъ:

— Мы уже нашли нервную и мускульную систему—ихъ представляютъ рычаги управленія, передачи и ускоренія. Но, Николай, развѣ шасси не уподобляется костяному скелету человѣка, къ которому болты прикрѣпляются такъ же, какъ сухожилія... Жизненная сила—кровь,

это—бензинъ, который циркулируетъ по мѣднымъ артеріямъ... Карбюраторъ дышетъ—это легкое: вмѣсто того, чтобы вводить воздухъ въ кровь, онъ распыляетъ эссенцію, вотъ и все... Эта крышка похожа на грудную клѣтку, въ которой ритмично бьется сердце... Наши сочлененія также помѣщаются въ жидкости, какъ и машинныя въ маслѣ... А вотъ и защищенные крышкой-кожей резервуары, такъ же голодающіе и насыщающіеся, какъ желудокъ... Вотъ фосфоресцирующіе, какъ у дикихъ звѣрей, глаза-фонари, пока еще не обладающіе даромъ зрѣнія; вотъ голосъ: сирена; вотъ выводная трубка, которую я не хочу ни съ чѣмъ сравнивать, шадя твою скромность... Словомъ, твоей машинѣ не достаетъ только мозга, роль котораго исполняетъ по временамъ твой, чтобы сдѣлаться большимъ, глухимъ, безчувственнымъ и бесплоднымъ звѣремъ, безъ вкуса и обонянія.

— Цѣлая коллекція недужныхъ,—сказалъ я, расхохотавшись.

— А съ другой стороны,—возразилъ Лернъ,—автомобиль надѣленъ лучше насъ. Подумай объ этой водѣ, которая охлаждаетъ его: какое прекрасное средство отъ лихорадки... А сколько лѣтъ можетъ держаться такая оболочка, если за ней будетъ внимательный уходъ! Потому что, вѣдь ее можно чинить безъ конца... автомобиль всегда можно вылечить; развѣ ты только что не вернулъ даръ рѣчи его глоткѣ? Ты съ такою же легкостью могъ бы замѣнить его глаза.

Профессоръ увлекся.

— Это могучее и грозное тѣло,—почти кричалъ онъ.— Но этимъ тѣломъ можно одѣться; это доспѣхи, одѣвъ которые, чувствуешь себя дополненнымъ гораздо больше, чѣмъ можно рассчитывать; это броня—увеличительница силы и быстроты. Да что тамъ говорить—въ этой бронѣ вы представляете изъ себя Марсіанъ Уэльса на ихъ треножныхъ цилиндрахъ; вы просто-на-просто головной мозгъ какого-то неестественнаго головокружительнаго звѣря.

— Дядюшка, вѣдь, въ сущности, всякая машина такая.

— Нѣтъ! Не въ такой степени совершенства. За исключеніемъ внѣшняго вида, къ которому, собственно говоря, ни одно животное не подходитъ, автомобиль представляетъ собой самый удачный изъ всѣхъ автоматовъ. Онъ точнѣе сдѣланъ по нашему подобію, чѣмъ любой заводной манекенъ Мелцеля или Вокансона, похожій на живыхъ людей; потому что тѣ, подъ людской оболочкой скрываютъ организмъ вертела, съ которымъ нельзя поставить на одну доску даже организмъ улитки. Тогда какъ автомобиль...

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и, окинувъ машину нѣжнымъ взглядомъ, воскликнулъ;

— Какое великолѣпное созданіе! До чего великъ человѣческій геній!

— Да,—подумалъ я,—въ актѣ творчества кроется совсѣмъ другая красота, чѣмъ въ твоихъ зловѣщихъ смѣшеніяхъ живого тѣла и плоти съ безчувственнымъ деревомъ. Но съ твоей стороны хорошо, что ты хоть въ этомъ признаешься.

Хотя было уже довольно поздно, я все же поѣхалъ въ Грей л'Аббей, чтобы пополнить запасы бензина, и хотя Лернъ и былъ большимъ рутинеромъ, но онъ до того увлекся автомобилемъ, что рѣшился переступить черезъ традиционную границу своихъ прогулокъ и сопровождалъ меня.

Потомъ мы поѣхали обратно въ Фонваль.

Дядюшка, увлекшись, какъ всякій новичекъ, все время нагибался впередъ и ощупывалъ желѣзную крышку мотора, потомъ онъ разобралъ автоматическую маслянку. Въ то же время онъ задавалъ мнѣ бездну вопросовъ, и мнѣ пришлось посвятить его во всѣ мельчайшія подробности устройства моей машины; все это онъ усваивалъ съ невѣроятной быстротой и точностью.

— Послушай, Николай, нажми, пожалуйста, сирену... Теперь поѣзжай медленнѣе... остановись... пусти въ ходъ

опять... поѣзжай скорѣе... Довольно, затормози... теперь задній ходъ... Стой!.. Нѣтъ, это, право, колоссально.

Онъ смѣялся отъ радости. Его вѣчно надутое лицо похорошѣло. Всякій, увидѣвшій насъ, принялъ бы насъ за двухъ задушевныеѣйшихъ друзей. А можетъ быть, въ данную минуту мы и были ими?.. И я уже предвидѣлъ тотъ часъ, когда, благодаря моему автомобилю, Лернъ можетъ быть, откроетъ мнѣ свои секреты.

Онъ сохранилъ свое прекрасное настроеніе до самаго пріѣзда въ замокъ; сосѣдство таинственныхъ зданій нисколько не нарушило его; настроеніе это перемѣнилось только тогда, когда онъ вошелъ въ столовую. Тутъ Лернъ вдругъ нахмурился: вошла Эмма. Получилось такое впечатлѣніе, будто мужъ тети Лидивины испарился вмѣстѣ съ дядиной улыбкой, а его мѣсто занялъ старый сварливый профессоръ, недовольный нашимъ присутствіемъ. Тогда я почувствовалъ, какъ мало значенія имѣютъ для него всѣ его будущія открытія въ сравненіи съ этой женщиной, и что если онъ стремился къ славѣ и богатству, то только для того, чтобы имѣть возможность удержать около себя эту очаровательную женщину.

Навѣрное, онъ ее любилъ такою-же любовью, какъ и я: какъ испытываютъ голодъ, жажду,—голодъ кожи и жажду тѣла. Онъ былъ большимъ лакомкой, я же былъ голоднѣе—вотъ и вся разница между нами.

Да, ну-же, будемъ откровенны! Вы, Эльвира, вы—Беатриса, идеальныя возлюбленныя; сначала вы были только тѣми, кого страстно желаютъ. До того, какъ писать въ вашу честь стихи, васъ просто желали, безъ всякой литературы, какъ... къ чему искать лицемѣрныя метафоры,—какъ блюдо чечевицы, или стаканъ свѣжей воды... Но для васъ создали гармоничныя фразы, потому что вы сумѣли сдѣлаться обожаемыми подругами и съ тѣхъ поръ васъ окружили этой утонченной нѣжностью, которая является вершиной нашего чувства, нашей восхитительной и медленной поправкой творенія. Конечно, Лернъ правъ:

человѣческій геній великъ. Но любовь человѣка доказываетъ это гораздо лучше, чѣмъ построенныя имъ машины. Любовь—это очаровательно двойственный цвѣтокъ, лучшая и самая удачная прививка сада нашей души, до того тонко сдѣланная, что кажется почти искусственной, благоухающей искусно смягченнымъ ароматомъ.

Вотъ... Но мы съ Лерномъ увлекались не такимъ цвѣткомъ, а тѣмъ простымъ и безыскусственнымъ, который является аллегорическимъ изображеніемъ продолженія рода человѣческаго, и единственной причиной существованія котораго служить плодъ, который онъ готовитъ. Его настойчивый запахъ опьянялъ насъ,—это былъ благовонный ядъ, напоенный сладострастіемъ и ревностью, въ которой чувствуешь меньше любви къ женщинѣ, чѣмъ ненависти ко всѣмъ остальнымъ мужчинамъ.

Барвара приходила и уходила, услуживая за столомъ, чортъ знаетъ какъ. Мы всѣ молчали. Я избѣгалъ смотрѣть на очаровательную Эмму, убѣжденный, что мои взгляды были-бы до того похожи на поцѣлуи, что это не могло-бы укрыться отъ дядиныхъ глазъ.

Она была теперь совершенно спокойна и рисовалась своимъ равнодушіемъ; опершись голыми локтями на столъ, положивъ голову на руки, она разсматривала въ окно пастбище, на которомъ ревѣли его обитатели.

Мнѣ хотѣлось-бы по крайней мѣрѣ смотрѣть на то-же, на что смотрѣла моя возлюбленная; это далекое и сентиментальное общеніе утишило бы, какъ мнѣ казалось, мое низменное стремленіе къ болѣе интимнымъ встрѣчамъ.

Къ несчастью, изъ моего окна не было видно пастбища, и мои глаза, блуждая безъ опредѣленной цѣли, все время, помимо моей воли, чувствовали впечатлѣніе ея бѣлыхъ голыхъ рукъ и колыханіе корсажа, трепетавшаго сильнѣе, чѣмъ слѣдовало-бы.

Больше, чѣмъ слѣдовало-бы!

Въ то время, какъ я объяснялъ это явленіе въ свою пользу, Лернъ въ угрюмомъ молчаніи всталъ изъ-за стола.

Отодвинувшись, чтобы дать пройти молодой женщинѣ, которая, проходя, слегка задѣла меня, я почувствовалъ, что она вся дрожить; ноздри ея носа трепетали. Меня охватилъ приливъ неудержимой радости.

Развѣ можно было еще сомнѣваться, что я взволновалъ ее?

Когда мы проходили мимо окна, Лернъ взялъ меня за плечо и сказалъ мнѣ потихоньку, дрожащимъ отъ сдерживаемаго смѣха голосомъ—я думаю, чіо такъ въ свое время говорили сатиры:

— Ага! Вотъ Юпитеръ устраиваетъ свои штуки.

И онъ показалъ на быка, стоявшаго посреди пастбища, въ возбужденномъ состояніи, окруженнаго своимъ гаремомъ.

Въ залѣ къ дядѣ опять вернулось его отвратительное настроеніе. Онъ приказалъ Эммѣ отправиться въ свою комнату, а мнѣ, давъ нѣсколько книжекъ, посоветовалъ весьма внушительнымъ тономъ пойти позаняться въ тѣни лѣса.

Мнѣ оставалось только подчиниться.—Ну, что-же, — уговаривалъ я самъ себя не противорѣчить,—въ концѣ-концовъ, самый жалкій изъ насъ всѣхъ все-таки онъ.

То, что произошло слѣдующею ночью, доказало, что это не совсѣмъ такъ, и значительно умѣрило мое чувство жалости к нѣму.

Случившееся разстроило меня тѣмъ болѣе, что далеко не способствовало разъясненію тайны, а, наоборотъ, само по себѣ казалось необъяснимымъ.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Я заснулъ спокойнымъ сномъ, убаюканный мечтами объ Эммѣ и радужными надеждами на успѣхъ у нея. Но во снѣ, вмѣсто того, чтобы увидѣть что-нибудь забавное и легкомысленное, меня преслѣдовали нелѣпости предыдущей ночи: ревушія и лающія растенія. Шумъ терзалъ меня во снѣ все сильнѣе и напряженнѣе; наконецъ, гамъ сдѣлался до того нестерпимымъ и казался до того естественнымъ, что я вдругъ проснулся.

Я горѣлъ, и все-же былъ весь въ поту. Въ ушахъ продолжало звучать какъ-бы воспоминаніе отъ только-что услышаннаго во снѣ пронзительнаго крика. Я слышалъ его не впервые... нѣтъ... я уже слышалъ его, этотъ крикъ... тогда... когда я ночевалъ въ лабиринтѣ... тогда онъ доносился издали... со стороны Фонваля...

Я приподнялся на рукахъ. Комната была слегка освѣщена луннымъ свѣтомъ. Все было тихо. Только мѣрное тиканье маятника часовъ, изображавшихъ время, равномерно нарушало тишину. Я опустилъ голову на подушку...

И вдругъ, подъ впечатлѣніемъ внезапнаго чувства ужаса, я завернулся съ головой въ одѣяло, зажавъ уши руками: зловѣщій, неслыханный, сверхъестественный вой неся изъ парка въ тишинѣ ночи... Это было что-то кошмарное, и дѣйствительность превосходила то, что бываетъ во снѣ.

Я подумалъ о большой чинарѣ, росшей противъ моего окна...

Я поднялся, употребляя нечеловѣческія усилія. И тутъ я услышалъ тявканье... заглушенное.., что-то вродѣ заглушаемаго тявканья... усиленно заглушаемаго...

Ну, что-же? Вѣдь могла-же это быть собака, чортъ побери!

Въ саду ничего... ничего, кромѣ чинары и уснувшихъ деревьевъ.

Вой повторился съ лѣвой стороны. Въ окно—въ другое окно, я увидѣлъ то, что на минуту, казалось-бы, все разъясняло. (Все-таки, надо констатировать фактъ: мои слуховыя впечатлѣнія во снѣ были вызваны крикомъ, имѣвшимъ мѣсто на самомъ дѣлѣ; настоящіе звуки навѣяли сонъ о воображаемыхъ крикунахъ).

Тамъ стояла изнуренная громадная собака, спиной ко мнѣ. Она положила лапы на закрытые ставни моей бывшей комнаты и отъ времени до времени испускала отрывистый вой. Другой—полузаглушенный лай—отвѣчалъ ей изнутри

дома; но было-ли это, дѣйствительно, тявканье? А что, если мой слухъ, подозрительно настроенный теперь, ввелъ меня въ заблужденіе? Скорѣе это можно было назвать человѣческимъ голосомъ, подражавшимъ собачьему лаю... Чѣмъ внимательнѣе я прислушивался, тѣмъ этотъ выводъ казался мнѣ неоспоримѣе... Ну, конечно, нельзя было даже ошибаться такъ грубо; какъ я могъ сомнѣваться? это рѣзало слухъ: какой-то странный шутникъ находился въ моей комнатѣ и забавлялся тѣмъ, что поддразнивалъ бѣдную собаку.

Впрочемъ, это ему удавалось: животное выказывало всѣ признаки возрастающаго ожесточенія. Оно странно модулировало свой вой, придавая ему всякій разъ другое, необыкновенное выраженіе ужаснаго отчаянія... Подъ конецъ оно стало царапать лапами ставни и кусать ихъ. Я услышалъ хрустъ дерева въ его мощныхъ челюстяхъ.

Вдругъ животное застыло, шерсть поднялась на немъ дыбомъ. Изъ комнаты внезапно послышалась грубая брань. Я узналъ голосъ моего дяди, хотя не могъ разобрать смысла его ругательства. Обруганный шутникъ немедленно замолкъ. Ну какъ понять это противорѣчіе: собака, ярость которой должна была-бы утихнуть, теперь выходила изъ себя—ея шерсть до того ошетичилась, что стала похожа на щетину ежа. Она, громко ворча, пошла вдоль стѣны, направляясь къ средней входной двери замка.

Когда она дошла до этой двери, Лернъ открылъ ее.

Мое счастье, что я былъ остороженъ и не поднималъ шторы: первый взглядъ Лерна былъ направленъ на мое окно.

Тихимъ голосомъ, дрожавшимъ отъ сдержаннаго гнѣва, профессоръ пробиралъ собаку, но съ крыльца не сходилъ, и я понималъ, что онъ ее боится. А та все приближалась, ворча и уставившись на него своими горящими подъ широкимъ лбомъ глазами. Лернъ заговорилъ громче:

— На мѣсто! Грязное животное!—Тутъ онъ произнесъ нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ.—Убирайся!—

заговорилъ онъ снова по-французски, такъ какъ собака продолжала приближаться.—Что-жъ, ты хочешь, чтобы я тебя прикончилъ!

У дяди былъ видъ, точно онъ сходитъ съ ума. При лунѣ онъ казался еще блѣднѣе.—Она его разорветъ,— подумалъ я,—у него нѣтъ даже плети...

— Назадъ, Нелли! Назадъ!..

Нелли... Значить, это была собака покинувшего дядю ученика? Сентъ-бернаръ шотландца?..

И, дѣйствительно, вотъ снова слышались иностранныя слова, давъ мнѣ возможность узнать, къ моему еще большому недоумѣнію, что мой дядя говоритъ по-англійски.

Его гортанныя ругательства будили ночную тишину.

Собака съежилась, приготовляясь къ прыжку. Тогда Лернъ, потерявъ терпѣніе, пригрозилъ ей револьверомъ, показывая другой рукой направленіе, куда онъ ее гналъ.

Мнѣ случалось видѣть на охотѣ, какъ собака, въ которую прицѣливаются, убѣгаетъ отъ ружья, смертоносную силу котораго она знаетъ. Но такой-же эффектъ отъ пистолета показался мнѣ менѣе банальнымъ. Испытала-ли раньше Нелли дѣйствіе этого оружія? Это было возможно, но я больше вѣрю въ то, что она скорѣе поняла англійскій языкъ—обычный разговоръ Макъ-Белля,—чѣмъ револьверъ моего дяди.

Она утихла, точно отъ пѣнія Орфея, сжалась и, опустивъ хвостъ, побѣжала къ сѣрымъ зданіямъ, по направленію, указаному ей Лерномъ. Онъ помчался вслѣдъ за нею, и ночная тѣнь поглотила ихъ обоихъ.

На моихъ часахъ время скосило еще нѣсколько минутъ.

Вдали я услышалъ шумное хлопанье дверями.

Затѣмъ вернулся Лернъ.

Снова воцарилось молчаніе.

Значить, въ Фонвалѣ находились еще два существа, о присутствіи которыхъ я до этой ночи не подозрѣвалъ: Нел-

ли, жалкій видъ которой не давалъ повода считать ее счастливой,—Нейли, брошенная, вѣроятно, своимъ хозяиномъ во время поспѣшнаго бѣгства его отсюда, и мрачный шутникъ. Потому что этотъ послѣдній, но здравому размышленію, не могъ быть ни одной изъ женщинъ, ни однимъ изъ трехъ нѣмцевъ; шутовскій характеръ его продѣлки выдавалъ возрастъ автора: ребенокъ, только ребенокъ можетъ забавляться тѣмъ, что станетъ дразнить собаку. Но, насколько мнѣ было извѣстно, никто не жилъ въ томъ крылѣ... Ахъ, да! Лернъ сказалъ мнѣ:—твоя комната занята.—Кто-же въ ней жилъ?

Я это узнаю.

Если скрытое отъ меня присутствіе Нелли въ сѣрыхъ зданіяхъ подстрекало еще больше мое любопытство по отношенію къ этимъ, и безъ того заинтриговавшимъ меня, мѣстамъ, то закрытыя помѣщенія замка неожиданно дѣлались дополнительной цѣлью моихъ розысковъ.

Ну, наконецъ-то становилось яснымъ, что надо было дѣлать.

И такъ какъ перспектива охоты зажигала во мнѣ лихорадку—тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я поступлю умно, если сначала доведу одно дѣло до благополучнаго конца и нарушу первое запрещеніе Лерна, до того, какъ преступлю второе.—Узнаемъ сначала основу его предпріятій,—совѣтовала мнѣ совѣсть,—они подозрительны. А потомъ мы займемся пустяками—любовными шашнями—совершенно спокойно.

Почему я не послѣдовалъ мудрому совѣту совѣсти?.. Но совѣсть поетъ подъ сурдинку, и я спрашиваю насъ, кто ее услышитъ, когда страсть начинается кричать во все горло?..

V. СУМАСШЕДШІЙ.

Недѣлю спустя. Я стою въ засадѣ за дверью моей бывшей комнаты—желтой,—приложивъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Третьяго дня я уже приходилъ сюда, но у меня не хватило времени для наблюденій. Никогда еще лѣвое крыло Фонваля не запиралось такъ ревниво, конечно, не считая того времени, когда монахи устроили въ немъ монастырь.

Какъ я туда проникъ? Страшно глупымъ путемъ. Желтая комната соединяется съ общей прихожей, черезъ которую всѣмъ приходится проходить, при помощи трехъ расположенныхъ одна за другой комнатъ: непосредственно изъ прихожей входишь въ большой залъ, затѣмъ идетъ билліардная комната, рядомъ съ которой находится будуаръ, а съ правой стороны отъ будуара и помѣщается желтая комната, окна которой выходятъ въ паркъ. И вотъ, третьяго дня, пользуясь случайно выпавшей на мою долю минутой свободы, я попробовалъ отпереть дверь въ залъ разными ключами, вынутыми мною изъ другихъ дверей—то тутъ, то тамъ.

Вдругъ замокъ поддался. Я открылъ дверь и увидѣлъ, въ слабомъ полуосвѣщеніи отъ закрытыхъ ставенъ, всю анфиладу комнатъ.

На порогѣ каждой я узнавалъ ей одной свойственный запахъ, насыщенный плесенью еще больше, чѣмъ когда-то, и напоенный прошлымъ, если его можно обонять... Повсюду пыль. Я на цыпочкахъ шелъ по слѣду засохшей грязи, оставленной сапогами многихъ людей. Мышь пробѣжала по залу. На билліардѣ три шара, красный и два бѣлыхъ—слоновой кости—вырисовывали фигуру равнобедреннаго трехугольника; я мысленно обдумалъ ударъ и рассчиталъ съ какой стороны и съ какой силой надо ударить свой шаръ, чтобы попасть имъ въ оба.

Я вошелъ въ будуаръ; остановившіеся часы показывали полдень, или полночь. Я чувствовалъ себя удивительно воспріимчивымъ.

Однако, у меня еле хватило времени увидѣть, что дверь въ желтую комнату заперта, какъ какой-то шумъ заставилъ меня быстро вернуться въ прихожую...

Шутка могла окончиться очень плохо. Хотя Лернъ и былъ занятъ работой въ сѣромъ зданіи, но онъ зналъ, что я нахожусь въ замкѣ, а въ такихъ случаяхъ онъ часто неожиданно возвращался, чтобы посмотрѣть, что я дѣлаю. Я рѣшилъ, что осторожнѣе будетъ отложить осмотръ.

Мнѣ необходимо было обезпечить себѣ часъ полной свободы. Я придумалъ слѣдующую уловку:

Я отправился въ Грей-л'Аббей и закупилъ тамъ всякихъ туалетныхъ принадлежностей, которыя запряталъ въ чащѣ лѣса, недалеко отъ парка.

На слѣдующій день, за завтракомъ, я обратился къ Лерну и Эммѣ:

— Я ѣду въ Грей послѣ завтрака. Надѣюсь, что мнѣ удастся достать нѣкоторыя вещи, которыя мнѣ необходимы. Если не достану, придется доѣхать до Нантеля. Для васъ ничего не нужно купить?

На мое счастье, имъ ничего не было нужно: иначе вся моя комбинація рухнула-бы, и все пошло-бы прахомъ.

Такимъ образомъ, мнѣ достаточно было четверти часа, чтобы привезти мои вещи изъ лѣса, а, между тѣмъ, для того, чтобы съѣздить въ Грей, походить тамъ по магазинамъ и вернуться обратно, надо было, по крайней мѣрѣ часъ съ четвертью. Слѣдовательно, я располагалъ совершенно свободнымъ часомъ времени, что и требовалось доказать.

Я выѣзжаю, прячу свой автомобиль въ чащѣ около своихъ покупокъ, потомъ возвращаюсь въ садъ, перебравшись черезъ стѣну: плющъ съ одной стороны, бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ—съ другой—упрощаютъ мою задачу.

Пробираясь съ крайней осторожностью, я добираюсь до входа и вхожу въ прихожую.

И вотъ, я въ залъ; тщательно закрываю за собой дверь; на случай бѣгства я, изъ предосторожности, не запираю ее на ключъ.

А теперь къ дѣлу,—къ замочной скважинѣ.

Отверстіе довольно широко. Я смотрю, точно сквозь бойницу... Что это за картина?

Комната въ полумракѣ. Косой лучъ солнца, прокравшійся сквозь рѣшетчатый ставень, какъ-бы подпираетъ окно своимъ сверкающимъ снопомъ, въ которомъ вьется пыль—миріады существъ. На коврѣ солнце даетъ отраженіе рѣшетки всего ставня. Все остальное въ тѣни: конура, комната бѣдняка! Платье разбросано. На полу—тарелка съ остатками какого-то кушанья; рядомъ какая-то мерзость... Больше похоже на берлогу заключеннаго. Постель... Ахъ, что это пошевелилось?

Вотъ кто—заключенный!

Человѣкъ!

Онъ лежитъ на животѣ, среди разбросанныхъ въ страшномъ безпорядкѣ подушекъ, матрацовъ и пуховиковъ, положивъ голову на скрещенныя руки. Онъ одѣтъ въ ночную рубашку и панталоны. Не бритая нѣсколько недѣль борода и волосы—довольно короткіе— бѣлокураго, почти бѣлесоватаго цвѣта.

Я гдѣ-то видѣлъ это лицо... Нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ ночью этотъ ужасный, пронзительный крикъ, меня преслѣдуютъ всякія дикія мысли... Я никогда не видѣлъ этого надутаго бородатаго лица, этого гибкаго тѣла, я никогда не встрѣчался съ этимъ жирнымъ молодымъ человѣкомъ... никогда... Выраженіе его глазъ довольно добродушно; глупо, но добродушно... Гм... Какое безразличное выраженіе лица. Это, должно быть, здоровый лѣнтяй...

Плѣнникъ дремлетъ довольно спокойно: ему надоѣдаютъ мухи. Онъ отгоняетъ ихъ внезапнымъ, неук-

люжимъ движеніемъ; изрѣдка пріоткрываетъ глаза, слѣдитъ съ минуту лѣнивымъ взглядомъ за ихъ полетомъ, и снова засыпаетъ; иногда, охваченный внезапнымъ припадкомъ ярости, онъ мотаетъ взлохмаченной головой изъ стороны въ сторону, пытаюсь поймать зубами надоедливыхъ насѣкомыхъ.

Сумасшедшій!

У дяди живетъ сумасшедшій? Кто онъ такой?..

Я почти прикасаюсь глазомъ къ скважинѣ... Глазъ утомился. Попробовавъ посмотрѣть другимъ, который нѣсколько близорукъ, я увидѣлъ мутную картину. Это отверстіе невѣроятно узко... Чортъ его побери! Я со стукомъ ударился о дверь...

Сумасшедшій вскочилъ на ноги. Какой онъ маленький! Вотъ онъ идетъ въ мою сторону... А что, если онъ попробуетъ открыть дверь?.. Ну, вотъ еще! Онъ бросается на землю у двери, обнюхиваетъ ее и ворчитъ... Бѣдный малый, на него жалко смотрѣть...

Онъ ни о чемъ не догадался. Теперь онъ присѣлъ въ сферѣ солнечнаго луча и, весь испещренный полосою солнца, проникающаго сквозь рѣшетчатый ставень, сталъ доступнѣе моему наблюденію.

Кожа рукъ и лица сплошь покрыта розоватыми крапинками, точно слѣдами отъ зажившихъ царапинъ. Можно подумать, что онъ раньше здорово съ кѣмъ-то подрался; но,—вотъ это будетъ по-серьезнѣе!—длинный, фіолетоваго цвѣта слѣдъ, идущій отъ одного виска къ другому подъ волосами огибаетъ черепъ сзади. Онъ до странности напоминаетъ рубецъ... Этого человѣка подвергали пыткамъ! Я не отдаю себѣ отчета, какому испытанію Лернъ его подвергъ, или какое мщеніе онъ для него придумалъ, но... Ахъ, па-лачь!

Внезапно въ моемъ мозгу зарождается ассоціація идей: я мысленно сравниваю индѣйскій профиль моего дяди съ поразительной шевелюрой Эммы, и бѣлокурые волосы сумасшедшаго съ зеленой шерстью крысы. Не ищетъ-ли Лернъ

способа прививать лысымъ черепамъ волосатыс скальпы? Не это-ли его знаменитое предпріятіе, сулящее такіе выгоды?.. Но немедленно же я понимаю, на сколько мое предположеніе глупо. Нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ, подтверждающихъ его. Да, кромѣ того, и это, рѣшающее вопросъ, доказательство, этотъ несчастный не былъ скальпированъ: вѣдь тогда рубецъ долженъ былъ-бы описать полный кругъ. А развѣ онъ не могъ сойти съ ума отъ какого-нибудь ужаснаго случая: отъ паденія навзничъ, напримѣръ?

Онъ—сумасшедшій, но не опасный: тихое помѣшательство. И, рѣшительно, у него хорошее выраженіе лица. Иногда даже въ его глазахъ сверкаетъ искра разума... Онъ, навѣрное, кое-что знаетъ, я убѣжденъ въ этомъ... Я увѣренъ, что, если его осторожно разспросить, онъ отвѣтитъ. А что, если попробую на авось?..

Дверь закрыта только съ моей стороны, и то только на задвижку. Я отодвигаю ее рѣшительнымъ движеніемъ руки. Но не успѣлъ я еще войти въ желтую комнату, какъ заключенный, нагнувъ голову, бросается впередъ, ударяетъ меня въ животъ, опрокидываетъ меня, падаетъ сам, поднимается и удираетъ, таякая по-собачьи; вотъ почему я въ ту ночь принялъ его за проказника.

Быстрота его движеній сбила меня съ толку. Какъ ему удалось такъ меня обморочить? что за странная мысль броситься на меня, нагнувъ голову?.. Не смотря на неожиданность нападенія, я такъ же быстро былъ на ногахъ, какъ и упалъ. Я чуть съ ума не сошелъ отъ испуга и неожиданности. Сумасшедшій, выпущенный на свободу идіотомъ, котораго онъ погубить! О!.. Пропалъ Николай, погибъ, братъ; это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію... Не лучше-ли и мнѣ удрать по-англійски, не прощаясь, чѣмъ пытаться догнать бѣглеца? Да и какую пользу это теперь принесетъ?.. Да, но Эмма! А секретъ? Ну, будь, что будетъ, попробую догнать его, чортъ возьми!

И вотъ я мчусь по пятамъ незнакомца.

Лишь-бы онъ не побѣжалъ въ сторону сѣрыхъ зда-
ніи!. Къ счастью, онъ бѣжитъ въ противоположномъ
направленіи. Все равно, всякій, кто захочетъ, можетъ насъ
замѣтить... Мой дизертиръ бѣжитъ, подпрыгивая, очень ра-
достный. Онъ углубляется въ паркъ. Слава Богу! Прокля-
тое животное хоть не кричитъ больше, и то хорошо... Ай,
кто тамъ?.. Нѣтъ—это статуя!.. Надо догнать его поскорѣе.
Стоитъ ему сдѣлать неудачный поворотъ, и я конченный
человѣкъ,.. Ну, и весело-же онъ настроенъ, дуралей!.. Ахъ,
чертъ возьми, если онъ будетъ бѣжать дальше въ томъ-же
направленіи, онъ обѣжитъ паркъ кругомъ, и намъ придется
пробѣжать мимо сѣрыхъ зданій, у самыхъ оконъ Лерна. Да
будутъ благословенны деревья, которые пока еще скрыва-
ютъ насъ. Скорѣе!.. Ахъ, Боже мой, а дверь-то въ залъ, ко-
торую я забылъ закрыть... Скорѣе, скорѣе!.. Бѣглецъ не
знаетъ, кто его преслѣдуетъ,—онъ ни разу не оглянулся:
ему трудно бѣжать, потому что онъ босикомъ, онъ замедля-
етъ бѣгъ; я настигаю его...

Онъ остановился на минутку, обнюхалъ воздухъ и
побѣжалъ дальше. Но я уже близокъ къ нему. Онъ бросил-
ся въ кусты, налѣво, къ утесамъ... Я за нимъ... Я отъ него
въ десяти метрахъ. Онъ пробирается сквозь густые кусты,
не обращая вниманія на царапины. Я мчусь по его слѣдамъ.
Вѣтви хлещутъ его по лицу, шипы вонзаются въ тѣло, онъ
жалобно подвываетъ, задѣвая за нихъ. Почему-же онъ не
раздвигаетъ ихъ? Онъ могъ-бы избѣжать царапинъ. Утесъ
недалеко. Мы бѣжимъ прямо на него. Честное слово, мнѣ
начинается казаться, что моя дичь прекрасно знаетъ, куда
и зачѣмъ бѣжитъ... Я вижу его спину... не всегда... тогда
мнѣ приходится руководиться трескомъ сучьевъ.

Наконецъ, я вижу его узкую голову на фонѣ скалы...
Онъ стоитъ неподвижно.

Я приближаюсь безшумно... Еще минута, и я брошусь
на него... Но его неожиданное движеніе останавливаетъ
меня на краю, ограниченной съ одной стороны скалистой
стѣнной лужайки, въ центрѣ которой онъ стоитъ.

Онъ опустился на колѣни и яростно царапалъ землю. Эта работа мучительна для его когтей до такой степени, что онъ снова начинаетъ подвывать, также точно, какъ раньше, когда онъ раздиралъ себѣ тѣло о кусты боярышника и тутоваго дерева. Комки земли долетаютъ до меня; его судорожно сведенныя руки роютъ землю быстрыми и правильными взмахами: онъ роетъ, стень отъ боли, и по временамъ погружаетъ въ вырытую яму свой носъ, насколько можно глубже, фыркаетъ, мотая головой, и снова принимается за свое нелѣпое занятіе. Я ясно вижу его ужасный рубецъ... А, какое мнѣ дѣло до его сумасбродствъ?! Это подходящий моментъ, чтобы схватить его и увести съ собой...

Я потихоньку, на цыпочкахъ выхожу изъ своего прикрытія. Скажите, пожалуйста! Кто-то ужъ занимался здѣсь раскопками: кучка посѣрѣвшей земли доказываетъ это; блондинъ, повидимому, только возобновилъ раньше начатую и брошенную работу. Ну, да это не важно...

Я собираюсь съ силами и хочу броситься впередъ.

Въ этотъ моментъ человѣкъ издаетъ радостное ворчаніе, и что-же я увидѣлъ на днѣ вырытой имъ ямки? Старый башмакъ, который онъ отрылъ. Ахъ, несчастная чепуха!

Я прыгнулъ на него. Ага, держу тебя, негодяй!.. Чортъ возьми, онъ обернулся, отталкиваетъ меня, но я его не выпущу... Странно... До чего онъ неловко управляется со своими руками... Ай, ты кусаться, идіотъ!..

Я сжимаю его, такъ что чуть не душу. Видно, что онъ никогда не боролся. Но все же я еще не побѣдилъ... удасться-ли?.. Неловкій шагъ: это я попалъ въ ямку... я наступилъ на старый башмакъ. Какой ужасъ—въ башмакѣ что-то есть, что привязываетъ его къ землѣ... Я задыхаюсь... Что можетъ больше напоминать ногу, какъ не башмакъ?..

Надо покончить съ этимъ. Каждая минута промедленія можетъ стоить мнѣ жизни.

Обхвативъ другъ друга руками, мы стоимъ, упершись оъ скалу, лицомъ другъ къ другу, оба задыхающіеся, оба одинаково сильные... Идея: я широко раскрываю глаза и придаю имъ приказывающее выраженіе, точно собираюсь импонировать ребенку, или укротить звѣря. Тотъ немедленно ослабѣваетъ, выпускаетъ меня изъ рукъ и... даже лижетъ мнѣ руки въ знакъ по- виновенія... какая гадость!..

— Ну, идемъ!

Я тащу его. Башмакъ—съ резинкамм по бокамъ— торчитъ носкомъ кверху. Онъ не похожъ на несчастный истрепанный башмакъ, брошенный на большой дорогѣ. Но тѣмъ больше отвращенія онъ внушаетъ. Его продолженіе, прикрѣпляющее его къ землѣ, мало видно. Виденъ только кусочекъ трико. Можетъ быть это носокъ?. Сумасшедшій тоже оглядывается посмотрѣть на него.

— Ну, бѣгомъ, другъ мой.

Мой спутникъ повинуется, благодаря волшебнымъ взглядамъ, и мы бѣжимъ во всю мочь.

Создатель! Что произошло въ замкѣ во время нашего отсутствія?

Да, ничего!

Но, когда мы входили въ прихожую, я услышалъ, что въ верхнемъ этажѣ разговаривала Эмма съ Варварой. Онѣ начинали спускаться съ лѣстницы въ тотъ моментъ, когда знаменитая дверь зала, закрывшись за нами, успокоила мою тревогу и возбудила новую въ моей душѣ.

Какимъ путемъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, заперевъ помѣшаннаго, выбраться такъ, чтобы ни та, ни другая женщина меня не замѣтили?

Вернувшись на цыпочкахъ къ дверямъ зала, я прислушался, приложивъ ухо къ створкѣ, чтобы понять, въ какую сторону онѣ направятся. Но вдругъ я сталъ отступать, пятясь отъ двери, ища убѣжища, ширмы, куда-бы спрятаться... дѣлая руками движенія утопающаго... еле сдерживаясь, чтобы не закричать во весь голосъ...

Въ замокъ двери пробовали всунуть ключъ.

Мой ключъ? Оставленный мною въ дверяхъ и похищенный во время моего отсутствія? Ничуть не бывало, мой ключъ былъ при мнѣ, въ карманѣ моего пиджака, куда я спряталъ его, войдя въ зало въ первый разъ.

Значить?

Ручка темно-зеленой бронзы медленно поворачивалась. Кто-то сейчасъ войдетъ?.. Кто же? Нѣмцы? Лернъ?

Эмма!

Эмма, которая увидѣла пустую комнату. Возможно, что одна изъ широкихъ шелковыхъ портьеръ шевелилась,—шевелилась отъ мелкой дрожи. Но Эмма этого не видала.

Сзади нея стояла Варвара. Молодая женщина говорила ей въ полголоса:

— Оставайся здѣсь и слѣди за заломъ. Поступай такъ же, какъ и въ прошлый разъ; такъ было хорошо! Какъ только старикъ выйдетъ изъ лабораторіи, дай мнѣ знать, кашлянувъ.

— Я вовсе не его боюсь,—отвѣтила Варвара испуганнымъ голосомъ,—я увѣрена, что сейчасъ онъ совершенно спокоенъ и не можетъ придти; до вечера мы его не увидимъ. Но, Николай,—это птица совсѣмъ другого сорта; можете себѣ представить картину, если онъ пожалуетъ!..

Значить, сѣрыя зданія назывались лабораторіей. Вотъ, за какое слово профессоръ угостилъ служанку пощечиной. Мои познанія все расширялись...

Эмма перебила ее нетерпѣливо:

— Повторяю тебѣ: нѣтъ никакой опасности. Ну, послушай, развѣ это въ первый разъ?

— Да, конечно, но тогда не было Николая!

— Ну, довольно! Дѣлай, что тебѣ велятъ!

Не особенно довольная, Варвара отравилась сторожить.

Эмма постояла нѣсколько минутъ неподвижно, прислушиваясь. Хороша! О, хороша, какъ Вампиръ Сладострастія! А, вѣдь, она представлялась только силуэтомъ

на яркомъ прямоугольникѣ открытой двери, тѣнь безъ движенія... но гибкой, какъ само движеніе.

Потому что всегда казалось, что Эмма остановилась во время пляски, и, по непонятному колдовству, казалось даже, что, неподвижная, она продолжаетъ ее, до того гармониченъ былъ ея видъ; она блистала гармоніей сладострастныхъ баядерокъ, которыя умѣютъ танцовать только танецъ любви, всѣ па, всѣ движенія которыхъ, повороты, малѣйшіе жесты говорятъ только о наслажденіи любви...

Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ. Меня охватило страшное волненіе, вся кровь прилила къ мозгу. Эмма у сумасшедшаго!.. Все это блаженство станетъ добычей этого скота... Я готовъ былъ убить ее на мѣстѣ...

Вы говорите, что я ничего не зналъ, что я дѣлалъ ни на чемъ не основанныя предположенія? Вы, значитъ, не знаете эту странную походку, этотъ хитрый и, въ то же время, жадный блескъ глазъ, который является у женщинъ, пробирающихся потихоньку къ своему любовнику... Посмотрите, она двинулась впередъ. Ну, что-же?. Развѣ надо было дважды посмотрѣть на нее, чтобы угадать, куда и зачѣмъ она шла?.. Вѣдь, весь ея видъ кричалъ объ этомъ! Все обличало въ ней радость надежды и болѣзненную необходимость, что уже само по себѣ является наслажденіемъ!.. Но я не хочу ни описывать это дьявольское тѣло, ни переводить неприличный языкъ его движеній. Не ждите отъ меня, что я стану рисовать портретъ женщины, стремящейся къ своему любовнику изъ чисто животнаго чувства. Потому что— мнѣ мерзко писать объ этомъ!—именно такой она и была. Бываютъ минуты такого остраго воспріятія, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ какого-нибудь захватывающаго его цѣликомъ видѣнія, или ощущенія, превращается весь въ зрѣніе, или слухъ. Такъ, напримѣръ, тотъ, кто слышитъ какую-нибудь необыкновенную музыку, превращается цѣликомъ въ слухъ, слушаетъ и глазами, и ртомъ, и носомъ, словомъ, всѣмъ своимъ существомъ. Такъ и эта влюб-

ленная женщина олицетворяла собой ни что иное, какъ блистающій счастьемъ полъ—саму Афродиту.

И это довело меня до бѣшенства!

Красавица, торопясь къ своему гнусному любовнику, задѣла юбкой за портьеру, сзади которой я спрятался.

Я загородилъ ей дорогу.

Она вскрикнула въ страшномъ испугѣ. Мнѣ казалось, что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ. Влетѣла Варвара, съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ и... моментально испарилась. Тогда я, по глупости, выдалъ причину своего поступка:

— Зачѣмъ вы идете туда, къ сумасшедшему?— Мой голосъ звучалъ глухо и свирѣпо и прерывался на каждомъ словѣ.—Говорите? Зачѣмъ? Да, скажите-же, ради Бога?

Я бросился на нее и выворачивалъ ей руки. Она тихо застонала, все ея очаровательное тѣло волнообразно колыhalось. Я сжималъ теплыя и упругія руки, точно хотѣлъ задушить двухъ голубковъ и, впившись глазами въ ея расширенные отъ страха зрачки, все повторялъ:

— Зачѣмъ? Да, говори-же! Зачѣмъ?

Надо-же было, чтобы я былъ такимъ наивнымъ. Услышавъ, что я обращаюсь къ ней на «ты», она подняла голову, смѣрила меня глазами съ головы до ногъ и бросила мнѣ, какъ вызовъ:

— Ну, такъ что? Вы же прекрасно знаете, что Макъ Белль былъ моимъ любовникомъ! Лернъ достаточно ясно намекалъ на это въ моемъ присутствіи въ день вашего пріѣзда...

— Сумасшедшій!—это Макъ Белль?

Эмма не отвѣтила мнѣ, но ея удивленный видъ показалъ мнѣ, что я сдѣлалъ новую ошибку, открывъ ей мое невѣжество на этотъ счетъ.

— Что же, развѣ я не имѣю больше права любить его? сказала она.—Не рассчитываете-ли «вы» запретить мнѣ это?

Я размахивалъ ея руками.

— Ты все еще его любишь?

— Больше, чѣмъ когда-либо, слышите—«вы»!

— Да, вѣдь, онъ превратился въ безсмысленное животное.

— Есть сумасшедшіе, которые считают себя Богомъ; Макъ Белль, по временамъ, думаетъ, что онъ собака; можетъ быть его сумасшествіе поэтому такъ спокойно. Да, кромѣ того!..

Она таинственно улыбнулась. Можно было поклясться, что она задалась цѣлью вывести меня изъ себя. Ея улыбка и ея неоконченная фраза нарисовали мнѣ ужасную картину.

Ахъ, проклятая!..

Я обхватилъ ее, чтобы задушить, выкрикивая ей ругательства прямо въ лицо. Она могла считать себя погибшей и, все-таки, полузадушенная, продолжала улыбаться... Это надо мной издѣвался не тотъ ротъ, который жадно цѣловалъ, сколько хотѣлъ, а другой; все мое бѣшенство обрушилось на него. Я отучу его улыбаться, онъ станетъ краснѣе и влажнѣе отъ другого, а не отъ поцѣлуевъ... Моими челюстями овладѣло безумное желаніе кусать... Я былъ хуже сумасшедшаго теперь... Всякія сумасбродства сдѣлались мнѣ понятными. Я бросился на насмѣшливо улыбавшіяся губы, которыя скоро будутъ окровавленными и разодранными, не такъ-ли?.. Да, какъ же!.. Мы стукнулись зубами, и это превратилось въ поцѣлуй,—такимъ должно быть былъ первый поцѣлуй у первобытныхъ людей въ пещерѣ, или болоттой хижинѣ, примитивный и грубый, скорѣе борьба, чѣмъ ласка, но все же поцѣлуй.

Потомъ сладострастная ласка разжала мои зубы, и продолженіе этого дикаго поцѣлуя было до того изысканно, что доказало присутствіе въ моей партнершѣ не только природнаго расположенія къ разврату, но и большую опытность,

Эти объятія подсказали намъ и повлекли за собой другія. Но, на сегодня мы должны были ограничиться са-

мымъ вульгарнымъ изъ нихъ; стоитъ-ли говорить о тихомъ звонѣ, который издають пружины стараго дивана отъ паденія двухъ тѣлъ.

Прибѣжала Варвара страшно несвоевременно, и въ то же время во-время. Она кашляла такъ, что душа разрывалась на части.

— Баринъ идетъ!

Эмма вырвалась изъ моихъ объятій. Она снова подпала подъ власть Лерна.

— Уходите! Торопитесь!—почти кричала она.—Если онъ узнаетъ, вы погибли... и я, вѣроятно, тоже на этотъ разъ... Да, уходите же!.. Бѣги, мой маленькій, маленькій волчонокъ: Лернъ на все способенъ.

И я почувствовалъ, что она говоритъ правду, потому что ея милыя руки вдругъ похолодѣли и затрепетали въ моихъ, и губы ея, къ которымъ я прижималъ свои въ прощальномъ поцѣлуѣ, дрожали отъ страха.

Страшно возбужденный неожиданной удачей, которая удесятирила мою силу, быстроту и ловкость, я быстро взобрался на бесѣдку и соскочилъ съ другой стороны стѣны.

Я нашелъ свой автомобиль въ его гаражѣ изъ зелени и побросалъ въ него свои пакеты, какъ попало. Я былъ идиотски счастливъ. Эмма будетъ моей! Ахъ, какая любовница!.. Женщина, которая не колебалась передъ тѣмъ, чтобы утѣшить своими посѣщеніями сдѣлавшагося отвратительнымъ друга... Но теперь я былъ ея избранникомъ, въ этомъ я не сомнѣвался. Любить этого Макъ Белля? Чушь! Вздоръ! Она нарочно солгала, чтобы вывести меня изъ себя. Она просто чувствовала къ нему жалость...

Кстати, какимъ образомъ шотландецъ сошелъ съ ума? И почему Лернъ скрывалъ это?.. Мой дядя увѣрялъ меня, что онъ уѣхалъ... Потомъ, зачѣмъ держать взаперти его собаку?.. Бѣдная Нелли! Теперь мнѣ стало понятно ея страданіе у окна, и ея злоба къ профессору: драма, столкнувшая Эмму, Лерна и Макъ Белля, послѣ того, какъ профессоръ накрылъ ихъ, вѣроятно, на мѣстѣ преступленія,

произошла на глазахъ Нелли. Какая драма? Скоро я узнаю, въ чемъ дѣло: отъ любовника не должно быть секретовъ, а я скоро сдѣлаюсь имъ. Прекрасно! Все устраивалось великолѣпно!

Моя радость проявляется, обыкновенно, въ пѣснѣ. Если я не ошибаюсь, я мурлыкалъ подъ носъ сегодилью, веселый мотивъ которой вдругъ оборвался при воспоминаніи о старомъ башмакѣ, который внезапно вынырнулъ въ моей памяти, какъ маска красной смерти на балу.

Мое настроеніе сразу упало. Въ моемъ мозгу зашло солнце: все потемнѣло, сдѣлалось подозрительнымъ, угрожающимъ; овладѣвшее мною мрачное настроеніе заставило меня принять за увѣренность зловѣщія предположенія, и даже образъ пылкой Эммы не могъ разсѣять ихъ погребальнаго мрака. Я вѣхалъ въ этотъ садъ-могилу и замокъ—домъ сумасшедшихъ, гдѣ меня ожидала царица порока между сумасшедшимъ и трупомъ,—погруженный въ бездну страха передъ неизвѣстнымъ.

VI. СЕНЬ-БЕРНАРЪ НЕЛЛИ.

Нѣсколько дней прошло безъ всякихъ происшествій. Ничто не удовлетворяло ни моей любви, ни моего любопытства. Лернъ—можетъ быть, у него возникли подозрѣнія—устраивался такъ, что все мое время было занято.

Каждое утро онъ просилъ меня сопровождать его то пѣшкомъ, то на автомобилѣ. Во время прогулокъ онъ занимался тѣмъ, что обсуждалъ какую-нибудь научную тему, задавая мнѣ попутно цѣлый рядъ вопросовъ, точно онъ, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ провѣрить и уяснить себѣ мои способности. Мы совершали долгія круговыя прогулки на автомобилѣ. Пѣшкомъ дядя всегда направлялся по дорогѣ, ведущей прямо въ Грей; въ пылу спора онъ то и дѣло останавливался, но никогда не переступалъ опушки лѣса. Сплошь и рядомъ, въ серединѣ оживленнаго спора, иногда

въ самомъ началѣ прогулки, или поѣздки, Лернъ внезапно рѣшалъ вернуться домой, не довѣряя тѣмъ, кого онъ оставлялъ въ Фонвалѣ.

Онъ же распредѣлялъ мое время послѣ завтрака.

То онъ снабжалъ меня порученіемъ въ деревню, или городъ, то заставлялъ меня продѣлать въ одиночествѣ определенную экскурсію; приходилось безъ разговоровъ и возраженій садиться на машину, или одѣвать дорожные сапоги. Лернъ присутствовалъ при моемъ отъѣздѣ, или уходѣ, а вечеромъ поджидалъ меня на порогѣ дома и требовалъ подробнаго отчета въ моемъ времяпрепровожденіи. Смотри по обстоятельствамъ, приходилось отдавать отчетъ въ исполненномъ порученіи, или описывать посѣщенные мною мѣстности. Конечно, дядюшка самъ не видѣлъ большей части тѣхъ мѣстъ, которыя онъ поручалъ мнѣ осмотрѣть и описать, но такъ какъ я не могъ угадать, какія онъ знаетъ, то при такихъ условіяхъ рискнуть выдуманымъ описаніемъ было опасно.

А потому, я добросовѣстно посѣщалъ все, что мнѣ было предписано, и проводилъ внѣ дома цѣлые дни.

А какъ мнѣ хотѣлось быть поближе къ комнатѣ Эммы! По числу открытыхъ и закрытыхъ оконъ я, зная топографію замка во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, вычислилъ, гдѣ она должна находиться. Все лѣвое крыло было всегда закрыто. Что касается праваго крыла, то повседневная жизнь использовала весь его нижній этажъ; изъ шести комнатъ верхняго этажа только три были открыты: моя—въ выдающейся впередъ пристройкѣ, и на другомъ концѣ—комната тети Лидивины, выходящая въ центральный корридоръ и соприкасающаяся съ ней комната Лерна. Значитъ, Эмма могла занимать только мѣсто тетушки или въ своей собственной кровати, или раздѣлять ее съ Лерномъ. Послѣдняя гипотеза выводила меня изъ себя, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, такъ какъ хотѣлъ провѣрить ее. Мнѣ достаточно было бы пяти

минуть: подняться по главной лѣстницѣ, открыть дверь, и я зналъ бы какого мнѣнія быть по этому поводу.

Подчиняясь его безжалостной тираніи, я встрѣчался съ м-ль Бурдише только за столомъ. Мы оба прикидывались совершенно чужими другъ другу. Я набрался храбрости смотрѣть на нее, но разговаривать съ ней не смѣлъ. Она упорно не произносила ни слова, такъ что, за невозможностью судить о ней по разговору, мнѣ пришлось разбираться въ ней по ея внѣшности и поведенію. И, долженъ признаться, какъ ни грубъ людской обычай питаться мертвыми животными и увядшими растеніями, все же есть различныя манеры насыщаться... Эмма охотно брала котлетку прямо въ руки, и всякій разъ, когда это съ ней случалось, мнѣ казалось, что я слышу, какъ она говоритъ своимъ вульгарнымъ голосомъ: «мой маленькій волчонокъ»! Но, скажите пожалуйста, какое отношеніе имѣетъ вѣжливость къ разврату и что общаго между поведеніемъ за столомъ и въ альковѣ?

Сидя между мной и Эммой, Лернъ волновался. Онъ все время крошилъ хлѣбъ и нервно трогалъ приборъ. Ему случалось, въ припадкѣ глухого непонятнаго гнѣва, молча стучать кулакомъ по столу, отчего звенѣли стаканы и тарелки.

Однажды, нечаянно, безъ всякаго умысла, я задѣлъ его подъ столомъ ногой. Докторъ заподозрилъ мою невинную ногу въ легкомысленныхъ планахъ, приписалъ ей наклонности телеграфа и, убѣжденный, что случайно накрылъ своей ногой какой-то хитрый ножной мадригалъ, немедленно рѣшилъ, что м-ль Бурдише плохо себя чувствуетъ и, начиная съ этого дня, будетъ кушать у себя въ комнатѣ.

Тутъ моимъ мозгомъ овладѣли сразу двѣ страсти подъ впечатлѣніемъ двойной потребности вызвать у другихъ лицъ страданіе и удовольствіе: ненависть къ Лерну и любовь къ Эммѣ. И я рѣшилъ пойти на самые рискованные шаги, чтобы удовлетворить оба чувства.

Какъ разъ, въ тотъ же самый день, дядя сказалъ мнѣ внезапно, безъ какихъ бы то ни было предварительныхъ разговоровъ, что онъ собирается взять меня съ собой завтра въ Нантель, гдѣ у него есть дѣла.

У меня промелькнула надежда избавиться отъ его надзора. Завтра—воскресенье; Грей праздновалъ свой годовой праздникъ: я сумѣю этимъ воспользоваться.

— Съ удовольствіемъ, дядюшка,— отвѣтилъ я.— Мы выѣдемъ пораньше, на случай возможной въ пути задержки изъ-за какого-нибудь несчастнаго случая.

— Я предпочелъ-бы доѣхать на автомобилъ только до Грея, а оттуда поѣхать въ Нантель по желѣзной дорогѣ... Все-таки такъ вѣрнѣе...

Это мнѣ было еще больше на руку.

— Хорошо, дядюшка, будь по вашему.

— Поѣздъ уходитъ въ Грей въ 8 часовъ утра. Мы вернемся съ поѣздомъ въ 5 часовъ, четырнадцать; раньше поѣзда нѣтъ.

Подъѣзжая къ деревнѣ, мы издали слышали гулъ, который временами покрывался мычаньемъ. Заржала лошадь, вблизи блѣяли овцы.

Мнѣ съ трудомъ удалось пробраться черезъ площадь Грей-л'Аббей, превращенную уже въ ярмарку, на которой кишѣла спокойная и медленно передвигающаяся толпа.

Въ промежуткахъ между будками для стрѣльбы въ цѣль и другими нищенскими лавченками, размѣстили скоть для продажи: тутъ мозолистыя руки взвѣшивали вымя, обнажали десна, чтобы по зубамъ узнать возрастъ, ощупывали мышцы, чтобы судить о крѣпости ихъ; на глазахъ у всѣхъ, нисколько не смущаясь, молодая дѣвушка провѣряла полъ кролика, зажавъ его между колѣнъ; барышники вращали и хвастались; между двухъ рядовъ покорныхъ крестьянъ, конюхи проѣзжали грузныхъ першероновъ и тяжелыхъ булонскихъ лошадей; ружейные выстрѣлы смѣшивались съ другими звуками. Первый напившійся въ этотъ день покачивался и мѣшалъ мнѣ проѣхать, называя меня «граждани-

номъ». Мы медленно пробирались впередъ. Въ центрѣ полумолчаливаго Арденскаго рынка, въ гостинницѣ, уже пѣли, но не горланили еще; колокола церкви уже начали свой перезвонъ, призывая прихожанъ къ молитвѣ, а построенная на площади бѣлая, убранная листьями, эстрада, ясно указывала на то, что праздникъ не обойдется безъ доморощенной музыки доморощенного оркестра.

Мы передъ вокзаломъ. Это былъ какъ разъ тотъ моментъ, который я назначилъ себѣ для начала моего активнаго выступленія.

— Дядюшка, скажите, придется ли мнѣ сопутствовать вамъ во всѣхъ вашихъ странствованіяхъ по Нантелю?

— Конечно, нѣтъ. А, что?

— Въ такомъ случаѣ, дядюшка, такъ какъ я питаю отвращеніе къ кафе, ресторанамъ и кабачкамъ, я попрошу васъ разрѣшить мнѣ подождать васъ здѣсь гдѣ я могу провести время съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и въ кафе въ Нантелѣ.

— Но, кто-же тебя заставляетъ?..

— Во-первыхъ, меня соблазняетъ Грейскій праздникъ. Мнѣ хотѣлось-бы подольше понаблюдать это сборище: здѣсь ярко обрисовываются нравы цѣлой расы, дядюшка, а сегодня я чувствую въ себѣ душу этнолога...

— Ты издѣваешься, или это причуда...

— Во-вторыхъ, дядюшка, кому мы можемъ поручить присмотръ за нашимъ автомобилемъ? Не хозяину-ли гостиницы? Или еле держащемуся на ногахъ содержателю кабака, переполненного пьяными мужиками? Надѣюсь, вы не думаете, что я оставлю на девять часовъ автомобиль, стоящій двадцать пять тысячъ франковъ, предоставленнымъ на потѣху пьяной деревнѣ. О, нѣтъ! Я хочу имѣть возможность самому присмотрѣть за машиной!

Дядя не былъ вполне убѣжденъ въ моей искренности. Онъ рѣшилъ разстроить маленькое предательство, которое он имѣлъ въ виду сдѣлать: вернуться въ его отсутствіе въ Фонваль на автомобилѣ, или на взятомъ на прокатъ

велосипедѣ съ тѣмъ, чтобы вернуться въ Грей къ пяти часамъ 14 минутъ. Въ сущности, это и была та хитрость, которую я придумалъ. Проклятый ученый чуть не испортилъ всего.

— Ты правъ,—сказалъ онъ чрезвычайно холодно.

Онъ слѣзъ и, не обращая никакого вниманія на окружающую насъ толпу празднично разодѣтыхъ путешественниковъ, поднялъ крышку мотора и внимательно осмотрѣлъ его. Я почувствовалъ себя нехорошо.

Дядюшка вынулъ свой ножъ, отвинтилъ карбюраторъ и положилъ къ себѣ въ карманъ нѣкоторые изъ его составныхъ частей. Въ то же время онъ говорилъ мнѣ:

— Вотъ твоя коляска и лишена возможности передвиженія! Но такъ какъ ты можешь улизнуть другимъ путемъ, то я назначу тебѣ работу. Къ моему возвращенію ты долженъ будешь представить мнѣ карбюраторъ, пополненный недостающими частями твоей собственной работы. Кузница не закрыта; но кузнецъ несмышленный малый и едва ли сможетъ тебѣ быть полезнымъ. Тутъ есть, чѣмъ тебѣ заняться до моего возвращенія...

Видя, что я не протестую, онъ добавилъ немного стѣсненнымъ тономъ:

— Прости мени, Николай, и повѣрь мнѣ, что все это дѣлается съ единственной цѣлью принести тебѣ-же пользу въ будущемъ, скрывая тайну нашихъ работъ... Прощай!..

Поѣздъ унезъ его.

Я спокойно смотрѣлъ на то, что онъ дѣлалъ, не высказывая неудовольствія и не испытывая досады. Я не важный шофферъ, и терпѣть не могу, когда мои руки перепачканы въ маслѣ и расцарапаны, а такъ какъ, по желанію дяди, я лишенъ былъ возможности держать помощника («пріѣзжай одинъ»), то я привезъ съ собой цѣлый рядъ запасныхъ частей; среди нихъ у меня былъ и новый, совершенно цѣлый карбюраторъ, который можно было сразу пустить въ ходъ. Моя лѣнь сослужила мнѣ большую службу, чѣмъ ловкость профессионала.

Я немедленно принялся за работу, волнуясь при мысли, что обитатели Фонваля предоставлены самимъ себѣ.

Немного времени спустя, запрятавъ автомобиль въ густой лѣсокъ, я снова перелѣзалъ черезъ стѣну парка.

Я, несомнѣнно, направился бы сразу въ комнату Эммы, если-бы со стороны сѣрыхъ зданій не раздавался заунывный жалобный лай.

...Лабораторія!.. Нелли!.. Странность того, что лабораторія служила тюрьмой для собаки, заставила меня колебаться между стремленіемъ открыть тайну и желаніемъ обладать Эммой. Но на этотъ разъ какое-то инстинктивное предчувствіе опасности взяло верхъ: я направился къ сѣрымъ зданіямъ. Да, кромѣ того, нѣмцы, навѣрное, были тамъ, и ихъ присутствіе не дастъ мнѣ возможности застрять тамъ на долго. Слѣдовательно, рѣчь шла всего о нѣсколькихъ минутахъ, которыя будутъ похищены у любви: хотя и побѣдилъ разсудокъ, но какая это была слабая побѣда!

Пробираясь мимо желтой комнаты, я остановился и прислушался у закрытыхъ ставенъ—одинъ-ли онъ?

Оказалось, что одинъ; мое сердце наполнилось чувствомъ безграничной и некрасивой радости.

По небу бѣжали бѣлыя облака. Вѣтеръ дулъ изъ Грей, и по ущелью до меня доносились обрывки монотоннаго колокольнаго звона. Колокола безъ устали непрерывно повторяли три одинаковыхъ ноты; мнѣ было весело; я насвистывалъ какой-то мотивъ, самъ не знаю какой... Право, отсутствіе Лерна освобождало отъ какой-то постоянной принужденности: можно было думать о всякой чуши, и мозгъ предавался самымъ необузданнымъ отклоненіямъ...

Напротивъ лабораторіи, черезъ дорогу, находился лѣсокъ. Чтобы добраться до него, я осторожно лавировалъ: тамъ я разставилъ свои батареи. Посреди этого лѣска росъ мой старый другъ—большая сосна; ея широкія вѣтви были расположены винтообразной лѣстницей; она была выше всехъ окружающихъ строеній: трудно было найти лучшій и

болѣе доступный обсервационный пунктъ. Въ дни дѣтства я игралъ на ея вѣтвяхъ въ «матроса на реяхъ»...

Дерево сохранило свои густыя вѣтви и я полѣзъ наверхъ. На верхнихъ вѣтвяхъ меня ждалъ сюрпризъ: сохранившаяся съ дѣтства, полусгнившая и обмотанная веревками, перекладина, изображавшая марсъ. Кто мог бы предсказать мнѣ, когда я открывалъ, сидя на ней, материки и архипелаги,—столько похожихъ на правду выдумокъ,—что наступитъ день, когда я буду здѣсь на часахъ, чтобы открыть сказочныя вещи, которыя окажутся правдой.

Я раздвинулъ вѣтви и сталъ смотрѣть.

Какъ я уже разсказалъ, лабораторія помѣщалась въ двухъ зданіяхъ, раздѣленныхъ дворомъ.

Лѣвое зданіе состояло изъ двухъ этажей. Въ обоихъ были одинаковыя широкія окна, одинаково расположенныя. Мнѣ показалось что тамъ помѣщались два, расположенныхъ одно надъ другимъ, зала. Мнѣ видно было только верхнее, довольно сложно меблированное: аптекарскій шкафъ, мраморные столы, заставленные баллонами, стеклянками, ретортами и хирургическими наборами изъ полированного блестящаго метелла. Кромѣ того, тамъ стояли два, трудно поддающіеся описанію, аппарата изъ стекла и никкелированного металла, видъ которыхъ ничего не напоминалъ, развѣ только очень отдаленно и туманно металлическіе шары на одной ножкѣ, куда лакеи въ ресторанахъ прячутъ грязныя салфетки.

Второе зданіе было слишкомъ далеко отъ меня для того, чтобы я могъ въ него заглянуть, но по внѣшности было похоже на обыкновенный домъ—повидимому, квартиру трехъ помощниковъ.

Но все мое вниманіе было привлечено дворомъ, который я въ день своего пріѣзда принялъ за птичій дворъ.

Печальный дворъ: всѣ стѣны его были уставлены клѣтками различныхъ размѣровъ, установленныхъ другъ на друга отъ земли до высоты человѣческаго роста. Каждая клѣтка была снабжена надписью, и въ нихъ были размѣ-

щены кролики, морскія свинки, крысы, кошки и другія животныя, которыхъ я, за дальностью разстоянія, не могъ разобрать; одни изъ нихъ грустно шевелились, другія лежали неподвижно, наполовину забившись въ солому. На одной изъ подстилокъ что-то трепетало, но я не могъ разглядѣть, въ чемъ дѣло, почему и рѣшилъ, что это гнѣздо мышей.

Послѣдняя клѣтка, направо, служила курятникомъ. Противъ обыкновенія, всѣ птицы были туда загнаны.

Все это было молчаливо и меланхолично.

Но все-же, четыре курицы и одинъ пѣтухъ, самой обыкновенной породы, вели болѣе оживленный, чѣмъ остальные, образъ жизни, и важно похаживали, поклеывая бетонный полъ, на которомъ они упорно и тщетно искали зеренъ и червей.

По срединѣ двора было отгорожено рѣшеткой четырехъ-угольное пространство: это была псарня. Передъ своими будками собаки прогуливались съ покорнымъ видомъ, вдоль и поперекъ, какъ эти философы умѣютъ это дѣлать: тутъ были ужасные разночинцы пуделя, трубачи браконьеровъ, любимыя собаки швейцаровъ, собачьи выродки и помѣси ищеекъ, словомъ, свора собаченокъ, ни къ чему больше не годныхъ, какъ къ вѣрности. Итакъ, онѣ мирно прогуливались, и окончательно придавали этому двору видъ внутренняго двора ветеринарнаго госпиталя.

Тутъ обстоятельства принимаютъ мрачный оттѣнокъ.

Дѣйствительно, рѣдкое изъ всѣхъ этихъ животныхъ производило впечатлѣніе здороваго. Большая часть имѣла повязки, кто на спинѣ, кто вокругъ шеи противъ затылка, а, главнымъ образомъ, на головѣ. И сквозь рѣшетки темницъ не видно было ни одного, у котораго не было бы сдѣлано изъ полотна шапки, чепчика или тюрбана. Процессія грустныхъ собакъ, въ шутовскихъ бѣлыхъ колпакахъ, напоминавшихъ туареговъ или монахинь, съ досочкой, привязанной къ шеѣ, представляла собой какой-то похоронный маскарадъ. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти несчастныя собаки были награждены какимъ-нибудь увѣчьемъ.

Одна кивала мордочкой на каждомъ шагу; другая хромала; третья трясла головой, какъ при старческомъ маразмѣ; одна неизвѣстно почему спотыкавшаяся дворняжка, жалобно стонала и вдругъ продолжительно завывала, точно передъ покойникомъ, какъ говорятъ люди...

Нелли тамъ не было.

Въ темномъ углу я замѣтилъ темный безмолвный птичникъ, въ которомъ никто не леталъ. На сколько я могъ разглядѣть, птицы принадлежали къ самымъ ординарнымъ породамъ и, главнымъ образомъ, тамъ кишѣли воробьи. Тѣмъ не менѣе, большая часть принадлежала къ разновидности съ бѣлыми головами; слабость моихъ орнитологическихъ познаній мѣшала мнѣ опредѣлить ихъ породу на такомъ разстояніи.

Занахъ фенола былъ слышенъ даже тамъ, гдѣ я находился.

Ахъ, великолѣпные помѣщичьи дворы, на которыхъ пахнетъ теплымъ навозомъ, слышно воркованіе голубей на покрытыхъ мохомъ черепичныхъ крышахъ, кукурику важныхъ пѣтуховъ, тявканье собаки, привязанной цѣпью къ своей будкѣ, видны эскадроны гусей, которые мчатся, распустивъ крылья, сами не зная куда,— о васъ я думалъ, глядя на эту больницу... Дѣйствительно—печальный дворъ, внушающій отвращеніе своей дисциплиной и своими больными, съ привязанными къ нимъ этикетками, какъ у растений въ оранжереѣ.

Вдругъ поднялась возня и шумъ: собаки забились въ свои будки, а птицы спрятались подъ каменный жолобъ. Прекратилось всякое движеніе; казалось, что въ птичникѣ и клѣткахъ находятся чучела набитыхъ соломой животныхъ и птицъ. Изъ лѣваго флигеля вышелъ Карлъ—нѣмецъ съ императорскими усами.

Онъ открылъ одну изъ клѣтокъ, протянулъ руку къ свернувшемуся въ глубинѣ ея клубку шерсти и вытащилъ обезьяну. Шимпанзе отчаянно отбивался и защищался, но

помощникъ усмирилъ его, потащилъ за собой и исчезъ въ ту же дверь, изъ которой вышелъ.

На дворѣ протяжно завывала дворняжка.

Тогда поднялась суматоха въ залѣ съ аппаратами, и я увидѣлъ, что въ нее вошли три дядиныхъ помощника. Связанную обезьяну положили на узкій столъ и крѣпко-накрѣпко привязали къ нему, послѣ чего Вильгельмъ сунулъ ей что-то подъ носъ. Карлъ сдѣлалъ ей уколъ въ бокъ шприцомъ для морфія. Послѣ этого приблизился высокій старикъ—Іоаннъ. Онъ укрѣпилъ на носу свои золотые очки, взялъ операціонный ножъ и нагнулся надъ паціентомъ. Я не могу объяснить быстроты операціи, но въ одинъ моментъ лицо обезьяны обратилось въ безформенную красную массу.

Я отвернулся изъ-за охватившаго меня чувства тошнотворнаго головокруженія: такъ дѣйствуетъ на меня видъ крови.

Оказывается, что здѣсь, въ моемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, находится лабораторія для вивисекцій, это внушающее ужасъ и отвращеніе учрежденіе, въ которомъ для филантропическихъ цѣлей мучаютъ славныхъ животныхъ, вполне здоровыхъ и полныхъ жизни, чтобы рискнуть вылечить еще пару хворыхъ людишекъ. Здѣсь наука присваиваетъ себѣ подлежащее оспариванію право, которое, если принять во вниманіе проливаемую кровь, повидимому, невозможно оправдать. Потому что, если палачъ морской свинки безусловно увѣренъ, что онъ подвергаетъ мученіямъ невинное и, вѣроятно, счастливое существо, то спасающій отъ смерти человѣка въ десяти случаяхъ изъ двѣнадцати продолжаетъ существованіе негодяя или несчастнаго. По правдѣ сказать, быть обязаннымъ своею жизнью вивисекціи—равносильно тому, чтобы питаться живыми существами. Можно быть другого мнѣнія, рассуждая въ кабинетѣ у камина, но не находясь въ критическомъ положеніи, подобномъ моему, присутствуя при этой омерзительной операціи, будучи окруженнымъ тайными опасно-

стями, которыя, быть можетъ, способствовали этому преступленію.

Не смотря на то, что эта операція, вѣроятно, мно- точно силы воли, чтобы заставить себя смотрѣть дольше. Мой взглядъ не въ силахъ былъ оторваться отъ ствола дерева и карабкающагося по нему красненькаго съ черными точечками на спинкѣ насѣкомаго.

Наконецъ, я заставилъ себя обернуться. Слишкомъ поздно! Отраженіе солнца въ стеклахъ оконъ было такъ сильно, что не давало возможности разглядѣть, что дѣлается внутри комнаты.

А на дворѣ собаки снова выползли изъ своихъ будокъ и, между ними, теперь прогуливалась собака Донифана Макъ Белля, Нелли. Она кашляла. Ея коротко остриженная шкура ни чѣмъ не наноминала теперь густой шерсти сенъ-бернаровъ. Великолѣпная собака превратилась въ тощій одеръ, голодный видъ котораго производилъ еще болѣе странное впечатлѣніе рядомъ съ его откормленными товарищами. На затылкѣ Нелли тоже находилась повязка. Что ей устроилъ Лернъ, чтобы заставить ее мучиться съ той ночи, когда у нихъ произошла схватка? Что за дьявольскій опытъ онъ произвелъ надъ ней?..

Казалось, что собака размышляетъ объ этомъ самомъ, до того ея походка была уныла. Она держалась въ сторонѣ отъ остальныхъ собакъ и, когда какой-то ретивый бульдогъ, задравъ хвостъ, подбѣжалъ къ ней объясняться въ любви, она посмотрѣла на него такъ свирѣпо и такъ ужасно взывала, что тотъ отлетѣлъ, какъ ошпаренный, и забился въ свою будку, тогда какъ вся свора, какъ одинъ человѣкъ, подняла въ смущеніи свои замаскированныя головы.

Добродѣтельная Нелли продолжала свой путь.

Чего я здѣсь торчалъ? Не смотря на страстное желаніе укоротить свои изслѣдованія и поторопиться къ другому времяпрепровожденію, что-то меня удерживало... что-

то необъяснимое въ поведеніи собаки, чего я никакъ не могъ понять.

Въ этотъ моментъ я услышалъ мотивъ марша, донесшійся на крыльяхъ вѣтра изъ Фонваля. Мои пальцы машинально выстукивали мотивъ на вѣткѣ дерева, и я замѣтилъ, что Нелли ускорила свой шагъ и пошла въ тактъ музыки.

Я вспомнилъ, какъ Эмма рассказывала о собакѣ, что она умѣла продѣлывать всякія цирковыя штуки. Что же, это тоже была одна изъ цирковыхъ штукъ, которымъ Макъ Белль научилъ свою собаку?.. Я былъ увѣренъ, что въ отсутствіи дрессировщика, собака едва-ли можетъ продѣлывать такіе фокусы, и я сомнѣваюсь, чтобы слуховое впечатлѣніе могло вызвать у животнаго такія машинальныя движенія, которыя всегда были свойственны только намъ, и являются у насъ слѣдствіемъ болѣе сложныхъ привычекъ, чѣмъ инстинктъ.

Музыка прекратилась вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра... Собака сѣла, подняла глаза и... увидѣла меня... Ахъ, чортъ возьми, она залаетъ, подыметъ тревогу!.. Ничего подобнаго! Она смотрѣла на меня безъ страха, безъ гнѣва, но съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ... котораго я никогда въ жизни не забуду. Потомъ, опустивъ свою большую голову, она начала тихо, тихо стонать, дѣлая лапой какіе-то жесты. Затѣмъ, она снова стала бродить по двору, все время тихо ворча и посматривая на меня очень осторожно, точно хотѣла обратить мое вниманіе на что-то, не привлекая вниманія нѣмцевъ. (Само собой разумѣется, что это просто-на-просто описательный пріемъ, но, все-таки, можно было вообразить, что собака хотѣла что-то сказать, до того ея жалобный стонъ модулировалъ звуки, какъ слова; получалось впечатлѣніе длинной гортанной фразы, въ которой все время повторялось: «экбуаль, экбуаль». Все вмѣстѣ напоминало что-то въ родѣ плохо произносимаго англійскаго языка).

Появленіе трехъ помощниковъ на мѣстѣ дѣйствія прекратило это явленіе. Они шли черезъ дворъ, и всѣ собаки, во главѣ съ Нелли, запрятались. Вилъгельмъ, проходя мимо псарни, бросилъ туда сквозь рѣшетку кусокъ покрытаго кожей съ волосами мяса. Кусокъ тяжело шлепнулся: это была мертвая обезьяна. Нѣмцы вошли въ правый домъ, изъ трубы котораго вскорѣ появился дымокъ.

Тогда одна за другой собаки подошли и стали обнюхивать шимпанзе. Бульдогъ первый вонзилъ въ него зубы и тотчасъ-же началась свалка; слышно было только глухое и злобное ворчаніе дерущихся изъ-за пищи псовъ. Одна только Нелли лежала на порогѣ своей будки, положивъ голову на скрещенныя лапы, и смотрѣла на меня своими прекрасными глазами. Мнѣ показалось, что я открылъ причину ея худобы.

Послѣ этого, въ правомъ зданіи открылось окно; тамъ я увидѣлъ столъ, накрытый на три прибора. Дядины помощники собирались завтракать какъ разъ напротивъ моего дерева. Пора было убираться отсюда.

Тутъ я совершилъ непростительную оплошность. Мнѣ слѣдовало-бы, обязательно, отправиться разслѣдовать вопросъ о старомъ башмакѣ,—это ясно даже младенцу. А я уговорилъ себя, что сдѣлалъ громадныя уступки своему разуму, принявъ всевозможныя мѣры предосторожности; что старый башмакъ имѣетъ массу шансовъ для того, чтобы быть просто на просто старымъ башмакомъ, а вовсе не трупомъ, и даже незакопанной ногой; и, наконецъ, что для великодушнаго сердца прекрасная женщина должна быть важнѣе всякой чепухи и, вообще, всего на свѣтѣ.

И вотъ, обманывая самого себя всѣми этими разсужденіями, я направился въ замокъ.

Комната тети Лидивины служила мѣстомъ для всякаго хлама. Ее можно было принять за гардеробную комнату куртизанки. Нѣсколько ивовыхъ манекеновъ, одѣтыхъ въ

очень изящныя платья, представляли сборище кокетливыхъ женщинъ безъ головъ и безъ рукъ. Каминъ и столики были превращены въ выставки модистокъ; на нихъ лежали тѣ, сдѣланныя изъ перьевъ и лентъ, маленькія, или чрезмѣрно большія штуки, которыя превращаются въ шляпы только тогда, когда онѣ одѣты на голову. На полу стоялъ цѣлый батальонъ туфель и ботинокъ, одѣтыхъ на колодки. Повсюду валялась бездна женскихъ бездѣлушекъ. Воздухъ былъ пропитанъ тонкимъ и развратнымъ ароматомъ—ароматомъ Эммы.

Бѣдная моя, милая тетушка, я предпочелъ-бы, чтобы ваша комната была гораздо больше осквернена и чтобы м-ль Бурдише жила въ ней, чѣмъ слышать, какъ она смѣется въ сосѣдней—въ комнатѣ вашего мужа; потому что, благодаря этому, у меня рушились всѣ мои иллюзіи...

При моемъ появленіи Эмма и Варвара остолбѣнѣли отъ изумленія. Но молодая женщина сразу поняла, въ чемъ дѣло, и разсмѣялась

Она завтракала, лежа въ кровати. Однимъ движеніемъ руки она связала въ узелъ свои огневые волосы и сдѣлала себѣ прическу вакханки. Я увидѣлъ при этомъ движеніи всю ея руку сквозь широкій рукавъ; ея рубашка распахнулась, и она даже не подумала поправить ее.

Къ кровати былъ придвинутъ столъ, заставленный графинами и блюдами. Варвара, прислуживавшая своей хозяйкѣ, нарѣзала ломтики ветчины, розовой, какъ мраморъ. Моей первою мыслью было, что столъ и Варвара мнѣ здорово помѣшаютъ.

Я смотрѣлъ на эту бѣлоснѣжную грудь—вылѣпленную, казалось, изъ двойной ласки,—на которой тамъ, гдѣ начиналось кружево, намѣчалось розовое пятнышко.

— А Лернъ?—спросила Эмма.

Я успокоилъ ее: «Онъ не пріѣдетъ раньше пяти часовъ,—я отвѣчаю за это».

Послышалось ея веселое кудяхтанье, которое служило у нея признакомъ радости, а Варвара, въ приливѣ преданности, обрадовалась такъ шумно и демонстративно, что вся ея фигура приняла въ этомъ участіе и всѣ ея прелести радовались каждая отдѣльно и независимо отъ другихъ.

Было половина перваго. Въ нашемъ распоряженіи было около четырехъ часовъ. Я намекнулъ, что этого было очень мало... Но Эмма сказала:

— Давай позавтракаемъ! Хорошо? Мышенокъ!

Такъ какъ болѣе интереснымъ въ данный моментъ нельзя было заняться изъ-за стола и Варвары, то я усѣлся напротивъ нея.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Но поскорѣе, въ такомъ случаѣ!—отвѣтилъ я просительнымъ тономъ.

Она пила. Смутное выраженіе согласія было заглушено стаканомъ и приняло видъ смѣшного ворчанія; а взглядъ ея, надъ хрустальнымъ полукругомъ, принялъ насмѣшливый и дразняшій оттѣнокъ.

Она сама своими бѣлыми руками, съ накрашенными ногтями, накладывала мнѣ на тарелку кушанья.

Я не могъ ни говорить, ни ѣсть. Ничего не лѣзло въ ротъ, и я не могъ выговорить ни одного слова. Эросъ душилъ меня.

Эмма!.. Мы мѣрили другъ друга глазами. Въ ея взглядѣ было много обѣщаній и не мало ироніи. Она ѣла спаржу такъ, точно цѣловала кого-то. По временамъ, когда она нагибалась, то, что я видѣлъ, до того дѣйствовало на меня, что все мое существо трепетало и задыхалось отъ волненія.

— Эмма!..

Но она уже выпрямилась и сидѣла, смѣясь во все горло, почти голая, радуясь своєю красотѣ. точно громадному счастью, и никогда я не видалъ, чтобы инстинктивное сознаніе своей неотразимости выражалось такъ непосредственно и ярко.

Нѣтъ! Мнѣ окончательно не хотѣлось ѣсть: я не могъ проглотить ни кусочка; я рѣшилъ ограничиться тѣмъ, что стану наслаждаться видомъ Эммы, не настаивая больше ни на чемъ. Она ѣла, не торопясь, издѣваясь надо мною, какъ я думаю, съ опредѣленною цѣлью довести мою страсть до пароксизма.

Наслаждалась она ѣдой, какъ лакомка. До сихъ поръ мнѣ еще не удавалось такъ удобно рассмотреть ее. То, что она показывала въ этой теплой, надушенной комнатѣ, было, на мой взглядъ, удивительно совершенно и вызывало неотразимое желаніе познакомиться со всѣмъ остальнымъ. При болѣе интимныхъ сношеніяхъ, какъ говорятъ, скрытыя прелести, обыкновенно, соотвѣтствуютъ тому, что мы видимъ до нихъ; я развлекалъ себя тѣмъ, что, разбирая то, что вижу, рисовалъ себѣ то, что было скрыто отъ меня. У Эммы былъ небольшой, миленькій носикъ; ярко пунцовыя, полныя губы украшали небольшой узкій ротъ, который, даже молча,— молчаніе, полное содроганій, улыбокъ и выразительныхъ гримасокъ,—обѣщалъ многое...

Она потянулась. Батистъ рубашки обрисовалъ тонкую, гибкую талію и очаровательныя округлости...

Столъ ношатнулся отъ движенія, котораго я не могъ сдержать. Ягодка земляники упала въ чашку съ молокомъ.

— Убери все это и уходи, Варвара, — сказала Эмма.

Когда служанка ушла, она закуталась въ одѣяло, точно озябла. На лицѣ ея я прочелъ такое выраженіе, точно она узнала пріятную новость.

Я убѣжденъ, что даже самъ Эросъ помѣнялся-бы со мною своей безсмертностью въ обмѣнъ на ту минуту, которую я пережилъ послѣ этого.

Но Эмма оставалась неподвижной и безжизненной дольше, чѣмъ это случается обыкновенно. Ея застывшее въ неподвижности тѣло беспокоило меня своею блѣдностью, и мнѣ не удавалось разжать ей губы, чтобы влить въ ротъ каплю воды.

Я соби́рался звать на помощь, когда короткая судорога встряхнула ее. Она глубоко и тяжело вздохнула, въ тоже время открыла глаза и снова вздохнула, но уже со слабой ласковой улыбкой на устахъ... Казалось, что ея сознаніе бродить все еще гдѣ-то далеко; она смотрѣла на меня все еще откуда-то издали, съ дальнихъ береговъ Цитеры, откуда она возвращалась очень медленно.

Охваченный внезапнымъ припадкомъ цѣломудрія, я прикрылъ одѣяломъ ея совершенную наготу...

Эмма молча наворачивала на палецъ локонъ своей огневой шевелюры, Она приходила въ себя—она открыла ротъ, чтобы заговорить... снѣжная и огневая статуя сейчасъ оживится и закончитъ очаровательнымъ словомъ аккордъ очаровательнѣйшаго акта изъ актовъ..

И она произнесла:

— Разъ старина ничегошеньки не знаетъ, такъ какого-же чорта еще надо, не правда-ли, миленокъ?

VII. ТАКЪ ГОВОРИТЬ М-ЛЬ БУРДИШЕ.

... Эта фраза меня сильно озадачила.

Нѣсколькими мииутами раньше я бы даже не обратилъ на нее вниманія: съ одной стороны авторъ и безъ того совершилъ не мало вульгарныхъ вещей, съ другой я зналъ, на сколько мало обоснованъ былъ обнаруженный ею страхъ, чтобы дядя не узналъ о нашемъ поступкѣ... Но вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ, возвращается наклонность къ добродѣтели и хорошимъ манерамъ, приходятъ угрызенія совѣсти и волненія.

Но все-же, согласно ритуалу подобныхъ встрѣчъ, мы внимательно разглядывали другъ друга, разбираясь во взаимныхъ впечатлѣніяхъ. Наши фізіономіи вполнѣ отвѣчали тому, что вотъ уже тысячи лѣтъ, какъ повторяется: на ея лицѣ отражалась ни на чемъ не основанная благодарность; на моемъ можно было прочесть смѣшное и глупое

выраженіе гордости. Молчаніе моей, говорящей на арго, Киприды было чрезвычайно пріятно. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы оно продолжалось, какъ можно дольше. Но она нарушила его. Къ счастью, точно так же, какъ ряса часто одѣваетъ настоящаго монаха, содержаніе рѣчи можетъ исправить тонъ ея, поэтому, и ея выраженія приняли болѣе умѣренный и менѣе вульгарный оттѣнокъ, благодаря тому, что ей пришлось говорить о серьезныхъ вещахъ, которыя съ нѣкотораго времени и меня стали беспокоить. Она продолжала рѣчь на ту же тему:

— Видишь-ли, мой малышъ,—сказала она,—разъ мы уже дошли до этого, то, право, бесполезно стараться, чтобы это не повторялось. Но, умоляю тебя, будь благоразуменъ; надо избѣгать неосторожныхъ шаговъ. Ради Бога, будемъ встрѣчаться только тогда, когда не можетъ быть даже намека на опасность. Лернъ, видишь-ли... Лернъ... Ты даже не подозрѣвасшь того, что намъ можетъ грозить... что тебѣ угрожаетъ, главнымъ образомъ, тебѣ...

Я увидѣлъ, что она переживаетъ въ глубинѣ души трагическія сцены.

— Но какая опасность мнѣ можетъ угрожать?

— Вотъ, что хуже всего: я сама этого не знаю. Я абсолютно ничего не понимаю въ томъ, что происходитъ вокругъ меня, ничего, ничего... знаю только то, что Дони-фанъ Макъ Белль сдѣлался сумасшедшимъ, потому что я его любила... и что я тебя люблю тоже.

— Ну, послушай Эмма! Побольше хладнокровія. Вѣдь мы теперь союзники; вдвоемъ мы какъ-нибудь доберемся до истины. Когда ты пріѣхала въ Фонваль? И что произошло послѣ этого?

Тогда она рассказала мнѣ свои приключенія. Я воспроизвожу ея рассказъ насколько могу связнѣе, для болѣйшей ясности его, но, на самомъ дѣлѣ, это былъ, собственно говоря, діалогъ, во время котораго мои вопросы все время возвращали рассказчицу къ главной темѣ, такъ какъ она часто уклонялась въ сторону и любила останавливаться на

никому не нужныхъ и не интересныхъ подробностяхъ. Кромѣ того, нашъ разговоръ былъ услажденъ интермедіями, которыя нарушали его самымъ пріятнымъ образомъ—драма, прерываемая радостными пѣснями—и по этой, главнымъ образомъ, причинѣ я отказался отъ мысли передать его во всѣхъ подробностяхъ, чтобы избавить себя отъ воспоминаній о наслажденіяхъ, отъ которыхъ я на всегда отказался. Трудно нести послѣдовательную бесѣду съ неумѣренной любовницей, особенно, когда весь ея костюмъ заключается въ одѣялѣ, и если она обладаетъ странной способностью терять сознаніе и память всякій разъ, какъ напоминаешь ей о себѣ.

По временамъ, какой-нибудь крикъ, или шумъ, прерывалъ нашу бесѣду на полусловѣ, или поцѣлуѣ. Эмма вскакивала въ ужасѣ, вспомнивъ Лерна, да и я не могъ удержаться отъ трепета, видя ея безумный страхъ, потому что достаточно было-бы уха, или глаза, приложеннаго къ замочной скважинѣ, чтобы мрачный анекдотъ превратился для меня въ ужасную правду.

Волей-неволей, пришлось познакомиться съ происхожденіемъ и началомъ карьеры Эммы. Это не касается даннаго разсказа и вполнѣ опредѣляется фразой: «Какъ брошенный ребенокъ превратился въ потерянную женщину». Эмма, во время своей исповѣди, проявила искренность, которая у другой, менѣе непосредственной натуры, должна была бы быть названа цинизмомъ. Съ такой же откровенностью она продолжала свой разсказъ:

— Я познакомилась съ Лерномъ пять лѣтъ тому назадъ—мнѣ было пятнадцать лѣтъ—въ Нантелѣ, въ госпиталѣ. Я поступила къ нему на службу. Въ качествѣ сидѣлки? Нѣтъ! Я подралась съ подругой, съ Леони, изъ-за Альсида, моего мужчины. Ну, такъ что-же? Мнѣ нечего стыдиться этого. Онъ великолѣпенъ. Это великанъ. Тобой, мой малышъ, онъ могъ бы жонглировать. Мой поясъ былъ ему слишкомъ узокъ, даже, какъ браслетъ... Словомъ, я по-

лучила ударъ ножемъ, недурно нанесенный. Впрочемъ, суди самъ.

Она отбросила одѣяло и показала мнѣ трехугольный побѣлѣвшій рубецъ, въ паху,—след когтя этой отвратительной Леони.

— Да, да! Можешь поцѣловать его! Я чуть не умерла отъ этого. Твой дядя лечилъ меня и спасъ мнѣ жизнь, за это можно поручиться.

Въ то время твой дядюшка былъ славный малый и совсѣмъ не гордый. Онъ часто разговаривалъ со мной. Мнѣ это безумно льстило. Подумай только—главный хирургъ!.. И онъ хорошо говорилъ. Онъ читалъ мнѣ нотации на счетъ моего поведенія, точно проповѣди въ церкви: «ты вела дурную жизнь, надо перемѣниться, исправиться» и т. д... И все это онъ говорилъ не съ отвращеніемъ, а серьезно, и такъ убѣдительно, что мнѣ самой мой образъ жизни сталъ казаться отвратительнымъ, и я, на самомъ дѣлѣ, собиралась отказаться отъ кутежей и отъ Альсида... ну, самъ понимаешь, когда больна, то не до увлеченій, и кровь успокаивается...

Ну, вотъ, Лернъ и говоритъ мнѣ въ одинъ прекрасный день: «Ты здорова. Ты можешь идти, куда хочешь. Но только недостаточно принять рѣшеніе вести себя хорошо, надо умѣть сдержать свое слово. Хочешь поступить ко мнѣ? Ты сдѣлаешься бѣлошвейкой и будешь работать вдали отъ твоихъ старыхъ друзей-пріятелей, Но, знаешь, все должно быть по чести».

Меня это ошеломило. Я говорила сама себѣ: «ладно, рассказывай. Ты, просто, нарочно говоришь это, чтобы соблазнить меня. Какъ только я буду у тебя... прощай платоника. По твоимъ разговорамъ до сихъ поръ, я никогда не могла бы этого допустить, но, должно быть, святыхъ больше нѣтъ на свѣтѣ; развѣ предлагаютъ женщинѣ идти на содержаніе изъ любви къ искусству?..»

Но все-же доброта Лерна, его положеніе, слава, извѣстнаго рода шикъ... трудно объяснимый, все это увели-

чивало чувство моей благодарности, превращало его въ нѣчто въ родѣ привязанности; ты; понимаешь, что я хочу сказать, и я охотно приняла его предложеніе со всѣми послѣдствіями, въ которыхъ не сомнѣвалась.

Ну, такъ представь себѣ—я ошиблась. Оказывается, что святые все-таки существуютъ. Цѣлый годъ онъ меня пальцемъ не тронулъ.

Я поѣхала къ нему потихоньку отъ всѣхъ. Мысль о томъ, что Альсидъ можетъ меня найти, не давала мнѣ заснуть спокойно. «Не бойся,—сказалъ мнѣ Лернъ,—я больше не работаю въ госпиталѣ; я буду работать надъ открытіями. Мы будемъ жить въ замкѣ, и никто не станетъ разыскивать тебя здѣсь».

И въ самомъ дѣлѣ, онъ сразу привезъ меня сюда.

Ахъ, нужно было тогда видѣть замокъ и паркъ: садовники, прислуга, коляски, лошади... всего было вдоволь. Я была страшно счастлива.

Когда мы пріѣхали, рабочіе оканчивали постройку пистроекъ къ оранжереѣ и лабораторіи. Лернъ самъ наблюдалъ за всѣми работами. Онъ все время шутилъ и безъ устали повторялъ: «Вотъ хорошо будетъ здѣсь работать. Вотъ-то хорошо будетъ», такимъ-же тономъ, какъ школьники кричатъ: «Слава Богу, наконецъ-то каникулы»!

Привезли мебель для лабораторіи. Много туда втащили ящиковъ, и когда все было установлено, Лернъ какъ-то утромъ уѣхалъ въ Грей въ экипажѣ для перевозки мебели.

Аллея была тогда еще совершенно прямая. Я, какъ сегодня, вижу твоего дядю вмѣстѣ съ пятью спутниками и собакой, встрѣчать которыхъ онъ ѣздилъ на вокзалъ: Дони-фанъ Макъ Белль, Іоаннъ, Вильгельмъ, Карлъ, Отто Клоцъ—ты помнишь этотъ большой, черный, на карточкѣ—и Нелли. Шотландецъ присоединился къ нѣмцамъ въ Нанталѣ. Мнѣ кажется, до того онъ не былъ знакомъ съ ними.

Помощники должны были жить въ лабораторіи, а Макъ Беллю, такъ же какъ и доктору Клоцъ, отвели комнаты въ замкѣ.

Клоца я стала сразу бояться. А, между тѣмъ, онъ былъ красивый и сильный малый. Я не могла удержаться, чтобы не спросить у Лерна, откуда онъ выкопалъ этого каторжника. Мой вопросъ очень его насмѣшилъ: «Успокойся,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—тебѣ повсюду мерещатся сообщники господина Альенда. Профессоръ Клоцъ пріѣхалъ сюда изъ Германіи. Это очень уважаемый и почтенный ученый. Это не помощникъ, а сотрудникъ, главное предназначеніе котораго, контролировать работу своихъ соотечественниковъ»...

— Простите, Эмма,—сказалъ я, перебивая ее, говориль-ли мой дядя въ это время по-нѣмецки и по-англійски?

— На сколько мнѣ помнится, чуть-чуть. Онъ ежедневно упражнялся въ этомъ, но безъ особенныхъ успѣховъ. Онъ началъ говорить на этихъ языкахъ бѣгло, ни съ того, ни съ сего, сразу, около года спустя, послѣ пріѣзда этихъ господъ. Впрочемъ, помощники и тогда знали нѣсколько французскихъ словъ. Клоцъ зналъ больше, даже и по-англійски немного говорилъ. Ну, а что касается Макъ Белля, то онъ, кромѣ своего родного языка, ни на какомъ другомъ не говорилъ и не понималъ ничего. Лернъ мнѣ рассказывалъ, что очень неохотно согласился принять его въ Фонваль, да и то только по настоятельной просьбѣ его отца, которому непремѣнно хотѣлось, чтобы молодой студентъ позанимался нѣкоторое время подъ руководствомъ Лерна.

— Въ какой комнатѣ вы тогда жили, Эмма?

— О, рядомъ съ бѣльевой. Далеко отъ комнатъ Макъ Белля и Клоца,—добавила она съ улыбкой.

— А какъ они относились другъ къ другу, всѣ эти люди?

— На видъ они казались добрыми друзьями. Были-ли они искренни? Я не думаю этого, и ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что съ самаго начала четверо нѣмцевъ не

взлюбили Макъ Белля. Я замѣтила нѣсколько косыхъ взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, Донифану нечего было бояться ихъ непріязни, такъ какъ онъ занимался не съ ними въ лабораторіи, а въ замкѣ и оранжереѣ. Впрочемъ, въ началѣ онъ былъ занятъ, главнымъ образомъ, изученіемъ французскаго языка по книжкамъ... Мы часто встрѣчались, потому что мнѣ приходилось много разъ за день проходить по всѣмъ комнатамъ замка. Онъ былъ предупредителенъ, почтителенъ, конечно, все знаками, и я вынуждена была быть любезной...

Мнѣ кажется, нѣтъ, я увѣрена, что изъ-за этого и возникла скрытая антипатія между нимъ и Клоцомъ. Я скоро замѣтила это: если они оба прекрасно скрывали свои чувства другъ къ другу, то Нелли, не способная къ притворству, никогда не упускала случая порычать на нѣмца; и на мой взглядъ, это было однимъ изъ наименьшихъ доказательствъ того, что въ воздухѣ чувствовалась гроза. Но твой дядя ничего не видѣлъ, и я не смѣла нарушать его покой своими жалобами, да еще неосновательными. Я не смѣла... а съ другой стороны, это соперничество вовсе не было мнѣ непріятно. Несмотря на всѣ данныя мною Лерну обѣщанія жить скромно, ревнивое тяготѣніе обоихъ соперниковъ ко мнѣ, въ концѣ-концовъ, дѣйствовало и на меня возбуждающимъ образомъ, и я никакъ не могла сообразить, какова будетъ развязка, какъ вдругъ наша участь перемѣнилась.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы тамъ жили. Значить, это произошло четыре года тому назадъ...

— Ахъ—не могъ я сдержать внезапнаго крика.

— Что съ тобой?

— Ничего, не обращай вниманія. Продолжай.

— И такъ, четыре года тому назадъ, Макъ Белль уѣхалъ въ Шотландію, чтобы провести нѣсколько недѣль отпуска у своихъ родителей. На слѣдующій день, послѣ его отъѣзда, Лернъ покинулъ меня, сказавъ: «Я ѣду въ Нантель съ Клоцомъ, и проведу тамъ весь день».

Вечеромъ Клоцъ вернулся одинъ. Я спросила у него, гдѣ Лернъ. Онъ отвѣтилъ, что профессоръ получилъ важныя свѣдѣнія, потребовавшія его поѣздки за границу, и что онъ пробудетъ въ отсутствіи дней двадцать. «А, гдѣ же онъ?»—спросила я снова. Клоцъ отвѣтилъ не сразу: «Онъ въ Германіи. Мы будемъ здѣсь пока одни, Эмма». Онъ безцеремоино обнялъ меня за талію и пристально заглянулъ мнѣ въ глаза...

Я не могла объяснить себѣ поведенія Лерна, который, заботясь о моей добродѣтели, бросилъ меня, не предупредивъ, на произволъ иностранца. «Ну, скажите, нравлюсь-ли я вамъ?»—спрашивалъ меня Клоцъ, крѣпко прижавъ меня къ себѣ, нисколько не стѣсняясь.

Я уже тебѣ сказала, Николай, что онъ былъ большой и сильный. Я почувствовала тиски его мускуловъ и почувствовала себя, противъ своей воли, взятой въ плѣнъ. «Ну, слушай же, Эмма, будемъ любить другъ друга, не откладывая этого въ долгій ящикъ, потому что скоро я васъ покину навсегда, и вы меня больше никогда не увидите».

Я не трусиха. Говоря между нами, я даже была знакома съ лаской рукъ, которыя только-что убили; я испытала страсть, похожую на убійство; мои первые любовники любили меня, точно рѣзали меня на куски... они были тяжелы на руку и не стѣснялись со мной: въ ихъ глазахъ я была жертвой; не знаешь, чего испытываешь больше: страха, или удовольствія. Это непріятно. Но, все это пустяки. Ночь, проведенная съ Клоцомъ— страшная ночь. Это было сплошное насиліе. Я навсегда сохраню воспоминаніе объ этомъ ужасѣ и усталости.

Проснулась я довольно поздно. Его уже не было въ комнатѣ, и я никогда больше не видала его съ тѣхъ поръ.

Прошло три недѣли. Твой дядя не писалъ, и его отсутствіе все еще продолжалось.

Вернулся онъ совершенно неожиданно. Я даже не видѣла, какъ онъ пріѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, какъ только вернулся, сразу же отправился въ лабораторію. Я

увидѣла его, когда онъ выходилъ изъ нея въ полдень. Его блѣдность огорчила меня. Казалось, что на его плечи свалилась большая тяжесть, и онъ сгорбился. Онъ медленно передвигался, точно шелъ сзади похоронной процессіи. Что онъ узналъ? Что онъ сдѣлалъ? Что за переворотъ произошелъ съ нимъ?

Я потихоньку стала его выпрашивать. Онъ говорилъ съ трудомъ, подбирая слова, съ акцентомъ той страны, изъ которой вернулся. «Эмма,—сказалъ онъ,— я надѣюсь, что ты меня любишь?»—«Вы же знаете, мой дорогой благодѣтель, что и предана намъ душою и тѣломъ». «Меня интересуешь только тѣло. Чувствуешь-ли ты себя способной любить меня... по настоящему?.. О,— добавилъ онъ насмѣшливо,—я знаю, я не молодъ, конечно, но...»

Что ему было отвѣтить? Я сама не знала. Лернъ нахмурилъ брови. «Хорошо,—отрѣзалъ онъ,—съ сегодняшняго вечера моя комната будетъ твоею».

Я тебѣ должна признаться, Николай, что такой порядокъ вещей показался мнѣ болѣе естественнымъ. Но я и не подозрѣвала, что Фредерикъ Лернъ можетъ быть такимъ подозрительнымъ и вспыльчивымъ, какимъ онъ вернулся. Онъ сжалъ мнѣ руки до боли, глаза его сверкали страннымъ блескомъ, и онъ сталъ кричать во все горло: «Теперь, довольно смѣяться! Довольно шутокъ и всякихъ штукъ! Я прекрасно знаю, что здѣсь происходило. Я видѣлъ, какъ эти подлипалы приставали къ тебѣ. Но ты теперь принадлежишь исключительно мнѣ. Я освободился отъ Клоца. А что касается Донифана Макъ Белля, то берегись! Если онъ будетъ продолжать въ такомъ же духѣ, не завидую ему. Берегись»!

Потомъ Лернъ отказалъ всей прислугѣ и нанялъ, вмѣсто всѣхъ, одну Варвару. Затѣмъ придумалъ и устроилъ лабиринтъ.

Въ заранѣе назначенный день, Макъ Белль, ошеломленный тѣмъ, что лѣсъ былъ перевернутъ вверхъ ногами, вернулся, въ свою очередь, въ замокъ въ сопровожденіи

своей собаки. Лернъ пришелъ къ нему, когда онъ еще и сундуковъ не разобралъ, и довершилъ его изумленіе, устроивъ ему жесточайшую сцену, съ такими жестами и такимъ недоброжелательнымъ выраженіемъ лица, что у Нелли шерсть встала дыбомъ и она зарычала, оскаливъ зубы.

Что должно было быть, то и случилось. Изъ уваженія къ возрасту и положенію Лерна, мы, навѣрное, не осквернили-бы его дома, какъ говорится. Но тутъ шла рѣчь о томъ, чтобы отомстить злобному старику, тирану—мы это сдѣлали.

А профессоръ съ каждымъ днемъ становился раздражительнѣе и все менѣе выносилъ какія-либо возраженія. Онъ все время находился въ невѣроятно повышенномъ, возбужденномъ состояніи, никуда не выходилъ, работалъ безъ передышки; можетъ быть, онъ и былъ гениемъ, но что онъ не былъ нормаленъ это не подлежитъ сомнѣнію. Какія доказательства? Ну, хотя бы то, что онъ терялъ память. Онъ забылъ безчисленное число вещей и часто спрашивалъ меня о своемъ собственномъ прошломъ, сохранивъ точныя воспоминанія только въ томъ, что касалось науки.

Да, пришелъ конецъ веселью! И моему счастью съ нимъ тоже пришелъ конецъ. За всякую мелочь, пустякъ Лернъ ругалъ меня безъ конца; при первомъ подозрѣніи онъ меня избилъ. Я не отрицаю, что не въ претензіи ни за ругань, ни за побои, но только въ томъ случаѣ, если ругаютъ до слезъ, а бьютъ до крови, если ругаетъ и бьетъ меня любимый человѣкъ, если кулаки его могучи и, при случаѣ, сумѣли бы добить до конца. Я заявила своему хилому сокровищу, что съ меня довольно одиночества и нищеты: «Я хочу уѣхать»,—сказала я ему. Ахъ, малышъ, если бы ты видѣлъ, что тутъ произошло. Онъ ползалъ за мной на колѣняхъ и цѣловалъ мои ноги. «Какъ, не можетъ быть! Эмма, останься! Умоляю тебя! Подожди!.. Подожди еще только два года. Потомъ мы уѣдемъ отсюда вмѣстѣ, и я окружу тебя царской роскошью; я буду богатъ, очень бо-

гать... Потерпи... Я знаю, ты не создана для того, чтобы вѣчно торчать здѣсь, какъ въ монастырѣ. Но, повѣрь мнѣ, я на пути къ грандіозному богатству—и все это для тебя...

Подумай, тебѣ придется провести только два года въ скромной мѣщанской обстановкѣ, чтобы потомъ всю жизнь вести образъ жизни императрицы»...

Я была ослѣплена и осталась въ Фонвалѣ.

Но годы проходили за годами, срокъ давно прошелъ, а роскоши все еще не было. Но я все-таки ждала, зная довѣріе Лерна къ самому себѣ и своей геніальности. «Не падай духомъ, говорилъ онъ мнѣ,—мы приближаемся къ цѣли. Все сбудется, какъ я предсказалъ: у насъ будутъ миллиарды»... И чтобы разсѣять мое скверное настроеніе и наполнить мои досуги, онъ сталъ выписывать для меня изъ Парижа модныя платья, шляпы и всякія бездѣлушки по нѣскольку разъ въ годъ: «Научись наряжаться, повторяй свою роль и готовься къ будущему»...

Такъ я прожила три года между Лерномъ и Макъ Беллемъ: одинъ велъ себя со мной грубо, оскорблялъ меня, потомъ обожалъ, какъ Мадонну, наряжалъ, какъ куколку, а другой—ловилъ меня украдкой, то тамъ, то тутъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, кушеткой или ковромъ.

Тутъ твой дядя предпринялъ большое путешествіе. Онъ былъ въ отсутствіи въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; на этотъ же срокъ онъ отправилъ Макъ Белля въ отпускъ къ родителямъ.

Вернулись они въ одинъ и тотъ же день. Мнѣ кажется, что они условились встрѣтиться въ Дьеппѣ.

Лернъ вернулся мрачный, разстроенный: «Надо еще подождать, Эмма».—«Въ чемъ дѣло? Развѣ что-нибудь не идетъ на ладъ?»—«Говорятъ, что мои изобрѣтенія не достаточно усовершенствованы... Но бояться нечего, я добьюсь того, къ чему стремлюсь».

Онъ съ новой силой принялся за свои лабораторные опыты.

Снова я перебилъ рассказъ Эммы:

— Виновать,—сказаль я,—а Макъ Белль, работаль-ли онъ въ это время въ лабораторіи?

— Никогда! Лернъ поручаль ему веденіе работъ въ оранжереѣ, въ которой онъ его запираль, мой другъ. Бѣдный Донифанъ! Какъ было бы для него хорошо, если бы онъ не вернулся сюда. Только ради меня онъ и вернулся изъ Шотландіи. Онъ объяснилъ мнѣ это на своемъ ломаномъ языкѣ: «Для васъ, для васъ». Больше онъ ничего не умѣлъ сказать. Для меня? Боже мой! Чѣмъ онъ сталъ для меня нѣсколько недѣль спустя?!..

Послушай, вотъ гдѣ начинается сумасшествіе.

Зима. Идетъ снѣгъ. Послѣ затрака. Лернъ дремлетъ въ креслѣ въ маленькомъ залѣ около столовой; во всякомъ случаѣ, онъ дѣлаетъ видъ, что дремлетъ. Донифанъ бросаетъ на меня выразительный взглядъ. Дѣлая видъ, что онъ, забавы ради, идетъ прогуляться по снѣгу, онъ выходитъ въ прихожую. Слышно, какъ онъ что-то насвистываетъ на дворѣ. Онъ удаляется. Я иду въ столовую, точно для того, чтобы помочь горничной убрать со стола. Черезъ нѣсколько секундъ ко мнѣ присоединяется Донифанъ, вошедшій черезъ дверь, которая находится противъ входа въ маленькое зало; дверь въ зало осталась открытой, чтобы намъ слышно было малѣйшее движеніе Лерна. Я бросаюсь къ нему на шею, онъ обвиваетъ меня руками. Молчаливый по-цѣлуй...

Вдругъ Донифанъ позеленѣлъ. Я слѣжу по направленію его взгляда... Надъ ручкой двери, ведущей въ маленькое зало, прикрѣплена стеклянная пластинка, знаешь, для того, чтобы на двери не оставалось слѣдовъ отъ захвата пальцевъ,—и в глубинѣ этого темнаго зеркала я вижу глаза Лерна, которые неотступно наблюдаютъ за нами.

Вотъ онъ уже бросился на насъ... У меня ноги подкашкваются. Макъ Белль маленькаго роста. Лернъ подмьялъ его подъ себя. Тотъ отбивается. Кровь течетъ. Твой дядюшка озвѣрѣлъ—онъ пускаетъ въ ходъ ноги, ногти, зу-

бы... Я кричу, тащу его за платье... Вдруг онъ поднимается на ноги. Макъ Белль въ обморокъ. Тогда Лернъ разражается дикимъ хохотомъ, взваливаетъ его на плечи и уноситъ его по направленію къ лабораторіи. Я продолжаю кричать, и тутъ мнѣ приходитъ въ голову позвать собаку: «Нелли, Нелли»... Собака прибѣжала, я ей показываю на удаляющуюся группу, и она бросается вслѣдъ за нею въ тотъ моментъ, когда Лернъ исчезаетъ со своей ношей за деревьями. Она тоже исчезаетъ. Я прислушиваюсь, слышу лай Нелли. И вдругъ все смолкаетъ—слышно только шуршаніе падающаго за окномъ снѣга.

Лернъ оттащаль меня за волосы. Но послѣ этого ему пришлось цѣлыми днями клясться и уговаривать меня, и нужна была вся сила моей вѣры въ его слова и надежда на блестящее будущее, чтобы я не сбѣжала при первой возможности.

А онъ убѣдившись во очію, что я не была ему вѣрна, полюбилъ меня еще жарче.

...Безконечные дни...

Я почти не смѣла надѣяться, что Макъ Белля постигла та же участь, что Клоца: изгнаніе. Ни онъ, ни его собака не появлялись больше. Наконецъ, профессоръ попросилъ меня велѣть приготовить желтую комнату для шотландца. «Значитъ, онъ живъ»?—необдуманно спросила я.—«На половину,—отвѣтилъ Лернъ,—онъ сошелъ съ ума. Сначала онъ считалъ себя Богомъ, потомъ Лондонской башней; теперь онъ воображаетъ, что онъ собака, завтра, вѣроятно, онъ выдумаетъ что-нибудь новое».—«Что вы съ нимъ сдѣлали такое»?—«Милая моя,—воскликнулъ профессоръ,—съ нимъ ничего не сдѣлали. Запомни хорошенько мои слова и прикуси язычекъ, если, кромѣ вздора, онъ ничего молоть не можетъ. Когда я унесъ Макъ Белля послѣ нашей драки въ столовой, я сдѣлалъ это, чтобы полечить его—вѣдь ты сама видѣла, что онъ былъ въ обморокъ. При паденіи онъ сильно расшибъ себѣ голову; вотъ

происхожденіе его раны и сумасшествія. Вотъ и все. Поняла?»

Я замолчала, хотя была убѣждена, что если твой дядюшка не прикончилъ Дониѳана, то только изъ боязни отвѣтственности передъ его семьей и передъ судомъ.

Въ тотъ же день они привели его въ замокъ. Голова его была вся въ повязкахъ.. Онъ меня не узналъ...

Но я все же продолжала его любить и навѣщала его потихоньку.

Онъ быстро выздоровѣлъ, но изъ-за того, что его держали взаперти, онъ сильно потолстѣлъ. Между Макъ Беллемъ на фотографической карточкѣ и Макъ Беллемъ желтой комнаты осталось такъ мало сходства, что тебѣ даже и въ голову не пришло бы, что это одинъ и тотъ же человѣкъ...

— Эмма,—проговорилъ я чуть слышно, возможно-ли, что ты ласкала этого идіота?

— Развѣ любятъ только за умъ? Наоборотъ, я даже читала въ какомъ-то романѣ, что Мессалина, бывшая императрицей и страстной женщиной, терпѣть не могла поэтовъ. Макъ Белль...

— Ахъ, замолчи, ради Бога!

— Дурень, — сказала она,—вѣдь теперь ты мой возлюбленный, только ты...

— Подлежитъ большому сомнѣнію,—подумалъ я.—Ну, скажи, а относительно Клоца, ты ничего не знаешь? Что съ нимъ сдѣлалъ дядя? Ты говорила объ изгнаніи...

Я все время была убѣждена, что онъ его выгналъ. Его поведеніе передъ отъѣздомъ и поведеніе Лерна, когда онъ вернулся изъ Германіи, убѣдили меня въ этомъ.

— А у него была семья?

— Мнѣ кажется, что онъ сирота и холостъ.

— А сколько времени Макъ Белль пробылъ въ лабораторіи?

— Около трехъ недѣль... мѣсяцъ.

— А его волосы были такого же бѣлокурого цвѣта до происшедшей съ нимъ перемѣны?—спросилъ я, вернувшись къ своему первоначальному предположенію.

— Ну, конечно. Что тебѣ за мысли приходятъ въ голову?

— А что сдѣлалъ съ Нелли?

— На слѣдующій день послѣ драки, я слышала, какъ она испускаетъ раздирающіе стоны, повидимому, изъ-за того, что ее разлучили съ хозяиномъ. По словамъ твоего дяди, она теперь находится въ псарнѣ вмѣстѣ съ другими собаками: «на своемъ настоящемъ мѣстѣ»,— добавилъ Лернъ. Ей удалось вырваться оттуда только какъ-то недавно ночью. Можетъ быть, ты слышалъ это. Бѣдная Нелли, какъ она скоро разыскала Макъ Белля... Часто случается, что она воетъ по цѣлымъ ночамъ. Не весело ей теперь живетъ...

— Скажи же мнѣ,—спросилъ я,—каково твое мнѣніе, какіе выводы ты дѣлаешь изъ всего этого? Что тутъ такъ тщательно скрываютъ? Гдѣ правда? Допускаешь-ли ты возможность сумасшествія, какъ послѣдствіе паденія и ушиба?

— А почему я знаю? Все можетъ быть. Но я догадываюсь, что въ лабораторіи продѣлываются такія отвратительныя вещи, при видѣ которыхъ можно сойти съ ума. Донифана туда никогда не пускали. Можетъ быть, онъ увидѣлъ тамъ что-нибудь до того омерзительное...

Я вспомнилъ о шимпанзе и объ ужасномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня его смертью. Эмма могла быть права. Исторія съ обезьянкой подтверждала ея гипотезу. Но, можетъ быть, вмѣсто того, чтобы искать разгадку каждой тайны въ отдѣльности, правильнѣе было бы перенестись за четыре года тому назадъ, вернуться къ тому критическому времени, когда скопилось столько странныхъ происшествій? Не вѣрнѣе-ли было изслѣдовать то загадочное время, когда сразу захлопнулось столько дверей, чтобы найти одинъ общій ключъ для всѣхъ вмѣстѣ?

Изъ-подъ стеганнаго одѣяла высунулась маленькая бѣлая, розовая ножка и блеснула, какъ драгоценность на шелкѣ футляра.

— Чертъ возьми, милая барышня, неужели вы пользуетесь для ходьбы этой маленькой очаровательной штучкой съ полированными и покрашенными, какъ японскіе кораллы, ногтями? Эта живая и боящаяся щекотки игрушка, пугающаяся кончика усовъ?.. Какая неосторожность!..

Маленькая ножка вернулась въ свое большое саше. Но, какъ ни мила, какъ ни быстра, какъ ни очаровательна была эта ножка, она по закону противорѣчія напомнила мнѣ о другой: о той ногѣ, которая торчала на лужайкѣ—я былъ убѣжденъ теперь, что тамъ былъ кто-то зарытъ, на этомъ проклятомъ кладбищѣ—на этой свѣтлой лужайкѣ.

И вдругъ мнѣ показалось, что я нахожусь въ потемкахъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ меня подстерегаетъ опасность, или западня.

— Эмма! А что, если мы убѣжимъ?

Она отрицательно помотала своей взлохмаченной головой.

— Мнѣ это уже предлагалъ и Дониѳанъ... Нѣтъ! Лернѣ обѣщалъ меня озолотить. Кромѣ того, въ день твоего приѣзда, онъ поклялся мнѣ, что убьетъ меня, если я его обману, или сбѣгу. Давно уже я знаю, что онъ можетъ сдержать свое первое обѣщаніе, а съ нѣкотораго времени я чувствую, что онъ способенъ сдержать и второе...

— Дѣйствительно, Эмма, когда онъ насъ представлялъ другъ другу, я прочелъ въ твоихъ глазахъ безумный страхъ смерти.

— ...А, кромѣ того,—продолжала она,—мы можемъ скрыть нашу любовь, но не можемъ утаить бѣгство. Нѣтъ, нѣтъ! Останемся здѣсь, и будемъ смотрѣть въ оба. Будемъ осторожны, но не будемъ терять времени даром!

А такъ какъ времени было немного, то мы имъ и воспользовались.

Быль пятый часъ, когда я покидалъ мою нѣнасытную любовницу, чтобы направиться обратно въ Грей-л' Аббей. Эмма не могла проститься со мной: мурлыкая и потягиваясь, какъ кошечка, она лѣниво и медленно возвращалась къ дѣйствительной жизни изъ страны любовныхъ грезъ.

VIII. БЕЗРАЗСУДСТВО.

Я помчался въ Грей во всю прыть. Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Развеселившаяся толпа преслѣдовала меня насмѣшками и ругательствами.

На вокзальныхъ часахъ было пять часовъ. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы приготовиться къ дядиному осмотру. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ легче попалъ въ тѣ сѣти, которыя онъ самъ мнѣ разставилъ, требуя отъ меня изготовленія составной части, бывшей у меня въ запасѣ въ цѣломъ видѣ. Нарядившись въ синюю блузу механика, замазавъ лицо и руки, вытащивъ изъ ящика инструменты и перерывъ въ нихъ все, я вынулъ слегка новый карбюраторъ, ударивъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ молоткомъ и перепачкавъ его саломъ.

Нѣсколько царанинъ пилкой, проведенныхъ гдѣ попало, окончательно придали ему грубый и неотесанный видъ вещи, только-что вышедшей изъ кузницы.

Поѣздъ пришелъ.

Когда Лернъ прикоснулся къ моему плечу, я былъ занятъ притворными усиліями привинтить ввинченный и находившійся на мѣстѣ болтъ.

— Николай!

Я обернулся, и дядя могъ увидѣть передъ собой лицо угольщика, которому я придалъ наиболѣе угрюмое выраженіе, какое только могъ.

— Я сейчасъ кончу,—пробормоталъ я.—Нечего сказать, замѣчательно остроумную штуку вы придумали!.. Заставлять меня работать въ пустую!

— Ну, что же, можно на немъ ѣхать?

— Да! Я только-что пробовалъ! Вы видите, что моторъ теплый!

— Хочешь поставить на мѣсто тѣ части, что я увезъ?

— Сохраните ихъ на память объ этомъ, хорошо проведенномъ, днѣ, дядюшка... Ну, садитесь на мѣсто! Съ меня довольно торчатъ здѣсь...

Фредрикъ Лернъ выглядѣлъ разстроеннымъ.

— Ну, не злись, Николай!

— Я и не злюсь, дядюшка!

— У меня есть свои уважительныя причины; вѣдь, ты самъ понимаешь? Позже... я тебѣ объясню...

— Какъ вамъ будетъ угодно. Но если бы вы меня лучше знали, то меньше скрывали бы отъ меня... Впрочемъ, ваше сегодняшнее поведеніе вполнѣ отвѣчаетъ заключенному нами условію. Я былъ бы не правъ, если бы сталъ жаловаться.

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Разъ ты на меня не сердишься, все въ порядкѣ? Ты, повидимому, правильно смотришь на вещи.

Очевидно, Лернъ предполагалъ, что обидѣлъ меня, и боялся, чтобы я, выведенный его поступкомъ изъ себя, не рѣшился уѣхать изъ Фонваля и не сообщилъ бы кому слѣдуетъ, что въ Фонвалѣ происходитъ что-то ненормальное, даже не будучи въ состояніи разоблачить, въ чемъ дѣло. Говоря по правдѣ, присутствіе въ его домѣ чужого, который имѣлъ возможность удрать въ любое время, должно было служить причиной постоянного безпокойства для дяди. Мнѣ казалось, что, будь я на его мѣстѣ, и будь я вынужденъ принять у себя посторонняго изъ-за родственныхъ отношеній, я предпочелъ бы сдѣлать его, какъ можно скорѣе, своимъ сообщникомъ, чтобы тѣмъ самымъ принудить его къ молчанію.

— А, въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ поручиться, — думалъ я, — что дядюшка уже не подумалъ объ этомъ? Пройдетъ долгій, мучительный для него періодъ анализа моего

характера и полицейскаго наблюденія за мной, до того неопредѣленнаго—а, можетъ быть, и воображаемаго срока, когда онъ рѣшится посвятить меня въ свою тайну. Не пойти-ли мнѣ на встрѣчу его планѣмъ? Можетъ быть, онъ съ радостью поторопится открыть мнѣ все и принять меня въ число своихъ учениковъ, и его тайна объединить учителя и ученика въ одномъ и томъ же заговорѣ?..

Я не вижу, почему бы ему быть недовольнымъ моими авансами; потому что, въ обоихъ случаяхъ, говоритъ-ли онъ искренно или нѣтъ, утверждая, что привлечетъ меня къ участию при осуществленіи своего большого предпріятія, у него только два выхода: или мой отъѣздъ, угрожающій непріятными послѣдствіями въ случаѣ моего доноса, или мое сообщничество.

Но Эмма и тайна удерживаютъ меня въ замкѣ. Значить, я не уѣду.

Слѣдовательно, остается только мое притворное сообщничество, которое обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что дастъ мнѣ возможность скорѣе открыть тайну; а кто-же, если не Лернъ, можетъ помочь мнѣ въ этомъ отношеніи, разъ Эмма ничего не знаетъ, а всякая, открытая мною, тайна, открываетъ впереди другую, непонятную мнѣ?

Если бы дядюшка былъ прозорливымъ дипломатомъ, то, конечно, не медлилъ бы съ разоблаченіями.

Можетъ быть, онъ къ этому и стремится? Но какъ заставить его поторопиться?..

Я думаю, надо ему намекнуть, что его секреты не испугаютъ меня, даже въ томъ случаѣ, если они преступнаго характера. Слѣдовательно, надо притвориться человѣкомъ рѣшительнаго характера, котораго не пугаетъ близость преступленія и который не способенъ къ доносу, потому что, при случаѣ, самъ не отказался бы отъ него. Да! Это такъ! Великолѣпно! Но гдѣ найти проступокъ, на который Лернъ былъ бы способенъ и о которомъ я могъ бы сказать, что онъ вполнѣ естественъ, вполнѣ понятенъ, и что я самъ,

при первой возможности, готовъ совершить такой же... Ахъ, чертъ возьми! Николай! Да воспользуйся его собственнымъ поведеніемъ! Сознайся, что ты знаешь объ одномъ изъ его, достойныхъ глубочайшаго порицанія, поступковъ, и скажи, что не только одобряешь его, но и всѣ, подобные этому, поступки, и даже готовъ помогать ему въ слѣдующихъ. Тогда, послѣ такого заявленія, онъ растаетъ и выложитъ тебѣ всю правду и ты узнаешь все.. Но, все же, будемъ дѣйствовать съ хитростью и подождемъ, пока дядюшка не будетъ въ хорошемъ настроеніи, и не откроетъ-ли намъ чего-нибудь старый башмакъ.

Такъ я разсуждалъ по дорогѣ въ Фонваль. Удовлетвореніе моей страсти истощило, повидимому, мой мозгъ; я считалъ, что мои мысли ясны и разумны, но, на самомъ дѣлѣ, я просто былъ очень утомленъ... Ясно видно, какъ подъ вліяніемъ таинственной обстановки и среды покушенія Лерна, которыя до сихъ поръ ни чѣмъ не подтвердились, заполняли мои мысли и представлялись мнѣ ужасными и безчисленными. Я упустилъ изъ виду, что онъ и на самомъ дѣлѣ могъ вести свои изслѣдованія тайкомъ съ какой-нибудь промышленной цѣлью и имѣлъ полное основаніе скрывать ихъ, чтобы избѣжать поддѣлокъ. Въ нетерпѣніи удовлетворить свое любопытство и усталый отъ удовлетвореннаго чувства, я уговорилъ себя, что придумалъ удивительно тонкій планъ. Я не разсчиталъ величины подложнаго признанія, которое мнѣ нужно было сдѣлать раньше, чѣмъ я получу что-нибудь въ обмѣнъ.

Подумай я надъ этимъ тщательнѣе, я увидѣлъ бы, насколько опасенъ мой планъ. Но коварная судьба устроила такъ, что дядюшка, довольный моимъ отвѣтомъ и тѣмъ, что я такъ хорошо помимаю все, совершенно неожиданно проявилъ необыкновенно хорошее настроеніе духа. Я рѣшилъ, что болѣе удачнаго случая мнѣ никогда не дожидаться

И я ухватился за него, какъ ребенокъ.

По установившемся обычаю, дядюшка, восхищенный машиной, заставилъ меня произвести рядъ сложныхъ

маневровъ въ лабиринтъ, и я велъ свои размышленія въ то время, какъ описывалъ самые разнообразныя кривыя.

— Колоссально! Николай! Повторяю тебѣ, что автомобиль—удивительная вещь. Это звѣрь! Настоящій, великолѣпно устроенный звѣрь,.. наименѣе несовершенный изъ всѣхъ, можетъ быть... И почему знать, на какую степень прогресса онъ еще поднимется?.. Сюда бы чуть-чуть доброй воли... искорку жизни... крошечку мозга... и получилось бы великолѣпнѣйшее созданіе на свѣтѣ. Да, даже лучше насъ въ одномъ отношеніи, потому что, вспомни, что я уже тебѣ говорилъ: автомобиль способенъ къ усовершенствованію и безсмертенъ,—добродѣтели, которыхъ физическія свойства человѣка, къ сожалѣнію, совершенно лишены.

Все наше тѣло обновляется почти цѣликомъ, Николай. Твои волосы (почему. чертъ его побери, онъ постоянно говорилъ о волосахъ), твои волосы не тѣ, что были въ прошломъ году, напримѣръ. Но они появляются снова—другими: темнѣе цвѣтомъ, старше и въ меньшемъ количествѣ, тогда какъ автомобиль мѣняетъ свои органы, въ какомъ угодно количествѣ, и всякій разъ молодѣетъ, получая новое сердце, новыя кости, установленныя болѣе удачно и съ большей способностью къ сопротивляемости, чѣмъ въ предыдущій разъ.

Такъ что, и черезъ тысячу лѣтъ, автомобиль, не переставая совершенствоваться, будетъ такъ же молодъ, какъ и сегодня, если онъ во время замѣстилъ свои использованныя части другими, новыми.

И не говори мнѣ, что это будетъ не тотъ же самый, разъ всѣ его части замѣнены новыми. Если бы, Николай, ты возразилъ мнѣ это, то что же ты долженъ сказать о человѣке, который во время своего бѣга къ смерти—то, что онъ называетъ своею жизнью—подверженъ такимъ же радикальнымъ переменамъ, но въ обратномъ порядкѣ.

Тебѣ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, вывести странныя заключенія: «Тотъ, кто умираетъ пожилымъ, не тотъ

самый, кѣмъ онъ родился. Тотъ, кто только-что родился и долженъ прожить очень долгую жизнь, никогда не умереть. Во всякомъ случаѣ, онъ не умереть сразу, а постепенно, разсѣиваясь на всѣ четыре стороны свѣта въ видѣ органической пыли, въ теченіе долгаго промежутка времени, въ теченіе котораго такъ же постепенно и медленно на мѣстѣ его тѣла образуется другое тѣло. Это другое тѣло, рожденіе котораго неопредѣлимо нашими глазами, развивается въ каждомъ изъ насъ въ то самое время, какъ первое постепенно разрушается, и никто этого не подозрѣваетъ. Оно заступаетъ мѣсто перваго, день за днемъ и, измѣняясь, въ свою очередь, безпрестанно въ зависимости отъ міриады умирающихъ и вновь рождающихся клѣточекъ, изъ которыхъ оно состоитъ, и есть то тѣло, которое мы увидимъ умирающимъ».

Вотъ какія ты долженъ былъ бы вывести заключенія, которыя нѣкоторымъ показались бы правильными: эти, послѣдніе, добавили бы: «Правда, что, кажется, будто духъ остается неизмѣннымъ во время этихъ эволюцій тѣла, но это далеко не доказано, такъ какъ, хотя въ чертахъ старика и можно иногда съ трудомъ узнать черты ребенка, но душа, иногда, такъ мѣняется, что мы сами не можемъ узнать своей собственной. А потомъ, почему бы и вещество мозга не могло бы возобновляться молекула за молекулой, не нарушая теченія нашихъ мыслей, если возможно перемѣнить одинъ за другимъ, элементы въ вольтовомъ столбѣ, не прерывая ни на секунду электрическаго тока».

Да, въ концѣ-концовъ, какую представляетъ для человѣка важность, что онъ изъ себя представляетъ, умирая? И какую пользу принесло бы нетлѣннымъ автомобилямъ, развитіемъ и усовершенствованіями которыхъ руководить человѣкъ, если бы они сохранили неизмѣнными свои составныя части на вѣки? Вотъ вздоръ! Развѣ они стали бы отъ этого удивительнѣе; эти желѣзные гиганты и безъ того почти живыя существа.

Увѣряю тебя, Николай, что, если бы автомобиль, какимъ-нибудь чудомъ приобрѣлъ независимость, человѣку оставалось бы только уложить чемоданъ и исчезнуть съ лица земли. Эра его господства пришла бы къ концу. На землѣ наступило бы царство автомобиля, точно такъ же, какъ до человѣка господствовалъ мамонтъ.

— Да, но этотъ повелитель находился бы всегда въ зависимости отъ построившаго его человѣка,—возразилъ я разсѣяннo, поглощенный своими расчетами.

— Хорошее возраженіе, нечего сказать! А развѣ мы сами не находимся въ постоянной зависимости отъ животныхъ и растеній, мясо которыхъ необходимо для поддержки нашего существованія?..

Дядюшка былъ въ такомъ восторгѣ отъ своихъ парадоксовъ, что выкрикивалъ ихъ во весь голосъ, нетерпѣливо ерзалъ на своемъ узкомъ сидѣньи и размахивалъ руками, точно вылавливалъ изъ воздуха свои мысли.

— Вотъ, ужъ, блестящая была у тебя, племянничекъ, идея, привезти съ собой свою машину. Она доставляетъ мнѣ массу радости и приводитъ меня въ хорошее настроеніе... Ты долженъ будешь научить меня управлять этимъ звѣремъ. Я сдѣлаюсь вожатымъ этого мамонта будущаго времени... Ха, ха, ха...

Какъ разъ къ этому взрыву хохота я окончилъ свои выводы, и изъ-за него я и рѣшился на немедленную атаку, и совершилъ—безразсудство.

— Какой вы забавникъ, дядюшка! Меня радуетъ наше веселое настроеніе. Я снова узнаю того дядю съ которымъ разстался пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Почему вы не всегда такой? Почему вы не довѣряете мнѣ, въ то время, какъ я, именно, заслуживаю вашего полного довѣрія.

— Но, послушай,—отвѣтилъ Лернъ,—ты самъ знаешь, почему: я во всемъ довѣрюсь тебѣ, когда придетъ время; я твердо рѣшился на это.

— Почему же не сейчасъ, дядюшка? И я бросился, сломя голову, въ бездну.—Послушайте! Вѣдь вы и я—

одного поля ягода. Вы только совершенно не знаете меня. Меня ничѣмъ нельзя удивить. И я знаю больше, чѣмъ вы можете предполагать. И знайте, дядюшка, я вполнѣ раздѣляю ваши взгляды, я восторгаюсь вашими поступками!

Дядя разсмѣялся, немного удивленный.

— А что ты знаешь, мальчишка?

— Я знаю, что не всегда можно и должно руководиться современными понятіями о правосудіи, если затѣваешь большое дѣло. Согрешилъ-ли кто противъ тебя? Гораздо лучше раздѣлаться съ нимъ самому, и лишеніе свободы, въ такомъ случаѣ, если даже и не вполнѣ законный, то уже безусловно, правильный поступокъ... Случайное обстоятельство навело меня на эти мысли... Короче говоря, если бы я былъ Фредерикомъ Лернѣ, то г. Макъ Белль не обладалъ бы теперь такимъ цвѣтущимъ видомъ. Повторяю вамъ, что вы меня плохо знаете.

По тону отвѣта я сразу понялъ, что совершилъ непростительную ошибку. Лернѣ защищался лукавымъ тономъ:

— Ну, вотъ еще новости,—сказалъ онъ.—Что за богатая фантазія! Неужели ты такой негодяй, какимъставляешь себя? Тѣмъ хуже, если это правда. Что касается меня, то я на такіе компромиссы съ совѣстью не способенъ, племянничекъ. Макъ Белль сошелъ съ ума, но я то тутъ не при чемъ!.. Очень досадно, что ты его видѣлъ—это отвратительное зрѣлище... Бѣдняга... Но, чтобы я лишилъ его свободы! Что за выдумки, Николай! Что ты еще придумаешь?.. Но, все-таки, хорошо, что ты заговорилъ со мной объ этомъ: это открываетъ мнѣ глаза на многое. Обстоятельства противъ меня. Я все ждалъ улучшенія въ состояніи больного передъ тѣмъ, какъ дать знать его роднымъ, чтобы его печальный видъ произвелъ на нихъ менѣе гнетущее впечатлѣніе... Но, повидимому, оттягивать это дальше становится слишкомъ опаснымъ; моя безопасность требуетъ этого; рискуя тѣмъ, что причинишь имъ большее страданіе,

все-таки пора предупредить ихъ. Сегодня же вечеромъ напишу имъ, чтобы они пріѣхали за нимъ. Бѣдный Дони-фанъ!.. Надѣюсь, что его отъѣздъ разсѣетъ твои позорныя подозрѣнія? Ты меня очень обидѣлъ и огорчилъ ими, Николай...

Я почувствовалъ сильное смущеніе. Неужели я ошибся? Можетъ быть, Эмма солгала? Или Лернъ хотѣлъ усыпить мою подозрительность?.. Какъ бы тамъ ни было, но я совершилъ грубую безтактность, и Лернъ—мерзавецъ-ли онъ, или же честный малый несомнѣнно рассчитается со мной за мое обвиненіе, все равно—правильно-ли оно было, или ложно. Это было полное пораженіе, и вся моя добыча заключалась въ новыхъ сомнѣніяхъ—относительно правдивости Эммы.

— ...Во всякомъ случаѣ, клянусь вамъ, дядюшка, что только случайность дала мнѣ возможность открыть присутствіе Макъ Белля въ замкѣ...

— Е с л и с л у ч а й н о с т ь дастъ тебѣ возможность открыть еще какія-нибудь данныя, чтобы оклеветать меня, отвѣтилъ мнѣ сурово Лернъ,—то не забудь сообщить мнѣ объ этомъ: я немедленно докажу тебѣ, что я невиновенъ. Но я надѣюсь, что точное подчиненіе принятымъ на себя обязательствамъ помѣшаетъ тебѣ помогать с л у ч а ю, который вздумалъ бы благопріятствовать твоимъ встрѣчамъ съ сумасшедшими мужчинами... и ж е н щ и н а м и.

Мы пріѣхали въ Фонналь.

— Николай,—обратился ко мнѣ Лернъ гораздо мягче,—Я чувствую къ тебѣ большое расположеніе. Я желаю тебѣ только добра и потому прошу тебя, дитя мое, слушайся меня.

— Онъ хочетъ усыпить мою бдительность,—подумалъ я,—онъ ласковъ со мной. Удвоимъ вниманіе...

— Слушайся меня,—продолжилъ онъ медоточивымъ голосомъ,—и будь мнѣ союзникомъ безъ условій. При твоей сообразительности, ты самъ долженъ былъ бы понять оттѣнокъ моей мысли. Если я не ошибаюсь, день, въ кото-

рый я смогу посвятить тебя во все, уже недалекъ. Ты самъ увидишь своими глазами то великое прекрасное дѣло, о которомъ я мечтаю и въ которомъ я удѣлю тебѣ мѣсто...

А, въ ожиданіи этого, разъ ты уже посвященъ въ исторію съ Макъ Беллемъ,—ну, вотъ тебѣ доказательство довѣрія, котораго ты требуешь, пойдемъ со мной навѣстить его; мы сообща рѣшимъ, достаточно-ли онъ окрѣпъ для того, чтобы его можно было повезти по желѣзной дорогѣ и по морю.

Поколебавшись немного, я послѣдовалъ за нимъ въ желтую комнату.

Сумасшедшій, увидя его, выгнулъ спину и, ворча, отступилъ въ уголъ съ боязливымъ видомъ и злымъ взглядомъ. Лернъ подтолкнулъ меня впередъ. Я задрожалъ отъ боязни, что онъ меня здѣсь запретъ.

— Возьми его за руки. Вытащи его на середину комнаты.

Донифанъ не сопротивлялся. Докторъ изслѣдовалъ его со всѣхъ сторонъ, но я замѣтилъ, что больше всего онъ интересовался рубцомъ. По моему глубокому убѣжденію, онъ продѣлалъ все остальное изслѣдованіе больного только для того, чтобы ввести меня въ заблужденіе.

Какой рубецъ! Точно разрѣзанный пополамъ вѣнецъ, наполовину скрытый подъ отросшими волосами. Какимъ паденіемъ, какимъ ударомъ и объ какой полъ можно произвести такое пораненіе?..

— Превосходное состояніе здоровья,—произнесъ, наконецъ, дядюшка.—Видишь-ли, Николай, въ началѣ заболѣванія онъ впадалъ въ бѣшенство и ссадилъ себѣ тѣло... гм... вездѣ. Черезъ пару недѣль не осянется и слѣда отъ этого. Его уже можно увезти домой.

Консультація была закончена.

— Не правда-ли, Николай, и ты находишь правильнымъ, чтобы я избавился отъ него, какъ можно скорѣе? Скажи мнѣ свое мнѣніе: я придаю ему извѣстное значеніе.

Я присоединился къ его мнѣнію, но такая чрезмѣрная любезность заставила меня быть все время на сторожѣ. Лернъ вздохнулъ.

— Ты правъ. Свѣтъ, вѣдь, такъ жестокъ. Я сейчасъ же напишу. Не будешь-ли ты такъ любезенъ отвезти мое письмо въ Грей на почту? Оно будетъ готово черезъ десять минутъ.

Я вздохнулъ свободнѣе. Все время, вернувшись въ замокъ, я спрашивалъ самъ себя, выпустятъ-ли меня оттуда, и посейчасъ меня часто терзаютъ кошмары, перенося на крыльяхъ сна въ комнату сумасшедшаго и заключая въ нее. Нѣтъ, рѣшительно, людоедъ становится благосклоннѣе и добрѣе. Располагая моей свободой, имѣя возможность запереть меня, онъ самъ, по доброй волѣ, посылаетъ меня за предѣлы замка на свободу, съ порученіемъ, такъ что отъ меня зависѣло окончить это бѣгствомъ! Имѣло-ли смыслъ воспользоваться разрѣшеніемъ, даннымъ такъ охотно? Ну, это ужъ дудки! Я не воспользуюсь имъ!

Пока Лернъ составлялъ свое посланіе къ родителямъ Макъ Белля, я пошелъ побродить по парку.

И мнѣ пришлось натолкнуться на чрезвычайно странный инцидентъ; но крайней мѣрѣ, на меня онъ тогда произвелъ именно такое впечатлѣніе.

Судьба, какъ уже не разъ можно было замѣтить, безпошадно издѣвалась надо мной, играя какъ мячикомъ, бросая меня то въ сторону спокойствія, то доводя до пароксизма волненія. На этотъ разъ она воспользовалась самымъ пустяшнымъ предлогомъ, чтобы снова перевернуть въ моей душѣ все вверхъ дномъ. Будь я совершенно спокоенъ, я не сталъ бы надѣлять таинственными свойствами того, что, можетъ быть, было просто причудой природы; но въ воздухѣ носилось повѣтріе чудесъ: они мнѣ грезились повсюду, а, кромѣ того, я никакъ не могъ выбить изъ головы фразу Лерна, что со дня моего пріѣзда, на свободѣ находились вещи, которымъ тамъ было не мѣсто.

Къ тому же, то, что и увидѣлъ на этотъ разъ въ паркѣ—я настаиваю, что это не поразило бы перваго встрѣчнаго въ такой степени, какъ меня, —показалось мнѣ заполняющимъ тотъ пропускъ въ работахъ Лерна, который я замѣтилъ: это какъ бы замыкало кругъ его изслѣдованій и опытовъ. Это было очень не ясно. Конечно, благодаря этимъ несвязнымъ даннымъ, у меня на минуту мелькнула мысль о возможности разрѣшенія всѣхъ мучившихъ меня сомнѣній, но объясненіе это бы- ло бы ужасно, если бы оно оказалось правильнымъ; да и мысли мои были слишкомъ беспорядочны и нелѣпы, а, главное, не достаточно опредѣленны, чтобы вывести точное заключеніе. А все же, въ теченіе одной секунды, впечатлѣніе было потрясающей силы, и хотя я и пожималъ плечами, вспоминая о немъ, послѣ вызвавшей о немъ сцены, тѣмъ не менѣе я долженъ сознаться, что во время нея, оно довело меня чуть не до агоніи. Я возстановляю ее.

Рѣшивъ употребить имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи десять минутъ на то, чтобы отыскать старый башмакъ, я направился по аллеѣ, трава которой уже блестѣла отъ вечерней росы. Предвѣстникъ ночи—вечеръ, уже покрывалъ своею тѣнью аллеи. Чириканье воробьевъ слышалось все рѣже и рѣже. Кажется, было около половины седьмого. Гдѣ-то проревѣлъ быкъ. Проходя мимо пастбища, я насчиталъ всего четверыхъ животныхъ: недоставало Пасифаи—пѣгой коровы. Впрочемъ, это не представляло никакого интереса.

Я рѣшительно пробирался впередъ, какъ вдругъ меня заставилъ остановиться какой-то шумъ—слышались какіе-то выкрики, свистъ, пискъ.

Заколыхалась трава.

Я потихоньку, вытянувъ шею, направился къ тому мѣсту, откуда доносились звуки.

Я натолкнулся на повседневно повторяющееся явленіе: на дуэль, изъ которой, споконъ вѣковъ, одинъ изъ противниковъ долженъ выйти побѣжденнымъ, что-бы сво-

имъ пораженіемъ доставить возможность дальнѣйшаго существованія побѣдителю, напятавъ его своимъ тѣломъ— дуэль между птичкой и змѣей.

Змѣя была довольно большой гадюкой, на трехугольной головѣ которой виднѣлся такой же формы бѣлый слѣдъ не то отъ раны, не то отъ рубца.

Птичка... представьте себѣ бѣлоголовую славку, но съ той значительной разницей, что у нея была совершенно черная головка: должно быть, какая-нибудь разновидность, которую я описалъ бы менѣе сложно, если бы былъ лучше знакомъ съ естественной исторіей.

Оба чемпиона стояли лицомъ другъ къ другу, но— можете себѣ представить мое недоумѣніе—наступала птичка, а змѣя отступала... Славка приближалась внезапными прыжками, съ большими промежутками времени, безъ единого взмаха крыльями, двигаясь точно загипнотизированная: остановившійся взглядъ ея глазъ горѣлъ тѣмъ магнетическимъ огнемъ, которымъ горятъ глаза собаки, дѣлающей стойку, а гадюка неловкими движеніями отодвигалась назадъ, зачарованная неумолимымъ взглядомъ своего врага и испуская полузадушенный свистъ отъ страха...

— Чертъ возьми,—подумалъ я,—свѣтъ перевернулся вверхъ ногами, или я вижу все шиворотъ-на-выворотъ?

Тутъ, изъ желанія быть свидѣтелемъ развязки, я сдѣлалъ ошибку, пододвинувшись слишкомъ близко: птичка, замѣтивъ меня, улетѣла, а ея врагъ скользнулъ въ траву и тоже скрылся изъ моихъ глазъ.

Но охватившее меня нелѣпое и безпричинное тяжелое чувство страха, уже проходило. Я пробралъ самого себя, какъ слѣдуетъ. У меня умъ за разумъ заходитъ... Это просто-на-просто проявленіе чувства материнской любви, и больше ничего. Птичка—героиня, защищающая свое гнѣздо и своихъ птенцовъ. Мы до сихъ поръ не знаемъ до чего можетъ дойти героизмъ матерей... конечно, это такъ, чертъ возьми! Иначе, чтобы это могло быть?... Какой я проstackъ...

— Эй!..

Дядюшка звалъ меня.

Я вернулся къ дому. Но это приключеніе не давало мнѣ покоя. Не смотря на мои уговоры самаго себя, что въ немъ не было ничего необыкновеннаго, я ничего не сказалъ о немъ Лерну.

А, между тѣмъ, профессоръ былъ очень ласковъ; у него былъ видъ человѣка, принявшаго важное рѣшеніе, которымъ онъ очень доволенъ. Онъ стоялъ у главнаго входа въ замокъ съ письмомъ въ рукѣ и внимательно разглядывалъ желѣзную скобку, вдѣланную въ каменную ступень у входа для вытиранія ногъ.

Такъ какъ мой приходъ не отвлекъ его отъ этого занятія, я счелъ вѣжливымъ тоже присмотрѣться къ скобкѣ. Она представляла собой желѣзную полосу, которая отъ употребленія безчисленнымъ количествомъ ногъ, превратилась въ острый полумѣсяцъ. Я думалъ, что Лернъ, задумавшись, машинально смотритъ на нее, не замѣчая этого.

Дѣйствительно, онъ вдругъ спохватился, точно внезапно проснулся:

— Вотъ, Николай, твое письмо. Прости меня, что я тебя такъ затрудняю.

— Что вы, дядюшка! Я къ этому привыкъ: шофферы, кто бы они ни были, всегда исполняютъ роль посыльныхъ, злоупотребляя мнѣніемъ, что автомобилисту всегда пріятно прокатиться даже безъ опредѣленной цѣли, дамы часто награждаютъ ихъ спѣшными, а сплошь и рядомъ и весьма тяжеловѣсными порученіями. Это установившійся въ обиходѣ налогъ на спортъ...

— Ну, ладно, ты славный малый! Поѣзжай скорѣе, темнѣетъ.

Я взялъ письмо—письмо, которое наполнить отчаяніемъ души родныхъ Дониѳана тамъ, въ Шотландіи, принесся вѣсть о его сумасшествіи,—благословенное письмо,

которое удалить отъ Эммы ея, потерявшаго человѣческое достоинство, любовника.

С э р ъ Ж о р ж ъ М а к ъ Б е л л ъ.

12, Трафальгаръ-Стритъ.

ГЛАЗГОВЪ.

(Шотландія).

Почеркъ, которымъ былъ написанъ адресъ, заставилъ меня снова призадуматься. Былъ только отдаленный намекъ на почеркъ Лерна. Но большая часть буквъ, общій характеръ почерка указывалъ на совсѣмъ другого человѣка, чѣмъ тотъ Лернъ, который писалъ мнѣ раньше.

Графологія никогда не ошибается, ея выводы безусловно точны: авторъ этой надписи перемѣнился съ тѣхъ поръ съ ногъ до головы.

Но въ дни своей молодости дядюшка обладалъ всѣми добродѣтелями; не былъ-ли онъ теперь собраніемъ всѣхъ пороковъ?

И какъ онъ долженъ былъ теперь меня ненавидѣть, онъ, который такъ сильно меня когда-то любилъ?..

ІХ. ЗАПАДНЯ.

Отецъ Макъ Белля немедленно пріѣхалъ за нимъ въ сопровожденіи своего другого сына.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лернъ написалъ ему, въ Фонвалѣ ничего новаго не произошло. Тайнственные занятія продолжались, а мѣры предосторожности противъ меня все увеличивались. Эмма больше не спускалась; я по сухому стуку ея каблучковъ воображалъ, что она расхаживаетъ по комнатѣ, гдѣ были разставлены манекены съ ея платьями.

Я проводилъ ночи безъ сна: мысли о томъ, что тамъ, наверху, проводятъ ночи вмѣстѣ садистъ Лернъ и на все согласная Эмма, не давали мнѣ заснуть. Ревность умѣетъ

обогащать фантазію: мнѣ рисовались картины, невѣроятно мучившія меня. Сколько я ни клялся себѣ, что при первомъ удобномъ случаѣ я использую свои фантастическія грезы для себя, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ этихъ эротическихъ видѣній, и онѣ доводили меня до бѣлаго каленія.

Какъ-то я рѣшилъ пройтись по парку, чтобы успокоить взбунтовавшуюся чувственность, но... выходные днери внизу оказались запертыми... Да, Лернѣ тщательно меня охранялъ.

Тѣмъ не менѣе, неосторожность, которую я совершилъ, сказавъ ему, что я открылъ существованіе Макъ Белля, не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ усиленной любезности съ его стороны. Во время нашихъ болѣе частыхъ теперь прогулокъ, онѣ показывалъ, что мое общество ему становится все пріятнѣе, стараясь смягчить суровость моей затворнической жизни и удержать меня въ Фонвалѣ, потому ли, что онѣ на самомъ дѣлѣ собирался сдѣлать меня своимъ компаньономъ, или же чтобы гарантировать себя отъ возможности моего бѣгства. Противъ своего желанія, я былъ занятъ цѣлыми днями. Я терзался отъ нетерпѣнія. И думая только о глубинѣ запрещенной любви и заманчивости скрытаго отъ меня секрета, я не замѣчалъ, что на практикѣ—дикая альтернатива,—если любовь манила меня подъ видомъ очаровательной недоступной женщины, то тайна, привлекавшая меня не менѣе сильно, имѣла видъ не менѣе недоступнаго стараго башмака.

Эта мерзость на резинкахъ служила основнымъ пунктомъ всѣхъ гинотезъ, которыя я строилъ по ночамъ, надѣясь отвлечь свои мысли отъ ревности въ сторону любопытства. И на самомъ дѣлѣ, этотъ башмакъ былъ единственной осязаемой цѣлью, къ которой я могъ направить свою любознательность. Я замѣтилъ, что избушка съ садовыми инструментами находилась недалеко отъ лужайки, такъ что при случаѣ было бы легко откопать башмакъ... и прочее, что тамъ окажется. Но Лернѣ, надѣвъ на меня ярмо своей привязанности, держалъ меня вдали отъ башмака,

какъ и отъ оранжереи, отъ лабораторіи, отъ Эммы, словомъ отъ всего.

Всѣми силами своей души я призывалъ на помощь какой-нибудь случай, какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство, которое нарушило бы нашъ *modus vivendi*, и дало бы мнѣ возможность обмануть бдительность моей стражи: поѣздку Лерна въ Нантель, какое-нибудь несчастье, если безъ этого нельзя обойтись, что бы тамъ ни было, лишь бы мнѣ какъ-нибудь извлечь изъ этого пользу.

Этой удачей подарилъ меня пріѣздъ отца и сына Макъ Белль.

Дядюшка, получивъ телеграмму о ихъ пріѣздѣ, сообщилъ мнѣ объ этомъ съ необычайно веселымъ видомъ.

Почему онъ такъ обрадовался? Неужели и вправду я навелъ его на мысль объ опасности задерживать у себя больного Дониѳана безъ вѣдома его родныхъ? Этому я абсолютно не вѣрилъ... А, кромѣ того, смѣхъ Лерна, если онъ былъ и не притворнымъ, все же былъ гаденькаго характера... источникомъ его могла быть надежда сыграть какую-нибудь скверную шутку.

И все же, несмотря на различіе причинъ, я тоже радовался не меньше профессора, и вовсе не притворно, ибо у меня была уважительная причина для этого.

Они пріѣхали утромъ на повозкѣ, нанятой въ Греѣ; кучеромъ былъ Карлъ. Они были похожи другъ на друга и оба напоминали Дониѳана, какимъ я видѣлъ его на карточкѣ. Оба держались прямо, были блѣдны и безстрастны.

Лернъ представилъ меня очень развязно. Оба пожали мнѣ руку, не снимая перчатокъ. Казалось, будто и душа у нихъ была въ перчаткахъ.

Войдя въ маленькое зало, они молча усѣлись. Въ присутствіи всѣхъ трехъ помощниковъ Лернъ произнесъ длинную рѣчь на англійскомъ языкѣ, дѣлая широкіе жесты и съ очень живой, выразительной мимикой. Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи онъ сдѣлалъ движеніе человѣка, падаю-

щаго навзничъ, поскользнувшись. Затѣмъ, взявъ обоихъ за руки, онъ повелъ ихъ къ главной выходной двери въ паркъ. Мы пошли слѣдомъ за ними. Тамъ онъ показалъ имъ на скобу, о которую вытираютъ ноги, и снова повторилъ движеніе поскользнувшагося человѣка. Не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ объяснялъ, какъ Донифанъ получилъ рану въ голову, упавъ ею на серповидную скобу.

Это было, чортъ его возьми, здорово прилумано!

Всѣ вернулись въ зало. Дядюшка продолжалъ говорить, утирая глаза. Нѣмцы начали громко сморкаться, чтобы скрыть невольныя слезы, отъ которыхъ они, будто бы, не могли удержаться. Г.г. Макъ Белль, отецъ и сынъ, не моргнули глазомъ: они не выразили ни единымъ движеніемъ ни горя, ни нетерпѣнія.

Наконецъ, Іоаннъ и Вильгельмъ, удалившіеся по жесту Лерна, привсли Донифана. Онъ былъ свѣже выбритъ, напoмаженъ, съ проборомъ на боку и имѣлъ видъ очень шикарнаго молодого лорда, не смотря на то, что костюмъ былъ ему узокъ и пуговицы еле держались, а слишкомъ узкій воротникъ душилъ его и вызывалъ приливъ крови къ располнѣвшему лицу. Рубца не было видно, благодаря начесаннымъ длиннымъ волосамъ.

При видѣ брата и отца въ глазахъ сумасшедшаго блеснулъ сознательный радостный огонекъ и на губахъ апатичнаго до того лица появилась радостная улыбка. У меня мелькнула надежда, что его разсудокъ вернулся.. Но онъ опустился на колѣни и началъ лизать имъ руки, издавая какой-то непонятный лай. Брату не удалось добиться ничего больше. Попытки отца тоже ни къ чему не привели. Затѣмъ они поднялись, чтобы распроститься съ Лерномъ.

Дяди заговорилъ снова. Я понялъ, что они отказываются отъ чего то вродѣ завтрака или обѣда. Дядя не настаивалъ, и всѣ вышли.

Вильгельмъ взвалилъ сундукъ Донифана на козла повозки.

— Николай—сказалъ мнѣ Лернѣ,—я провожу ихъ до станціи. Ты останешься здѣсь съ Іоанномъ и Вильгельмомъ. А мы съ Карломъ, вернемся пѣшкомъ. Я поручаю тебѣ весь домъ,—добавилъ онъ весело.

И онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Что онъ, издѣвался надо мной, что ли? Хороша власть подъ надзоромъ двухъ сторожей!

Всѣ влѣзли въ повозку: впереди Карлъ съ сундукомъ, сзади дядя съ сумасшедшимъ *vis à vis* здоровыхъ Макъ Беллей.

Дверца уже захлопнулась, какъ вдругъ Дониѳанъ вскочилъ съ лицомъ, искаженнымъ отъ ужаса, точно онъ увидѣлъ передъ собой смерть, натачивающую свою косу: изъ лабораторіи послышался вой, который можнобыло узнать изъ тысячи... Сумасшедшій показавъ пальцемъ на лабораторію и отвѣтилъ Нелли такимъ продолжительнымъ звѣринымъ воемъ, что мы всѣ поблѣднѣли отъ мучительнаго ужаса и... ждали конца его, какъ избавленія.

Лернѣ закричалъ, нахмутивъ брови, грубымъ голосомъ:

— Vorwärts! Karl! Vorwärts!—и, безъ стѣсненія, однимъ грубымъ толчкомъ усадилъ своего ученика на скамейку. Повозка двинулась съ мѣста. Сумасшедшій, упавъ на мѣсто, смотрѣлъ вокругъ себя испуганнымъ взглядомъ, точно подъ ударомъ непоправимаго несчастья.

Мнѣ вспомнился ужасающій Неизвѣстный. Онъ бродилъ вокругъ, все ближе и ближе; на этотъ разъ я почувствовалъ его прикосновеніе.

Издали вой доносился все громче и протяжнѣе, г. Макъ Белль почти закричалъ:

— Ho! Nelly! where is Nelly?

Дядюшка отвѣтилъ:

— Nelly is dead!

— Poor Nelly!—сказалъ г. Макъ Белль.

Хотя я и былъ полнымъ невѣждой, все же этотъ примитивный діалогъ я понялъ. Ложь Лерна возмутила меня:

смѣть утверждать, что Нелли умерла! Что это не ея голосъ! Какое лицемѣріе!—ахъ, почему я не закричалъ этимъ флегматичнымъ людямъ: «Остановитесь! Надъ вами смѣются! Здѣсь происходитъ что то страшное...»—да, но вотъ, ч т о происходитъ, я и самъ не зналъ и Макъ Белли приняли бы меня тоже за сумасшедшаго...

А наемная лошадка плелась медленной рысцой и увозила ихъ къ воротамъ, у которыхъ стояла Варвара, чтобы запереть ихъ. Донифанъ сѣлъ на свое мѣсто. Противъ него сидѣли отецъ и братъ, сохраняя на лицахъ выраженіе холоднаго достоинства; но когда повозка повернулась въ воротахъ я увидѣлъ, какъ спина внезапно согнувшася отца задрожала сильнѣе, чѣмъ должна была бы дрожать отъ встрясокъ мощеной дороги.

Старыя скрипучія ворота захлопнулись.

Я убѣжденъ, что и братъ зарыдалъ немногимъ позже.

Іоаннъ и Вильгельмъ ушли.

Не собирались ли они избавить меня отъ своего общества? Я прослѣдилъ ихъ вдоль пастбища по пути къ лабораторіи, откуда все еще продолжали доноситься стоны Нелли: они, вѣроятно, пошли туда, чтобы заставить ее замолчать. И дѣйствительно, она замолчала, какъ только помощники вошли во дворъ. Но противъ моего ожиданія, они вмѣсто того, чтобы вернуться въ замокъ сторожить меня, закурили сигары и спокойно расположились, повидимому, для продолжительнаго отдыха. Сквозь открытое окно ихъ квартиры я видѣлъ, какъ они, снявъ пиджаки, рзссѣлись въ кресла и стали дымить, какъ океанскіе пароходы, приготовляющіеся къ отходу отъ пристани.

Когда ихъ планы сдѣлались для меня очевидными, я, ни на секунду не задумавшись, поступають-ли они такъ противъ воли Лерна, или же по его желанію, за версту отъ мысли, что они, куря у открытаго окна, исполняютъ шагъ за шагомъ его предписанія—немедленно отправился къ хижинѣ съ инструментами.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже старательно разры-
валъ землю вокругъ стараго башмака; впрочемъ, теперь мо-
гу сказать: вокругъ ступни.

Она торчала носкомъ кверху въ серединѣ воронки, въ
которой сохранились еще слѣды отъ ногтей Дониѳана, хотя
было видно, что и до этого кто-то царапался тамъ. Но по
этимъ старымъ слѣдамъ, слѣдамъ отъ могучихъ когтистыхъ
лапъ, видно было, что они были оставлены какой-нибудь
огромной собакой, повидимому, Нелли, въ то время, когда
ей не запрещалось свободно и безъ надзора бродить по
парку.

За ступней показалась небрежно зарытая нога. Я ста-
рался увѣрить себя, что это остатокъ анатомическаго пре-
парата, но тщетно.

Вслѣдъ за ногой появился полосатый торсъ, а за- тѣмъ
и остальные части еле прикрытаго одеждой трупа, очень
плохо сохранившагося. Его зарыли вкось: голова,
помѣщавшаяся ниже ногъ, еще не была видна. Дрожащими
руками я продолжалъ раскопки, освободилъ отъ земли го-
лову и увидѣлъ черныя до синевы бакенбарды, густые усы
и, наконецъ, все лицо...

Теперь я зналъ участь всѣхъ лицъ, которыхъ видѣлъ
на фотографической группѣ. Передо мной лежалъ на глыбѣ
земли наполовину вырытый изъ могилы Отто Клоцъ. Я уз-
налъ его безъ всякаго труда; незачѣмъ было продолжать
выкапывать его больше: наоборотъ—лучше было снова за-
копать его и постараться изгладить слѣды моихъ розы-
сковъ...

А между тѣмъ, я вдругъ снова схватился за лопату и
началъ яростно копать землю рядомъ съ вырытымъ Кло-
цомъ. Въ землѣ появилась бѣлая большая кость губчатаго
строенія... Что же... это... такое... значитъ.. тутъ... еще
другіе... трупы... О!..

Я рылъ и рылъ, не отдавая себѣ отчета; меня лихора-
дило. Въ глазахъ мелькали бѣлые и красные круги, мнѣ ка-
залось, что идетъ огненный снѣгъ...

Я рылъ и рылъ... и отрылъ цѣлое кладбище; но, благодареніе Богу, это оказалось кладбищемъ животныхъ: отъ однихъ остались только скелеты, другія сохранили свои перья и шкурки; морскія свинки, собаки, козы, иногда въ цѣломъ видѣ, иногда отдѣльными кусками; повидимому, остальное послужило пищей для своры; цѣлая лошадиная нога дорогой мой Бириби, это была твоя нога, и, наконецъ, подъ кучей свѣже взрытой земли я нашелъ куски мяса, завернутые въ нѣгую шкуру: останки Пасифаи...

Затхлый приторный запахъ вызывалъ тошноту. Измученный въ конецъ, я остановился, опершись на свою оскверненную лопату посреди этой бойни. Потъ, катившій съ меня градомъ, попадалъ мнѣ въ глаза. Я задыхался.

Въ это время я машинально пристально взглянулъ на лежавшій передо мной кошачій черепъ. Я немедленно поднялъ его. Великолѣпная головка для трубки: наверху была вырѣзана круглая дыра... Я поднялъ другой черепъ кролика, если память мнѣ не измѣняетъ, та же странность; я поднялъ еще и еще, четыре, шесть, пятнадцать: на всѣхъ черепахъ было такое же отверстіе, различавшееся только размѣромъ. Вездѣ кругомъ валялись черепа, зіявшія своими глубокими или плоскими, большими или маленькими, но непременно круглыми отверстіями. Казалось, что всѣ эти животныя были прикончены ударами рѣзца, послуживъ для какихъ либо жертвоприношеній.

И вдругъ мысль. Ужасная мысль.

Я присѣлъ у трупа Клоца и сталъ быстро откапывать голову. Спереди—ничего ненормального; волосы сбриты. Но сзади отъ виска къ виску шелъ такой же разрѣзъ, какъ и у Макъ Белля...

Лернъ убилъ Клоца... Онъ уничтожилъ его изъ-за Эммы такимъ же образомъ, какимъ онъ уничтожалъ животныхъ и птицъ, когда они теряли способность дольше переносить его опыты. Оказывается, это было хирургическимъ преступленіемъ. Я вообразилъ, что окончательно разоблачилъ тайну.

— По моему мнѣнію,—думалъ я,—сумасшествіе Макъ Белля происходитъ вотъ отчего: оттого, что несчастный видѣлъ, какая ужасная смерть ему приготовлена; но почему дядюшка не прикончилъ его?.. Должно быть въ полномъ разгарѣ работы, за которую онъ принялся, ослѣпленный бѣшенствомъ ревности, онъ вдругъ образумился и испугался возможности отвѣственности и возмездія со стороны семьи Макъ Беллей... Клоцъ — тотъ былъ сиротой и холостякомъ, такъ утверждаетъ Эмма,—и вотъ почему онъ здѣсь... Эта же участь грозитъ и мнѣ... А можетъ быть и ей, если онъ насъ накроетъ вмѣстѣ... Ахъ, надо бѣжать, бѣжать, чего бы это ни стоило; ей и мнѣ остается только бѣгство. Какъ разъ судьба намъ благопріятствуетъ. Представится ли еще такой случай? Нужно сейчасъ же уйти и добратся до вокзала сквозь лѣсъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ Лерномъ и Карломъ, возвращающимся по прямой дорогѣ... А лабиринтъ?.. Можетъ быть, воспользоваться автомобилемъ и проѣхать по ихъ тѣламъ, если они попробуютъ помѣшать намъ. Я самъ не знаю... Тамъ видно будетъ... Но удастся ли мнѣ во время добратся до Эммы? Скорѣе, ради Бога, скорѣе.

Я помчался во всю прыть, и бѣжалъ, сломя голову, два раза падалъ, снова вскакивалъ на ноги, задыхаясь отъ боязни опоздать...

Замокъ... Лерна еще нѣтъ: его шляпа не виситъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на вѣшалкѣ. Первая часть плана была выиграна мною. Вторая заключалась въ томъ, чтобы скрыться до его возвращенія.

Я взбѣжалъ по лѣстницѣ, прыгая черезъ четыре ступени, промчался по корридору, ворвался въ гардеробную и оттуда въ комнату Эммы:

— Бѣжимъ,—сказалъ я, задыхаясь,—бѣжимъ, мой другъ!.. Идемъ скорѣе. Я объясню тебѣ по дорогѣ... въ Фонвалѣ убиваютъ... Да что съ тобой случилось?.. Въ чемъ дѣло?..

Она не сдвинулась съ мѣста и стояла, какъ окаменѣлая, вытянувшись во весь ростъ.

— Какъ ты блѣдна. Но не пугайся...

Тутъ, но только въ это мгновеніе, я замѣтилъ, что она во власти безумнаго страха и что ея измученное лицо съ перепуганными глазами и обезкровленными губами даетъ мнѣ знакъ замолчать и указываетъ на присутствіе громадной опасности, тутъ, совсѣмъ вблизи, слишкомъ близко для того, чтобы она могла предупредить меня жестомъ или словомъ безъ того, чтобы насторожившійся врагъ не отомстилъ ей.

А между тѣмъ ничего не происходило... Я окинулъ взглядомъ мирную комнату. Мнѣ все показалось таинственнымъ: даже воздухъ казался враждебнымъ—вредной для дыханія жидкостью, въ которой я потерплю крушеніе. Я безумно боялся того, что могло появиться за моей спиной. Я ждалъ какого-ибудь легендарнаго появленія...

И на самомъ дѣлѣ, я убѣжденъ, что сверхъестественное появленіе Мефистофеля изъ-подъ пола нагнало бы на меня меньше страха и ужаса, чѣмъ мѣщански естественное появленіе Лерна изъ шкафа за моей спиной.

— Ты заставилъ насъ долго поджидать себя, Николай.—сказалъ онъ.

Я былъ потрясенъ. Эмма упала со всего размаху на полъ, сваливъ стоявшіе около нея стулья, и съ пѣной у рта стала биться въ сильнѣйшемъ истерическомъ припадкѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шумъ шаговъ и паденіе манекеновъ. Вильгельмъ и Іоаннъ бросились на меня.

Схваченъ. Связанъ. Погибъ...

Безумная боязнь мученій сдѣлала меня подлецомъ.

— Дядюшка,—умолялъ я,—убейте меня сразу. Заключи на васъ. Не мучьте меня. Ну, что вамъ стоитъ, пулю изъ револьвера, или яду?.. Все, что хотите, милый дядюшка, только не надо мученій.

Лернъ ничего не отвѣчалъ и, иронически усмѣхаясь, приводилъ въ чувство Эмму, нахлестывая ей щеки мокрымъ полотенцемъ.

Я чувствовалъ, что схожу съ ума. Кто можетъ поручиться, что разсудокъ Макъ Белля не помутился при такихъ же обстоятельствахъ и не въ такую именно минуту?.. Макъ Белль... Клоцъ... Звѣриное кладбище... Я почувствовалъ, какъ острая боль пронизываетъ мой черепъ отъ виска къ виску... Я галлюцинировалъ...

Меня понесли внизъ, Іоаннъ держалъ меня за голову, Вильгельмъ за ноги.

А что, если они просто снесутъ меня въ пустое помѣщеніе и запрутъ тамъ на замокъ. Что за чортъ, вѣдь, нельзя же прикончить племянника, какъ цыпленка!

Они понесли меня по дорогѣ въ лабораторію.

Вся моя жизнь, день за днемъ, пронеслась передо мной въ туманѣ въ теченіе одного біенія сердца.

Профессоръ присоединился къ намъ. Мы прошли мимо дома, въ которомъ жили нѣмцы, теперь меня несли мимо стѣны двора. Лернъ открылъ широкую дверь въ лѣвомъ павильонѣ, и меня внесли въ помѣщеніе вродѣ прачешной, помѣщавшееся подъ заломъ, въ которомъ стояли аппараты. Эта комната была обнажена, какъ скелетъ, и вся отъ полу до самаго потолка выложена бѣлыми плитками. Занавѣсъ изъ грубаго полотна, подвѣшенный къ желѣзному пруту при помощи ко- лсцъ, раздѣлялъ это помѣщеніе на двѣ равныхъ комнаты. Воздухъ былъ пропитанъ аптечными запахами. Въ комнатѣ было очень свѣтло. У стѣны была приготовлена небольшая походная кровать. Указывая на нее, Лернъ сказалъ мнѣ:

— Она давнымъ давно ждетъ тебя, Николай...

Затѣмъ дядя отдалъ распоряженіе по-нѣмецки. Оба помощника развязали и раздѣли меня. Всякое сопротивление было бы излишнимъ.

Нѣсколько минутъ спустя, я былъ комфортабельно уложенъ въ кровать, причемъ одѣяло было натянуто до са-

мага подбородка, и я былъ крѣпко-на-крѣпко привязанъ къ кровати ремнями. Іоаннъ остался сторожить меня, сидя верхомъ на скамейкѣ, единственномъ украшеніи этого помѣщенія, суровость котораго дѣйствовала на меня угнетающимъ образомъ. Остальные ушли.

Такъ какъ занавѣсъ не доходилъ до конца стѣны, то я могъ видѣть въ сосѣднемъ помѣщеніи такую же широкую двустворчатую дверь, выходящую на дворъ.

Какъ разъ напротивъ меня я въ просвѣтѣ увидѣлъ своего стараго пріятеля—старую сосну...

Моя грусть усилилась. Во рту у меня было отвратительно, точно я предчувствовалъ свое будущее разложение. Подумать только, что, можетъ быть, сейчасъ начнется отвратительная химія.

Іоаннъ держалъ въ рукахъ револьверъ и каждую минуту прицѣливался въ меня, приходя въ восторгъ отъ своей превосходной шутки. Я отвернулся отъ него къ стѣнѣ и, благодаря этому, открылъ на глазурн плитокъ надпись, составленную изъ безформенныхъ буквъ и сдѣланную—по крайней мѣрѣ, я такъ думаю—алмазомъ кольца:

«Прощай навсегда, дорогой отецъ, Донифанъ».

Несчастный! Его тоже укладывали на эту кровать... Клоца тоже... А кто докажетъ, что дядя до меня ограничился только этими двумя жертвами?.. Но въ данный моментъ мнѣ такъ мало дѣла было до этого... такъ мало...

Приближался вечеръ.

Надъ нашими головами ходили взадъ и впередъ быстрыми шагами. Съ наступленіемъ вечера ходьба прекратилась. Потомъ Карлъ, вернувшійся изъ Грей л'Аббея, смѣнилъ Іоанна у моей постели.

Немного погодя, Лернъ заставилъ меня принять ванну, а затѣмъ какое-то горькое пойло. Я узналъ по вкусу сѣрнокислую магнезію. Не оставалось никакихъ сомнѣній: меня собирались изрѣзать; все это были предвѣстники операціи; всякій знаетъ объ этомъ въ нашъ вѣкъ аппендицита. Это произойдетъ завтра утромъ... Что еще они по-

пробують надо мной продѣлать передъ тѣмъ, какъ убить меня?..

Я наединѣ съ Карломъ.

Я почувствовалъ приступъ голода. Недалеко отъ меня несчастный птичій дворъ тоже собирался на покой: шелестъ соломы, пугливое хлопанье, сдержанный лай... Коровы мычали.

Ночь.

Вошелъ Лернъ. Я былъ невѣроятно взволнованъ. Онъ пощупалъ мой пульсъ.

— Ты хочешь заснуть?—спросилъ онъ меня.

— Скотина!—отвѣтилъ я.

— Хорошо. Я дамъ тебѣ успокоительное питье.

Онъ подалъ мнѣ его. Я выпилъ. Оно пахло хлороформомъ.

Снова я наединѣ съ Карломъ.

Кваканье лягушекъ. Блескъ звѣздъ. Восходъ луны. Появленіе ея красноватаго диска. Мистическое восхожденіе свѣтила и смѣна одного свѣтила другимъ... Все очарованіе ночи... Въ своемъ отчаяніи я возсылалъ къ небу забытую молитву, мольбу маленькаго ребснка, обращенную къ Тому, Кто былъ для меня вчера—миѳомъ, а сегодня превратился въ твердую увѣренность. Какъ могъ я сомнѣваться въ Его существованіи?!..

И луна бродила по небу, точно ореоль въ поискахъ за челомъ, которое надо увѣнчать.

Не мало времени прошло до того, какъ я сталъ засыпать со слезами на глазахъ...

Я забылся въ бреду. Простое жужжанье приняло размѣры грохота. Кто то ходилъ по соломѣ. Этотъ птичій дворъ выводилъ меня изъ себя... Быкъ ревѣлъ. Мнѣ даже казалось, что онъ реветъ все громче и громче. Развѣ его загоняли съ коровами каждый вечеръ на дворъ этой странной фермы?.. Впрочемъ... Какая возня и сколько шума, мой Богъ!..

Вотъ какія мысли бродили у меня въ головѣ, когда я, безповоротнo осужденный на смерть или обреченный на сумасшествіе, подъ вліяніемъ наркотическаго питья, заснулъ тяжелымъ искусственнымъ сномъ, который продолжался до самаго утра.

Кто то трясъ меня за плечо.

У кровати стоялъ Лернъ въ бѣлой блузѣ.

Снова я испыталъ ясное опредѣленное ощущеніе, что я въ разбойничьемъ притонѣ.

— Который часъ?.. Придется-ли мнѣ умереть?.. Или ваше дѣло уже сдѣлано?

— Терпѣніе, племянничекъ. Дѣло еще и не начато.

— Что вы собираетесь со мной дѣлать? Вы привьете мнѣ чуму... туберкулезъ... холеру? Скажите, дядюшка... Нѣтъ? Что же въ такомъ случаѣ?..

— Ну, довольно. Полно ребячиться.

Онъ отошелъ, и я увидѣлъ операціонный столъ, состоявшій изъ узенькой рѣшетчатой металлической доски на узкихъ козлахъ—это вызвало въ моей душѣ воспоминаніе о дыбѣ въ застѣнкѣ. Сложный наборъ инструментовъ и стекло безчисленныхъ стклянокъ ярко блестѣли при лучахъ восходящаго солнца. Гигроскопическая вата лежала бѣлой кучей на маленькомъ столикѣ. Подъ каждымъ изъ металлическихъ шаровъ, поставленныхъ около стола, горѣла спиртовая лампочка.

Мое оцѣпенѣніе было близко къ обморочному состоянію.

Въ сосѣднемъ помѣщеніи, за занавѣсью, въ настоящій моментъ закрытой до конца, чувствовалась возня

Оттуда доносился пронизывающій запахъ эфира. Тайна! Тайна до самой смерти...

— Что тамъ происходитъ?—закричалъ я.

Между стѣной и занавѣсью прошли Карлъ и Вильгельмъ, уходя изъ сосѣдняго помѣщенія, превращеннаго, благодаря занавѣси, въ отдѣльный кабинетъ. Они тоже бы-

ли одѣты въ бѣлые халаты—значить, они тоже принимали участіе въ операціи...

Но Лернъ схватилъ что-то, и я почувствовалъ на тѣмени холодъ отъ прикосновенія стали. Я закричалъ благимъ матомъ.

— Болванъ,—сказалъ дядя,—это машинка для стрижки волосъ.

Онъ выстригъ меня, потомъ тщательно выбрилъ всю голову. При каждомъ прикосновеніи бритвы мнѣ казалось, что лезвіе вонзается мнѣ въ голову.

Затѣмъ снова намылили голову, сполоснули все, послѣ чего профессоръ нанесъ на мою плѣшь при помощи жирнаго карандаша и какого-то особеннаго циркуля рядъ кабелистическихъ линій.

— Сними рубашку,—сказалъ онъ мнѣ,—но будь остороженъ, не сотри моихъ замѣтокъ и значковъ... Ну, а теперь ложись сюда.

Они помогли мнѣ влѣзть на столъ. Меня крѣпко привязали къ нему, причемъ руки завязали подъ столомъ.

Но куда дѣвался Іоаннъ?

Карлъ, не говоря ни слова, надѣлъ мнѣ на лицо что то вродѣ намордника. Мои легкія наполнились испареніями эфира. Почему не хлороформъ?—подумалъ я.

Лернъ порекомендовалъ мнѣ:

— Вдыхай, какъ можно глубже и спокойнѣе, это въ твоихъ же интересахъ... Дыши.

Я повиновался.

Въ рукахъ у дяди длинный тонкій шприцъ... Ай!.. онъ укололъ меня имъ въ шею. Я съ трудомъ промямлилъ, такъ какъ губы и языкъ были у меня точно налиты свинцомъ:

— Подождите... Я еще не заснулъ... Что это за прививка?.. Сифилисъ?..

— Просто, морфій,—сказалъ профессоръ.

Я почувствовалъ, что впадаю въ безчувствіе.

Снова очень болѣзненный уколъ въ плечо.

— Я не сплю... Ради Бога, подождите... Я еще не сплю...

— Это, именно, мнѣ и надо было знать,—пробормоталъ мой палачъ.

Съ нѣкотораго времени моя пытка становилась для меня мучительной. Меня утѣшало сознаніе, что всѣ приготовленія дѣлались для головной операціи... А, вѣдь, Макъ Белль пережилъ же трепанацію черепа...

Я углублялся въ свою душу. Серебристые колокольчики наигрывали какой-то райскій мотивъ, который я никакъ потомъ не могъ вспомнить, хотя онъ казался мнѣ въ ту минуту незабываемымъ.

Снова уколъ въ плечо, почти безболѣзненный. Я хотѣлъ сказать снова, что не сплю, но усилія были тщетны; мои слова звучали глухо, точно потопленные на днѣ океана; звуки моихъ словъ уже умерли, только я одинъ еще различалъ ихъ.

Я услышалъ, какъ зазвенѣли кольца занавѣси.

И, ничуть не страдая, находясь на порогѣ поддѣльной Нирваны, вотъ что я ощутилъ:

Лернъ дѣлаетъ глубокій надрѣзъ отъ праваго виска до лѣваго, нѣчто въ родѣ незаконченнаго скальпа, и откидываетъ весь отрѣзанный кусокъ кожи на лицо, такъ что шарниромъ служить кожа лба. Если смотрѣть на меня спереди, у меня моя голова должна казаться такой же окровавленной и неопредѣленной, какъ голова той несчастной обезьяны, которую оперировалъ Іоаннъ...

— На помощь... Я не сплю.

Но серебристые колокольчикъ заглушаютъ въ моемъ сознаніи мой собственный голосъ. Прежде всего, мой-то голосъ гдѣ-то на днѣ морскомъ, а, кромѣ того, колокольчики теперь звенятъ страшно громко, точно жужжатъ громадные шмели... И я чувствую, что теперь я погружаюсь въ море эфира...

Живу я еще, или же умеръ?.. Не знаю... Я чувствую... что я мертвецъ, который сознаетъ, что онъ умеръ... даже больше...

Неизвѣстность...

Х. ЦИРЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦІЯ.

Когда я открылъ глаза, царствовала полная тьма, не слышалось ни одного звука, въ воздухѣ не носилось больше никакихъ запаховъ. Я хотѣлъ сказать: «Не начинайте, я еще бодрствую». Но не могъ сказать ни одного слова; ночной бредъ продолжался: мнѣ показалось, что ревъ приблизился настолько, что я его слышалъ въ самомъ себѣ... Не чувствуя себя въ состояніи успокоить свои взбудораженные нервы, я лежалъ неподвижно и безмолвно.

И въ моей душѣ росла увѣренность, что таинственная вещь уже свершилась.

Мало-по-малу потемки стали разсѣиваться. вмѣстѣ съ излеченіемъ отъ слѣпоты и остальные чувства стали пробуждаться: звуки и запахи все увеличивались въ числѣ и приближались веселой толпой. Блаженство! Ахъ, если бы остаться въ такомъ состояніи навсегда!

Но эта агонія шиворотъ-на-выворотъ шла своимъ путемъ впередъ, независимо отъ моей воли, и я снова вернулся въ жизнь.

Но предметы, которые я теперь различалъ, были странной формы, не рельефными, и окрашены въ странный цвѣтъ. Я видѣлъ широкое пространство, болѣе широкое, чѣмъ раньше: я вспомнилъ о дѣйствіи нѣкоторыхъ обезболивающихъ аппаратовъ на расширеніе зрачка; повидимому, этимъ были вызваны и объяснялись всѣ странности моего теперешняго зрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, я безъ особеннаго труда констатировалъ фактъ, что меня сняли со стола и положили на полъ въ сосѣднемъ помѣщеніи; и, вопреки своимъ глазамъ, кото-

рые функціонировали теперь, какъ измѣняющія форму предметовъ линзы, мнѣ все же удалось разобраться въ своемъ положеніи.

Занавѣсъ былъ отдернутъ. Лернъ и всѣ его помощники окружали операціонный столъ и дѣлали тамъ что-то, чего я не могъ разсмотрѣть изъ-за ихъ спинъ— должно быть приводили въ порядокъ инструменты. Сквозь настежь раскрытыя двери виденъ былъ паркъ и не дальше двадцати метровъ отъ меня—кусочекъ пастбища, съ котораго на насъ глядѣли жующія и мычащія коровы.

Т о л ь к о я долженъ былъ бы вообразить себѣ, что меня перенесли въ самую революціонную изъ всѣхъ импрессионистскихъ картинъ. Голубой цвѣтъ неба, несколько не теряя своей прозрачности, превратился въ восхитительный оранжевый; трава и деревья казались мнѣ не зелеными, а красными; золотистая ромашка пастбища украшала фіолетовыми звѣздочками пунцовую траву. Все измѣнило свой цвѣтъ, впрочемъ, за исключеніемъ предметовъ чернаго и бѣлаго цвѣта. Черныя брюки и бѣлая блуза четырехъ сообщниковъ не измѣнились въ цвѣтъ. Но блузы были забрызганы пятнами... зеленого цвѣта, на полу были лужи того же зеленого цвѣта; какая же это могла быть жидкость, кромѣ крови? И что удивительнаго въ томъ, что она казалась мнѣ зеленой, разъ зелень полей производила на меня впечатлѣніе краснаго цвѣта?.. Эта жидкость испускала сильный ароматъ, отъ котораго я сбѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, если бы могъ пошевелиться. Тѣмъ не менѣе, это не былъ тотъ запахъ, который я привыкъ считать настоящимъ крови... я еще никогда не вдыхалъ его... такъ же какъ и остальныхъ ароматовъ этой комнаты... точно такъ же, какъ мои уши никогда не воспринимали такихъ звуковъ...

И вся эта фантасмагорія не уменьшалась и ненормальность моихъ воспріятій не испарялась вмѣстѣ съ парами эфира.

Я попробовалъ стряхнуть съ себя охватывавшее меня оцѣпенѣніе, но ничего не вышло.

Я лежалъ на подстилкѣ изъ соломы... несомнѣнно изъ соломы... но солома была розовато-фіолетоваго цвѣта...

Всѣ стояли ко мнѣ спиной, за исключеніемъ Іоанна. Лернѣ, отъ времени до времени, бросалъ въ лоханку кусочки ваты, окрашенные кровью въ зеленый цвѣтъ.

Іоаннѣ первый замѣтилъ, что я проснулся, и ска- залъ объ этомъ профессору. Тогда по отношенію ко мнѣ проявилось движеніе общаго любопытства, которое вынудило группу, стоявшую у стола, раздвинуться, и, такимъ образомъ, я получилъ возможность увидѣть, что на столѣ лежитъ совершенно голый человѣкъ, руки котораго связаны подъ доской стола. Этотъ человѣкъ лежалъ совершенно неподвижно и былъ такъ блѣденъ, что производилъ впечатлѣніе восковой фигуры или мертвеца; черные усики еще больше оттѣняли блѣдность лица, на головѣ лежала повязка, запятнанная... ну, зелеными брызгами. Его грудь приподнималась равномерно; онъ глубоко вдыхалъ и выдыхалъ, при чемъ при каждомъ вздохѣ крылья его носа вздрагивали.

Этотъ человѣкъ—прошло не мало времени, пока я пришелъ къ этому заключенію—б ы л Я.

Когда я убѣдился, что вижу это явленіе не въ какомъ-либо зеркалѣ,—а проконтролировать это было не трудно,—мнѣ пришла въ голову мысль, что Лернѣ раздвоилъ меня, и что теперь я—двое...

Но, можетъ быть, я вижу это во снѣ?

Нѣтъ, навѣрное нѣтъ! Но пока приключеніе не представляло собой чего-нибудь исключительно ужаснаго; я не умеръ и не сошелъ съ ума; очевидность этого вывода невѣроятно подбодрила меня. (Пусть протестуютъ, сколько хотятъ. противъ того, что я всецѣло владѣлъ въ тотъ моментъ своимъ разсудкомъ; будущее подтвердило это смѣлое предположеніе),

Оперированный пошевелилъ головой. Вильгельмъ развязалъ его, и я присутствовалъ при пробужденіи моего ослабѣвшаго двойника. Раскрывъ ничего не видящіе глаза, онъ замоталъ головой съ идіотскимъ видомъ, нащупалъ края стола и сѣлъ. Онъ очень скверно выглядѣлъ, я съ трудомъ вѣрилъ, чтобы похожій на меня человѣкъ могъ выглядѣть такимъ дурнемъ.

Больного положили на походную кровать. Онъ не сопротивлялся и позволилъ ухаживать за собой. Но скоро онъ сталъ задыхаться отъ болѣзненныхъ позывовъ къ рвотѣ, и я могъ убѣдиться, что между нами не было никакой связи, такъ какъ я нисколько не страдалъ отъ мучившихъ его припадковъ,—развѣ только мысленно, и то изъ вполне понятнаго чувства состраданія къ джентльмэну, до такой степени похожему на меня самого.

Ну, однако!.. Похожаго?.. Не было-ли это просто повтореніемъ моего тѣла. Или, можетъ быть, оно-то и было моимъ тѣломъ... Пустяки!.. Абсурдъ!.. Я чувствовалъ, видѣлъ, слышалъ—по правдѣ сказать, очень плохо, но, во всякомъ случаѣ, достаточно хорошо, что-бы быть уѣреннымъ, что у меня есть носъ, глаза, уши. Я напрягъ свои силы и почувствовалъ, какъ веревки врѣзались мнѣ въ мускулы: слѣдовательно, у меня есть и тѣло, волосатое и окоченѣлое, но все же тѣло... И мое тѣло находилось здѣсь, а не тамъ...

Профессоръ возвѣстилъ, что меня сейчасъ развяжутъ.

Веревочная сѣть разомкнулась. Нетерпѣніе охватило меня. Я вскочилъ на ноги однимъ прыжкомъ, и сложное ощущеніе наполнило мою душу ужасомъ и поколебало ее. Боже мой, до чего я былъ маленькаго роста, и какъ тяжелъ!.. Я хотѣлъ взглянуть на себя: подъ моей головой ничего не оказалось. Съ трудомъ наклонивъ свою голову еще ниже, я увидѣлъ вмѣсто своихъ ногъ два раздвоенныхъ копыта на концѣ кривыхъ, покрытыхъ жесткою черною шерстью, ногъ.

Я хотѣлъ крикнуть во весь голосъ... и изъ моихъ устъ вырвался ужасный, преслѣдовавшій меня всю ночь, ревъ, отъ котораго задрожали стѣны дома, ревъ, повторенный дальнимъ эхомъ скалъ, окружавшихъ Фонваль.

— Замолчи же, Ю п и т е р ъ,—сказалъ Лернъ,—ты пугаешь бѣднаго Николая, который нуждается въ отдыхѣ.

И онъ указалъ на мое тѣло, поднявшееся въ испугѣ на кровати.

И такъ, значить, я сталъ чернымъ быкомъ. Лернъ, этотъ ненавистный колдунъ, превратилъ меня въ животное.

Онъ грубо издѣвался надо мной. Три мошенника—его помощники—хамски вторили его смѣху, держась за бока. Мои бычачьи глаза научились плакать.

— Ну, да,—сказалъ волшебникъ, точно отвѣчая на вихрь моихъ мыслей,—ну, да, ты—Юпитеръ. Но ты въ правѣ знать о себѣ больше. Вотъ твое происхожденіе. Ты родился въ Испаніи, въ знаменитой ганадеріи, производишь отъ извѣстныхъ родителей, мужское потомство которыхъ уже столько лѣтъ умираетъ храброй смѣртью, со шпагой въ затылкѣ, на пескѣ аренъ боя быковъ. Я избавилъ тебя отъ бандериллій торреадоровъ. Я дорого заплатилъ за тебя и коровъ, потому что ваша порода пригодна для моихъ цѣлей. Ты мнѣ обошелся въ двѣ тысячи пезетъ, не считая доставки сюда. Ты родился пять лѣтъ и два мѣсяца тому назадъ; значить, ты можешь, прожить еще столько же времени, не больше... если мы дадимъ тебѣ умереть отъ стдрости. Въ концѣ-концовъ, я приобрѣлъ тебя, чтобы продѣлать надъ твоимъ организмомъ нѣкоторые опыты... Пока я продѣлалъ только первый.

Тутъ мой остроумный родственничекъ долженъ былъ сдѣлать передышку, чтобы успокоиться отъ душившаго его смѣха. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Ха, ха, Николай! Какъ ты себя чувствуешь, а? Я увѣренъ, что не слишкомъ плохо. Твое любопытство, порожденіе женщины, твое адское любопытство, навѣрное, поддерживаетъ твое настроеніе? Держу пари, что

ты больше заинтригованъ, чѣмъ сердить. Не правда-ли, я правъ, а?.. Ну, я человѣкъ великодушный, и разъ теперь ты, мой милый ученикъ, сдѣлался скромнымъ, то узнай то, что ты такъ жадно хотѣлъ узнать. Развѣ я тебѣ не предсказывалъ: «Приближается моментъ, когда все узнаешь», и вотъ, Николай, теперь ты узнаешь все! Да и мнѣ нѣтъ никакого удовольствія отъ того, что меня станутъ принимать за дьявола, чудотворца, или колдуна. Я не Вельзевулъ. не Моисей и не Мерленъ: просто-на-просто Лернъ. Мое могущество не зависитъ отъ внѣшняго міра, оно всецѣло исходитъ отъ меня, оно мое, и я горжусь этимъ. Это могущество—мое знаніе. Самое бѣльшее, что могли бы мнѣ возразить, это—что знаніе—общечеловѣческое достояніе, что я его использовалъ самостоятельно, и въ данный моментъ я наибѣлье подвинувшійся впередъ піонеръ, главный владѣлецъ его... Но не будемъ вступать въ препирательства. Повязка не закрываетъ тебѣ ушей? Ты слышишь меня?

Я утвердительно мотнулъ головой.

— Хорошо! Слушай же и не ворочай такъ изумленно глазами: все объяснится—чортъ побери; вѣдь мы живемъ настоящею жизнью, а не сочиняемъ романъ.

Помощники чистили и клали на мѣсто инструменты. Мое заснувшее тѣло храпѣло. Притащивъ ко мнѣ скамейку, Лернъ сѣлъ рядомъ съ моей головой и заговорилъ:

— Прежде всего, мой милый племянничекъ, я былъ не правъ, назвавъ тебя Юпитеромъ. Въ узкомъ смыслѣ этого слова я не превратилъ тебя въ быка и ты по-прежнему остался Николаемъ Вермонъ, потому что имя указываетъ всегда на опредѣленную личность, а это дается душой, а не тѣломъ. Такъ какъ съ одной стороны ты сохранилъ свою душу, а съ другой стороны ты знаешь, что душа помѣщается въ мозгу, тебѣ легко будетъ, взглянувъ на этотъ хирургическій наборъ, вывести заключеніе, что я самымъ спокойнымъ образомъ замѣстилъ мозгъ Юпитера—твоимъ, а его мозгъ помѣщается теперь въ твоихъ человѣческихъ лохмотьяхъ.

Ты скажешь мнѣ Николай, что это шутка довольно сомнительнаго характера... Ты не можешь разглядѣть сквозь нее ни грандіозную цѣль моихъ стремленій, ни цѣпь изслѣдованій и событій, которая привела меня къ этому. А между тѣмъ, эта маленькая буффонада въ стилѣ Овидія одно изъ звеньевъ этой цѣпи; но возможно, что она ничего тебѣ не разъясняетъ, потому что я занялся этимъ между прочимъ. Если хочешь, мы опредѣлимъ ее словами: эскизъ художника.

Нѣтъ, цѣль моей жизни представляется мнѣ не въ этой формѣ, забавной и не совсѣмъ доброжелательной— ты съ этимъ согласенъ, не правда-ли,—не дѣтской и не имѣющей предъ собой широкаго поля для эксплуатацій соціальнаго или коммерческаго характера.

Моя цѣль — это добиться перемѣщенія человѣческихъ личностей — и мои первые шаги на этомъ пути и были перемѣщенія мозговъ.

Ты знаешь мою давнишнюю страсть къ цвѣтамъ. Я всегда предавался съ неистовствомъ уходу за ними. Въ былое время моя жизнь была заполнена исполненіемъ моихъ хирургическихъ обязанностей, отъ которыхъ я отдыхалъ по праздникамъ, занимаясь цѣлыми днями уходомъ за цвѣтами и растеніями. Ну, такъ представь себѣ, что любимое занятіе повліяло на профессиональное: прививка подѣйствовала на хирургию, и въ госпиталѣ меня влекло заняться исключительно пересадками у животныхъ. Я специализировался въ этой области, страшно увлекся ею и въ клиникѣ сталъ испытывать такое же наслажденіе, какъ и въ оранжереѣ. Даже въ самомъ началѣ своей работы я смутно чувствовалъ, что между прививками растительнаго міра и пересадками животнаго— есть точка соприкосновеція, что-то общее, что я опредѣлилъ недавно путемъ строго логической и послѣдовательной работы... Впрочемъ, мы къ этому еще вернемся.

Когда я пристрастился къ опытамъ съ пересадками у животныхъ, эта область хирургіи была въ полномъ загонѣ.

По правдѣ говоря, со времени древнихъ индусовъ—первыхъ по врсмени, занимавшихся прививками—этотъ вопросъ не сдвинулся съ мѣста.

Но можетъ случиться, что ты забылъ принципы прививки. Не смущайся этимъ, я напому ихъ тебѣ сейчасъ.

Она основана, Николай, на слѣдующемъ фактѣ: каждая ткань обладаетъ самостоятельной жизнью, и тѣло животного представляетъ собою только среду, приспособленную для жизни каждой ткани въ отдѣльности, среду, которую онѣ могутъ покинуть, не умирая при этомъ въ теченіе большаго или меньшаго промежутка времени.

§ Ногти и волосы отрастаютъ послѣ смерти,—ты это знаешь — значитъ, они не умираютъ вмѣстѣ со смертью животного.

§ Умершій безъ прямого потомства обладаетъ еще въ теченіе 54 часовъ послѣ своей смерти главнымъ способомъ создать себѣ потомство. Къ сожалѣнію, онъ лишенъ другихъ необходимыхъ для исполненія этого приспособленій. Впрочемъ, говорятъ, что повѣшенные...

Я продолжаю перечисленіе примѣровъ:

§ При соблюденіи извѣстныхъ требованій влажности, притока кислорода, температуры, удалось сохранить живыми: отрѣзанный хвостъ крысы въ теченіе семи дней; ампутированный палецъ—въ теченіе четырехъ часовъ. Въ концѣ этого времени они умерли, но это не мѣшаетъ тому, что если-бы въ теченіе этихъ семи дней и четырехъ часовъ ихъ удачно вернули бы на мѣсто, они продолжали бы жить.

Эта процедура была въ свое врсмя использована индусами: когда у нихъ, въ видѣ наказанія, отрубали носы и сжигали ихъ, то они возстановляли исчезнувшій органъ, вырѣзывая кожу со спины самого потерпѣвшаго и прикрѣпляя ее на мѣсто носа, мой милый Николай.

Такая операція является первымъ шагомъ въ области пересадки органовъ у животныхъ и заключается въ замѣнѣ однихъ частей тѣла другими, взятыми у одного и того же лица.

Второй шагъ заключается въ томъ, чтобы соединить двухъ животныхъ, давъ имъ сростись ранами. Въ такихъ случаяхъ можно отрѣзать часть, прилежащую къ ранѣ одного, и она будетъ продолжать жить на другомъ.

Третій шагъ заключается въ томъ, что перенести часть одного организма на другой непосредственно. Это самый изящный способъ: имъ я и соблазнился. Эти операціи считались очень трудными и опасными по цѣлому ряду причинъ, изъ которыхъ главная та, что пересадка тѣмъ хуже удается, чѣмъ дальше на ступеняхъ родства объекты, подвергающіеся операціи. Пересадка великолѣпно удается на одномъ и томъ же животномъ, на отцѣ и сынѣ уже хуже и все хуже и хуже на двухъ братьяхъ, двоюродныхъ братьяхъ, на двухъ чужихъ другъ другу людяхъ, на нѣмцѣ и испанцѣ, на негрѣ и бѣломъ, на мужчинѣ и женщинѣ и на ребенкѣ и старцѣ.

Когда я выступилъ на арену, пересадка застряла на зоологическихъ семействахъ, а между разными классами совсѣмъ не удавалась.

А между тѣмъ, нѣсколько опытовъ составляло исключеніе; я основывался на нихъ, когда захотѣлъ свершить самое трудное, чтобы научиться сдѣлать самое простое: привить къ рыбѣ части птицы, или, наоборотъ, для того, чтобы умѣть состряпать составного человѣка. Я говорю: нѣсколько опытовъ.

§ Висманъ пересадилъ себѣ на руку перышко чирика, и когда черезъ мѣсяць вырвалъ его, то образовалась маленькая кровоточившая ранка.

§ Бороніо прирастилъ къ гребню пѣтуха крысиный хвостъ и крылышко чижа.

Нельзя сказать, чтобы это было много, но природа сама подбодряла меня.

§ Птицы постоянно скрещиваются самымъ безстыднымъ образомъ и получается масса ублюдковъ; это указывало мнѣ на возможность всякихъ пересадокъ въ этомъ мірѣ.

§ Кромѣ того, если еще дальше отойти отъ человѣка, то растительный міръ тоже обладаетъ значительной силой сращенія.

Вотъ въ короткихъ словахъ то положеніе, которое я засталъ по интересовавшему меня вопросу, и съ какими данными я принялся за работу.

Я забрался сюда, чтобы работать безъ помѣхъ.

И почти сразу мнѣ удались замѣчательныя операціи. Онѣ знамениты на весь міръ. Особенно одна. Ты навѣрное помнишь ее!

Извѣстный американскій милліардеръ, король консервовъ, Липтонъ, обладалъ всего однимъ ухомъ и хотѣлъ во что бы то ни стало получить второе. Какой-то несчастный бѣднякъ продалъ ему одно изъ своихъ за пять тысячъ долларовъ. Церемонію передачи совершилъ я. Пересаженное ухо скончалось только вмѣстѣ съ Липтономъ, два года спустя—отъ несваренія желудка.

Вотъ тогда-то, когда весь миръ апплодировалъ мнѣ и, какъ разъ въ то время, какъ внезапно захватившая меня страсть побуждала меня заработать какъ можно больше денегъ для того, чтобы окружить Эмму роскошью,—вотъ тогда-то и пришла мнѣ въ голову моя грандіозная идея, плодъ слѣдующихъ размышленій:

Если недовольный своею внѣшностью милліардеръ платитъ пять тысячъ долларовъ, чтобы немножко пріукрасить ее, то какихъ денегъ онъ не заплатитъ, чтобы совершенно переменить эту внѣшность и пріобрѣсти для себя—для своего мозга—новое тѣло, граціозное, молодое и сильное, вмѣсто своего стараго, потасканнаго и отвратительнаго. А, съ другой стороны, сколько я знаю субъектовъ, которые съ восторгомъ отдадутъ свою великолѣпную внѣшность въ обмѣнъ на возможность прображничать нѣсколько лѣтъ.

И замѣть, Николай, покупка другого, болѣе молодого тѣла не только доставляла удовольствіе гибкости, горячности и выносливости, но и представляла то громадное преимущество, что органы, перенесенные въ болѣе молодую среду, сами молодѣютъ и воскресаютъ. О, не я первый это утверждаю: Поль Берть уже допускалъ возможность прививки одного и того же органа послѣдовательно нѣсколькимъ тѣламъ, но мѣрѣ того, какъ каждое изъ нихъ дряхлѣло. Такъ что, онъ предвидѣлъ, что при помощи послѣдовательнаго омоложѣнія можно было дать возможность жить неопредѣленное время, внутри послѣдовательно мѣнявшихся организмовъ одному и тому же желудку, одному и тому же мозгу. Это было равносильно заявленію, что одна и та же личность можетъ существовать неопредѣленное количество лѣтъ, если ее послѣдовательно будутъ освобождать изъ отслужившихъ свое время оболочекъ.

Открытіе превзошло мои самыя смѣлыя ожиданія. Я не только преслѣдовалъ выборъ симпатичной внѣшности, нѣтъ: я держалъ въ рукахъ секретъ «безсмертія».

Такъ какъ главнымъ помѣщеніемъ «личности» служить головной мозгъ,—ты вѣдь знаешь, что спинной мозгъ служить только передаточнымъ пунктомъ и центромъ рефлексовъ, то надо было только добиться возможности пересаживать его, переносить съ мѣста на мѣсто.

Ну, конечно, отъ пересадки уха до пересадки мозга очень далеко. Но вся разница, въ сущности говоря, сводится къ ступенямъ, которыя раздѣляютъ: 1) хрящеватое вещество отъ мозгового и 2) побочный органъ отъ главнаго. Логика поддерживала мою увѣренность, тѣмъ болѣе, что логика основывалась на извѣстныхъ, научно зарегистрированныхъ прецедентахъ:

1) § Кромѣ прививокъ слизистой оболочки, кожи, хряща и т. д., въ 1861 г., Филиппо и Вюлпіанъ пересадили нервное вещество въ глазномъ нервѣ.

§ Въ 1880 г. Глюкъ замѣнилъ нѣсколько сантиметровъ бедренного нерва у курицы, нервами кролика.

§ Въ 1890 г. Томпсонъ вылушиваетъ нѣсколько кубическихъ сантиметровъ мозгового вещества у собакъ и кошекъ и заполняетъ образовавшееся отверстіе такимъ же количествомъ мозгового вещества другихъ собакъ и кошекъ или животныхъ д р у г о й п о р о д ы.

Вотъ, значитъ, доказательства того, что переходъ отъ хряща къ нерву и отъ уха къ мозговому веществу возможенъ. Теперь перейдемъ къ затрудненіямъ второго рода:

2) § Садовники сплошь и рядомъ прививаютъ цѣлые организмы.

§ Не ограничивансь пальцами, хвостами и лапами, Филиппо и Монтегацца пересаживали довольно важные органы: селезенку, желудокъ, языкъ. Они по желанію могутъ превратить курицу въ пѣтуха. Пробовали пересадить даже поджелудочную и щитовидную железы.

§ Оррель и Гютри въ 1905 г. въ Нью-Йоркѣ сообщили, что считаютъ возможнымъ замѣнить вены и артеріи человѣка венами и артеріями животныхъ.

Такимъ образомъ мы перешагнули отъ побочныхъ органовъ къ главнымъ.

§ Наконецъ, Монтегацца утверждалъ, что ему удалось пересадить костный и головной мозгъ лягушекъ.

Всѣ эти сообщенія вполнѣ опредѣленно указывали мнѣ, что мой проектъ исполнимъ. Слѣдовательно, я во что бы то ни стало добьюсь своего.

Я принялся за работу.

Меня остановило на первыхъ же шагахъ препятствіе: случилось такъ, что при отдѣленіи мозга отъ тѣла, погибало либо то, либо другое, а часто и оба, до того, какъ успѣешь соединить ихъ съ ихъ новыми спутниками.

Но и тутъ факты, обнародованные до этого времени, придали мнѣ смѣлости.

Что касается тѣла:

§ Животное можетъ прекрасно продолжать жить, обладая только частью мозга. Ты самъ видѣлъ полетъ спиралью голубя, лишеннаго трехъ четвертей своего головного мозга.

§ Часто случается, что обезглавленная утка улетаетъ на сотни метровъ отъ того мѣста, гдѣ валяется ея отрѣзанная голова.

§ Одинъ кузнечикъ прожилъ пятнадцать дней безъ головы. Пятнадцать! Надѣюсь, что это доказательный опытъ.

Что касается органовъ, то имѣлись факты, уже упомянутые раньше.

На основаніи всего этого, я выводилъ заключеніе, что при внимательномъ уходѣ тѣло и мозгъ д о л ж н ы быть въ состояніи прожить каждое въ отдѣльности тѣ нѣсколько минутъ, которыя были необходимы для совершенія операціи.

Какъ бы тамъ ни было, но медленность производ- ства операціи трепанаціи черепа навела меня на мысль примѣнить принципъ перемѣны головы, вмѣсто того, чтобы мѣнять мозги, такъ какъ я зналъ, что Броунъ Окаръ наполнивъ отрубленную голову собаки окислороженной кровью, добился того, что эта голова прожила четверть часа самостоятельно.

Къ этому періоду моихъ опытовъ принадлежатъ созданныя мною причудливыя существа: осель съ головой лошади, коза съ оленьей головой; мнѣ было бы пріятно ихъ сохранить, такъ какъ составлявшія ихъ животныя находились на довольно далекой ступени другъ отъ друга и получить ихъ путемъ скрещиванія мнѣ не удавалось, Увы, какъ разъ въ ночь твоего пріѣзда Вильгельмъ оставилъ ворота открытыми и эти чудища, достойныя фигурировать въ коллекціи «доктора Моро», убѣжали и скрылись вмѣстѣ съ многими другими, наблюденія надъ которыми не были еще окончены. Ты можешь похвастать, что попалъ въ Фонваль такъ же удачно, какъ болонка попала бы на крокетную площадку въ самый разгаръ игры...

Я продолжаю, но, чтобы избѣжать персуютомленія мозга, выздоравливающаго послѣ тяжелой операціи, я не стану подробно описывать, почему я бросилъ этотъ методъ, какъ я изобрѣлъ трепанъ Лерна съ круглой пилой, работающій съ феноменальной быстротой, шары для храненія мозговъ или искусственную мозговую оболочку, мазь для спаиванія нервовъ. Избавлю тебя отъ описаній пользы отъ впрыскиванія морфія, употребляемаго съ цѣлью сѣзуть кровеносные сосуды и тѣмъ уменьшить количество теряемой при операціи крови, отъ употребленія въ качествѣ анестизирующаго средства эфира, отъ методовъ обработки мозговыхъ полушарій, чтобы они тщательно приходились по размѣру предназначаемыхъ для нихъ мозговыхъ коробокъ и т. д., и т. д.

Благодаря всему этому я перемѣстилъ личности... (я съ трудомъ вспоминаю, какъ зовутъ это животное, ахъ, да) ...болонки и вяхиря—это было не дурно,—потомъ славки и гадюки, а затѣмъ карпа и чернаго дрозда: холодная кровь и горячая—это уже было превосходно. Въ сравненіи съ этими чудесами, моя главная цѣль—перемѣщеніе человѣческихъ особей превратилась въ игрушку.

Тутъ Карлъ и Вильгельмъ предложили свои услуги для окончательнаго опыта ...Это былъ классическій опытъ. Отто Клоцъ меня покинулъ... гм... въ Макъ-Беллѣ я не былъ увѣренъ, такъ что мнѣ пришлось оперировать самому съ помощью одного Іоанна и автоматическихъ машинъ.

...Успѣхъ! Ахъ, какіе славные ребята... Кому придетъ въ голову, что имъ ампутировали ихъ тѣла? А тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ съ этого дня обитаетъ тѣлесное жилище своего друга. Посмотри.

Лернъ подозвалъ своихъ помощниковъ, и поднявъ волосы на затылкѣ, показалъ мнѣ темно багровые рубцы. Оба нѣмца улыбнулись другъ другу, и не могъ удержаться отъ восхищенія ихъ выдержкой.

Дядя снова заговорилъ:

— Слѣдовательно, мое богатство было обезпечено. Вмѣстѣ съ тѣмъ я пріобрѣталъ славу, счастье Эммы и ея любовь, что я считаю своимъ самымъ необыкновеннымъ и дорогимъ мнѣ счастьемъ, Николай.

Но мало было сдѣлать открытіе, надо было примѣнить его практически.

По правдѣ сказать, одно обстоятельство наводило на меня уныніе. Я говорю о вліяніи духа на тѣло и наоборотъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, оперированные мною измѣнялись. Если я снабжалъ тѣло болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ тотъ, что былъ въ немъ раньше, мозгъ дѣйствовалъ разрушающимъ образомъ на тѣло и, напримѣръ, свиньи, которымъ я пересадилъ мозгъ собакъ, дѣлались хилыми, худѣли и быстро околѣвали. Наоборотъ, если пересаженный мозгъ менѣе культуренъ, чѣмъ прежній, то онъ поддается вліянію тѣла, и составное животное становится все жирнѣе и глупѣе. Это роковое, неизбѣжное правило. А иногда тѣло обладаетъ настолько могучими инстинктами, что перерабатываетъ мозгъ соотвѣтственно своимъ инстинктамъ: одинъ изъ моихъ волковъ, милый мой, сдѣлалъ жестокимъ мозгъ ягненка, пересаженный въ его тѣло. Но у моихъ будущихъ пациентовъ— у людей—это неудобство не должно было вести къ большимъ переменамъ характера или здоровья. Это было бы смѣшно и нисколько не останавливало моихъ плановъ.

Не желая оставлять Макъ Белля около Эммы, я отправилъ его въ Шотландію, а самъ направился въ Америку, въ страну рѣшительныхъ людей, милліардовъ, и замѣненныхъ ушей, которая казалась мнѣ наиболѣе подходящей для приведенія моихъ плановъ въ исполненіе. Это было два года тому назадъ.

На слѣдующій день послѣ того, какъ я высадился на берегъ, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи тридцать пять субъектовъ, готовыхъ пожертвовать своими безукоризненными фигурами въ пользу тридцати пяти щедрыхъ

милліардеровъ, которыхъ мнѣ надо было найти, уговорить, увѣрить и убѣдить.

Полный провалъ!

Я началъ переговоры съ самыми ужасными и худосочными.

Одни приняли меня за сумасшедшаго и выгнали вонъ.

Другіе разсердились на меня и, поглядывая на меня косыми глазами, выставяя свою впалую грудь, или раскачиваясь на своихъ кривыхъ ногахъ, удивлялись что нашелся смѣльчакъ, говорящій имъ, что они некрасивы.

Умирающіе были твердо убѣждены, что они на пути къ выздоровленію. Во всякомъ случаѣ, въ это они вѣри-ли гораздо тверже, чѣмъ въ то, что они не умрутъ подъ эфиромъ.

Нашлись такіе, которые испугались. «Это значитъ испытывать долготерпѣніе Божіе». Они отскакивали отъ меня, какъ отъ дьявола, и охотно окропили бы меня святой водой... Сколько я имъ не доказывалъ, что человѣкъ больше мѣняется въ теченіе своей жизни, чѣмъ они измѣнятся подъ моимъ операціоннымъ ножомъ, что религіозная мораль значительно ушла впередъ съ 1670 года, когда отлучили отъ церкви одного русскаго за то, что его черепъ починили собачьей костью, ничего не помогло.

Многіе разсуждали такъ: «Всякій знаетъ, что онъ имѣетъ. Почему знать, что получишь взамѣнъ?»

Повѣришь ли ты? Женщины чуть не спасли меня. Ихъ пришла цѣлая толпа съ требованіемъ передѣлать ихъ въ мужчинъ. Къ несчастью, мои субъекты, за исключеніемъ двухъ или трехъ смѣльчаковъ, категорически отказались перейти въ женское тѣло.

Отчаявшись въ успѣхѣ, я попытался соблазнить ихъ заманчивой перспективой вѣчнаго существованія, такъ какъ жизнь возобновлялась бы при повторномъ перевоплощеніи:—«Жизнь,—отвѣтили мнѣ семидесятилѣтніе старцы, и такъ слишкомъ длинна, такая, какою ее создалъ Богъ. У насъ только одно желаніе—умереть». «Но вмѣстѣ съ молодостью я верну вамъ всѣ желанія». «Спасибо! Все

наше желаніе заключается въ томъ, чтобы не быть услышанными»...

Возмужалые люди часто возражали мнѣ: «Очарованіе пріобрѣтеннаго опыта стоитъ того, чтобы его не уменьшить, и не стоитъ портить его изъ-за стремленій молодого тѣла и крови юноши».

Все же нашлось нѣсколько послѣдователей Фауста, готовыхъ подписать контрактъ, который вернетъ имъ молодость.

Но всѣ эти набобы представляли мнѣ одно и то же возраженіе: опасность операціи, безсмысліе рисковать потерять совсѣмъ жизнь въ погонѣ за обновленіемъ ея. Видишь ли, Николай, на операцію рѣшались безъ задней мысли о смерти только молодые люди, которымъ нечего было терять и которые знали это.

Сообразивъ, что надо найти способъ доказать полную безопасность операціи, я рѣшился продолжать свои опыты, но уже безъ иллюзій, и зная навѣрное, что даже, если я этого добьюсь, все же количество паціентовъ будетъ очень маленькимъ, но зная въ тоже время, что и этого количества будетъ довольно, чтобы обезпечить мое богатство и мое счастье. Только и то и другое приходилось отложить въ долгій ящикъ.

Я вернулся въ Фонваль, разстроенный, огорченный, съ ненавистью ко всему и всѣмъ въ сердцѣ. Я накрылъ Эмму и Донифана; болѣе неумолимаго судью трудно было найти—я отомстилъ. Ты вѣдь угадалъ, не правда ли? Вчера оба Макъ Белля увезли съ собой мозгъ Нелли, а душа Донифана заключена въ тѣлѣ сень-бернара. За одно и тоже преступленіе васъ обоихъ постигло одно и то же наказаніе. Соломонъ не произнесъ бы болѣе справедливаго приговора, а Цирцея не исполнила бы его лучше, чѣмъ это сдѣлалъ я.

Тѣмъ не менѣе, я упорно работалъ, племянничекъ, несмотря на твое нашествіе и на то, что наблюденіе за твоими поступками отнимало у меня много времени, и я надѣюсь

черезъ нѣсколько дней сдѣлать первый опытъ перемѣщенія личности безъ хирургическаго вмѣшательства.

Представь себѣ, что я догадался не прерывать зачатій съ прививками у растеній. Я довель ее до высокой степени совершенства, и мои открытія въ этой области въ связи съ тѣмъ, чего я добился въ области зоологическихъ пересадокъ почти исчерпываютъ всю науку о прививкахъ. Комбинируя эти знанія съ другими, мнѣ кажется, что я нашелъ то рѣшеніе, котораго добивался. Ученые дѣлаютъ слишкомъ мало обобщеній, Николай. Мы влюблены въ мелкія единицы, мы увлекаемся безконечно малыми величинами, у насъ манія анализа и мы наблюдаемъ природу, не отрывая глаза отъ микроскопа. А между тѣмъ для половины нашихъ изслѣдованій надо было бы обладать совсѣмъ другимъ инструментомъ, показывающимъ общій видъ, инструментомъ оптическаго синтеза, или, если ты предпочитаешь—мегалоскопомъ.

Я предвижу открытіе колоссальнаго значенія...

И подумать только, что не будь Эммы, я, презирая деньги, никогда не дошелъ бы до этихъ открытій. Любовь создала честолюбіе, а оно приводитъ къ славѣ... Кстати, племянничскъ: ты былъ очень близокъ къ тому, чтобы быть облеченнымъ въ тѣло профессора Фредерика Лерна: да, она съ такой силой полюбила тебя, милѣйшій, что я подумывалъ переодѣться въ твое тѣло, чтобы она перенесла свою любовь на меня. Это былъ бы лучшій реваншъ... и достаточно пикантный! Но мнѣ еще нужна на нѣкоторое время моя ветхая оболочка; у меня еще есть время, чтобы избавиться отъ этого хлама... А, впрочемъ, развѣ твоя обольстительная внѣшность не находится у меня всегда подъ рукой?

При этихъ сарказмахъ, я заплакалъ горькими слезами. Дядя продолжалъ, притворяясь, что сочувствуетъ мнѣ:

— Ахъ, я злоупотребляю твоею бодростью, мой милый больной. Отдохни. Надѣюсь, что удовлетвореніе любопытства принесетъ тебѣ возстановливающій силы сонъ. Ахъ,

да, я и забылъ: не волнуйся изъ-за того, что внѣшній міръ кажется тебѣ другимъ, чѣмъ до сихъ поръ. Между прочимъ, предметы должны тебѣ казаться плоскими, какъ на фотографической карточкѣ. Это происходитъ потому, что на большую часть предметовъ ты смотришь однимъ только глазомъ. Слѣдовало бы сказать, что у многихъ животныхъ зрѣніе не стереоскопично. Разные глаза, разные виды; новые уши, новые звуки; все въ этомъ родѣ, но это пустяки. Даже у людей всякій по своему оцѣниваетъ то, что видитъ. По привычкѣ мы называемъ опредѣленный цвѣтъ «краснымъ», но есть такіе люди, которые, называя цвѣтъ «краснымъ», воспринимаютъ впечатлѣніе «зеленаго»,—это часто случается—или темносиняго... Ну, спокойной ночи.

Нѣтъ, мое любопытство не было удовлетворено. Но не отдавая себѣ въ этомъ отчета, я не могъ выяснитъ тѣ пункты, которые дядя обошелъ молчаніемъ въ своемъ разсказѣ, потому что величина свалившагося на меня несчастья мутила мой разумъ и цирцейская операція оставила послѣ себя непріятное чувство насыщенности парами эфира, которые разстраивали мой человѣческій разумъ и бычачье сердце.

ХІ. НА ПАСТБИЩѢ.

За восемь дней, проведенныхъ въ лабораторіи, въ теченіи которыхъ за мной ухаживали и пичкали всякими лекарствами съ цѣлью поскорѣе поставить на ноги и вернуть здоровье, я переиспыталъ все, что полагается послѣ такихъ тяжелыхъ потрясеній: припадки отчаянія смѣнялись полнымъ упадкомъ силъ.

Каждый разъ просыпаясь даже послѣ легкой дремоты, я надѣялся, что видѣлъ все это во снѣ. Нужно замѣтитъ, что ощущенія, которыя я испытывалъ при пробужденіи, поддерживали мои надежды, но онѣ тотчасъ же разсѣивались. Общеизвѣстно, что подвергшіеся ампутаціи

какого-нибудь члена, терпятъ сильныя мученія и имъ кажется, что боль сосредоточена въ той конечности, которая у нихъ ампутирована и которая кажется имъ находящейся еще на своемъ мѣстѣ. У нихъ болятъ отрѣзанныя руки и ноги. Если принять во вниманіе, что у меня болѣли отсутствующія руки, мои человѣчьи ноги и что эта боль вызвала у меня ощущеніе, будто мое тѣло при мнѣ,—то тѣло, которое у меня ограбили.

Это явленіе повторялось все рѣже, все въ болѣе слабой степени и, наконецъ, исчезло.

Но горе и грусть проходили гораздо медленнѣе. Тѣ писатели, которые описывали эти превращенія для забавы другихъ—Гомеръ, Овидій, Апулей, Пэрро,—и не подозрѣвали, какой трагедіей сопровождались бы эти явленія, если бы они осуществились. Въ сущности, какую драму переживаетъ «Осель» Люція! Какъ мучительно прошла для меня эта недѣля діеты и принужденной бездѣятельности! Чувствуя себя мертвымъ, какъ человѣкъ, я трусливо ждалъ мученій вивисекціи и скорой старости, которая должна была принести съ собой конецъ всему... не позже чѣмъ черезъ пять лѣтъ...

Несмотря на угнетавшую меня тоску, я выздоровѣлъ. Какъ только Лернъ это замѣтилъ, меня выгнали на пастбище.

Европа, Аторъ и Іо галопомъ помчались ко мнѣ на встрѣчу. Какъ мнѣ не стыдно признаваться въ этомъ, но откровенность вынуждаетъ меня отмѣтить тотъ фактъ, что онѣ показали мнѣ неожиданно граціозными. Онѣ радостно окружили меня и, какъ ни боролась моя душа противъ этого чувства, внушеннаго мнѣ, должно быть, проклятымъ спиннымъ мозгомъ,—я почувствовалъ себя польщеннымъ. Но вдругъ онѣ умчались отъ меня, должно быть удивленные тѣмъ, что не получаютъ отвѣта на какой-нибудь непонятный мнѣ вопросъ или же испуганные какимъ-нибудь предчувствіемъ.

Долгіе дни мнѣ не удавалось приручить ихъ, несмотря на всѣ хитрости, примѣняемыя людьми въ такихъ случаяхъ. Въ концѣ концовъ я подчинилъ ихъ своей власти энергичными пинками. Это приключеніе даетъ обширный матеріалъ для философскаго сочиненія и я, пожалуй, охотно бы написалъ диссертацию на эту тему, если-бы такія вставки не нарушали, и совершенно безцѣльно, ходъ разсказа великолѣпнымъ, но неумѣстнымъ загроможденіемъ.

Въ данную минуту, раздосадованный пріемомъ моихъ рогатыхъ дамъ и интересуясь ими постольку, поскольку мое состояніе выздоравливающаго и шаткая походка позволяла мнѣ это, я мирно принялся за траву.

Тутъ начинается очень интересный на первый взглядъ періодъ: періодъ моихъ наблюденій надъ собой въ моемъ новомъ положеніи. Наблюденія эти настолько заинтересовали меня, что мнѣ удалось заставить себя посмотрѣть на тѣло быка, какъ на мѣсто для путешествія, какъ на мѣсто временнаго изгнанія, какъ на неизслѣдованную область, полную всякихъ неожиданностей, но изъ которой можетъ случиться, что мнѣ удастся бѣжать. Потому что достаточно какой-нибудь мѣстности быть не особенно непріятной, чтобы можно было примириться съ временнымъ пребываніемъ въ ней.

И пока продолжался этотъ періодъ приспособленія моей человѣческой души къ оболочкѣ животнаго, я, право, жилъ довольно счастливо.

Дѣло въ томъ, что предо мной совершенно неожиданно открылся, дѣйствительно, новый міръ, міръ примитивныхъ привычекъ тѣхъ, съ которыми я пасся. Точно такъ же, какъ и глаза, уши и носъ посылали моему мозгу неиспытанные до сихъ поръ зрѣлища, звуки и запахи, и языкъ мой, снабженный совсѣмъ иными сосочками, доставлялъ мнѣ оригинальныя вкусовыя впечатлѣнія. Животныя необычайно тонко воспринимаютъ вкусовыя впечатлѣнія, такъ тонко, какъ намъ и не снилось. Изысканная кухня гастронома не дастъ ему столько радостей двѣнадцатью

перемѣнами блюдъ, сколько извлечетъ быкъ изъ небольшо-го участка луга. Я не могъ удержаться отъ сравненія той пищи, которой я теперь питался, съ той, которой наслаж-дался, будучи чело-вѣкомъ. Между кашкой и медункой больше разницы на вкусъ, чѣмъ между жареной камбалой и кускомъ дикой козы подъ соусомъ шассеръ. Для травояд-наго всякая травка, всякій листочекъ имѣетъ свою особую прелесть и пикантность: ромашка чуть чуть прѣсна, черто-полохъ—наперченъ, но все это не можетъ сравниться съ ароматнымъ и многообразнымъ для вкуса сѣномъ... Пажить представляетъ собой всегда прекрасно сервированный столъ, за которымъ постоянно можно удовлетворить самый изысканный вкусъ самому требовательному гастроному.

Вода постоянно мѣняется на вкусъ въ зависимо-сти отъ погоды и времени дня: то она кисловата, то солона, то сладковата, утромъ прозрачнѣе и легче, къ вечеру тяжелѣе, сиропообразнѣе. Я не могу описать всю ея прелесть и ду-маю, что покойные олимпійцы, составивъ мстительное и насмѣшливое завѣщаніе, оставили въ наслѣдіе людямъ только смѣхъ, а остальнымъ животнымъ завѣщали рѣдкую привиллегію наслаждаться амброзіей на душистыхъ поляхъ и лугахъ и нектаромъ у всѣхъ источниковъ.

Я научился наслаждаться жвачкой и понялъ, почему быки такъ задумчивы во время пищеваренія, такъ какъ и самъ привыкъ наслаждаться имъ въ то время, какъ дивный аромат луга дарилъ меня цѣлой симфоніей очарователь-ныхъ запаховъ.

Продолжая развивать свои способности и впечатли-тельность, я испыталъ странные ощущенія... Я сохранилъ самое лучшее и пріятное воспоминаніе о своемъ носѣ—центральномъ мѣстѣ своихъ воспріятій: это былъ безошибочный пробный камень, тонко различавшій плохія зерна отъ хорошихъ, предупреждавшій о приближеніи врага, прекрасный кормчій и совѣтникъ, нѣчто вродѣ властной и настойчивой совѣсти, оракулъ, отвѣчающій простымъ да или нѣтъ, никогда не измѣняющій, которому всегда охотно

подчиняешься. Интересно знать, не доставилъ ли Юпитеру, когда онъ превратился въ быка, чтобы похитить принцессу Европу, носъ быка больше удовольствія, чѣмъ все это, въ сущности, довольно отвратительное приключеніе...

Хорошо, впрочемъ, что я занялся этими наблюденіями, не откладывая ихъ въ долгій ящикъ, потому что скоро цѣлый рядъ недомоганій лишилъ меня необходимаго для наблюденій и опытовъ спокойствія духа. У меня начались мигрени, насморки, заболѣли зубы—словомъ все то, что такъ привычно для людей XX вѣка. Я похудѣлъ. Меня преслѣдовали мрачныя мысли. Сначала это было вызвано властью духа надъ тѣломъ, о которомъ говорилъ мой дядя, а потомъ случилось два факта, послѣ которыхъ мое состояніе рѣзко ухудшилось.

Послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, вызваннаго, какъ я думаю, болѣзнью, послѣдовавшей за ея страшнымъ испугомъ, Эмма появилась вновь. Безъ всякаго волненія я увидѣлъ ее сначала въ окнѣ второго этажа, потомъ въ нижнемъ этажѣ, а затѣмъ и внѣ замка. Она выходила ежедневно подъ руку со своей служанкой и прогуливалась по парку, тщательно избѣгая подойти къ лабораторіи, въ которой Лернъ продолжалъ работать со своими помощниками безъ устали. Я не думалъ, что она будетъ такъ плохо выглядѣть и что глаза ее будутъ такъ печальны. Она шла медленно, блѣдная, съ широко раскрытыми покраснѣвшими, точно отъ бессонныхъ ночей глазами. Во всемъ ея видѣ отражался въ довольно привлекательномъ видѣ трауръ по погибшей любви и тяжесть угрызений совѣсти. Итакъ, значить, она продолжала любить меня и думала, что меня постигла та же участь, что и Клоца, а не Макъ-Белля, настоящую судьбу котораго она такъ и не знала. Она могла считать меня или трупомъ, или бѣглецомъ. Правды она не знала.

Съ каждымъ днемъ я все съ большимъ благоговѣніемъ сопровождалъ ее, насколько могъ. Отдѣленный отъ нея колючей проволокой, я пытался дѣлать движенія и говорить.

Но Эмма пугалась быка, его скачковъ и рева. Она ничего не могла понять, такъ же, какъ и я не понималъ Дониѳана, заключеннаго въ тѣло Нелли. Изрѣдка, когда, пытаюсь сдѣлать какой-нибудь человѣческій жестъ, тяжесть моего четвероногаго тѣла придавала этой попыткѣ странный и бессмысленный характеръ, Эмма забавлялась этимъ, и слабая улыбка показывалась на ея устахъ...

И я самъ поймалъ себя на томъ, что сталъ продѣлывать это нарочно.

Такъ что, мало-по-малу, любовь вернула себѣ утраченные права и снова стала терзать меня.

Но вернулась любовь и привела съ собой и ревность. Оттого-то я и сталъ такъ быстро терять силы, что муки ревности изводили меня.

Но и ревность явилась не въ одиночествѣ, а сопровождаемая какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ...

Между пастбищемъ и прудомъ находился шестиугольный павильонъ, тотъ самый забавный кіоскъ, который я въ дѣтствѣ называлъ великаномъ Бріареемъ. Лернъ не постѣснялся увеличить мои страданія, поселивъ въ немъ мое тѣло. Я видѣлъ, какъ помощники принесли туда простую мебель, а потомъ привели это существо... И съ этого дня оно не отходило отъ окна, бессмысленно смотря на меня.

У него отросли волосы на головѣ и бородѣ. Фигура его разжирѣла и отяжелѣла до того, что костюмъ выглядѣлъ на немъ точно сшитымъ въ молодости, щеки были толсты и отвислы, глаза—мои глаза, миндалевидной формой которыхъ я такъ гордился,—округлились и были выпучены, какъ у быка. Человѣкъ съ мозгомъ быка становился похожимъ внешнестью на Дониѳана, только у него было больше звѣринаго и меньше добродушія въ выраженіи лица, чѣмъ у того. Мое бѣдное тѣло сохранило нѣкоторые свойственные мнѣ привычные жесты: онъ изрѣдка подергивалъ плечами—привычка, отъ которой я никакъ не могъ отдѣлаться,—такъ что выглядѣло, точно это отвратитель-

ное существо издѣвается, надо мной, стоя за окошком кіоска. Очень часто при закатѣ солнца онъ принимался орать; мой чудный баритональный голосъ въ его устахъ превратился въ безсмысленный и негармоничный крикъ гориллы. Въ отвѣтъ на его крики раздавался со двора лаборато-ріи болѣзненный ревъ бѣднаго превращеннаго въ собаку, Макъ-Белля, и я не могъ отдѣлаться отъ непреодолимаго желанія излить свою тоску и злобу въ крикъ,—и весь Фонваль оглашался дикими звуками этого чудовищнаго терцета.

Эмма замѣтила, что въ кіоскѣ кто-то живетъ.

Какъ разъ въ этотъ день она шла съ Варварой вдоль пастбища. Я, по обыкновенію, проводилъ ихъ до маленькой рощицы, пересѣченной дорогой и ждалъ ихъ выхода съ другой стороны рощицы, образовывавшей нѣчто вродѣ тоннеля, въ которомъ ворковали голуби.

Онѣ вышли оттуда, но внезапно остановились.

Эмма вдругъ перевоплотилась. Я увидѣлъ ее такой, какой я любилъ ее видѣть: съ трепещущими ноздрями, съ полузакрытыми дрожащими рѣсницами глазами, съ бурно вздымающейся грудью. Она со всей силы сжимала руку Варвары:

— Николай,—прошептала она.—Николай!..

— Чего?—спросила служанка.

— Да вотъ тамъ, тамъ!.. Что жъ ты ослѣпла?..

И въ то время, какъ въ густой листвѣ голуби ворковали и ласкали другъ друга, Эмма указала Варварѣ на существо, стоявшее у окна кіоска.

Оглянувшись и убѣдившись, что ея не видно изъ лабораторіи, Эмма сдѣлала ему нѣсколько знаковъ, послала нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ. Но у владѣльца моего тѣла была достаточно уважительная причина, чтобы абсолютно ничего не понять. Онъ пялилъ свои круглые глаза, стоялъ съ отвисшей губой и употреблялъ все находившіяся въ его распоряженіи мѣры къ тому, чтобы придать моему

тѣлу, объ утратѣ котораго я такъ горько сожалѣлъ, видѣ совершеннѣйшаго кретина.

— Сумасшедшій!—сказала Эмма.—Этотъ тоже сошелъ съ ума! Лернъ и его свелъ съ ума, какъ Макъ-Белля!

Тутъ моя славная, милая дѣвушка разрыдалась, и я почувствовалъ, какъ гнѣвъ закипаетъ въ моей крови.

— Только,—посовѣтовала служанка,—только не вздумайте подойти близко къ кіоску: его видно со всѣхъ сторонъ.

Эмма отрицательно замотала головой, осушила слезы, легла, въ позѣ сфинкса, на траву: внизъ животомъ, опершись на руки и долго съ любовью смотрѣла на этого молодца, вспоминая, должно быть, о наслажденіяхъ, подаренныхъ имъ ей. Стоявшаго у окна скота эта поза, повидимому, заинтересовала гораздо больше, чѣмъ предыдущіе манеры.

Эта сцена выходила изъ границъ смѣшного и ужаснаго! Эта женщина, влюблена въ мое тѣло, въ которомъ я больше не находился! Эта женщина, которую я безумно любилъ, любила животное! Какъ спокойно примириться съ такимъ положеніемъ вещей?.. А я вѣдь зналъ, по ея отношенію къ Макъ Беллю, что страсть Эммы не останавливается передъ сумасшествіемъ и что мое тѣло въ теперешнемъ видѣ должно было ей еще больше нравиться, потому что оно производило впечатлѣніе атлетическаго...

Я обезумѣлъ отъ ярости. Въ первый разъ испыталъ власть своего дикаго тѣла. Въ припадкѣ бѣшенства, задыхаясь, фыркая, съ пѣной у рта, я носился по всѣмъ направленіямъ, по полю, рылъ землю копытами и рогами и чувствовалъ, какъ во мнѣ бушуетъ желаніе убить кого-нибудь... все равно кого...

Съ этой минуты ненависть наполнила мою жизнь, дикая ненависть къ этому сверхестественному животному, къ этому неуклюжему Минотавру, который прсвратилъ Броселіанду въ шутовской Критъ съ его лѣснымъ лабиринтомъ... Я ненавидѣлъ это тѣло, которое у меня украли, я

ревновалъ къ нему, и часто случалось,—когда Юпитеръ—Я и Я—Юпитеръ смотрѣли другъ на друга, взаимно тоскуя объ утерянныхъ нами тѣлахъ, что меня снова охватывали припадки неукротимой ярости. Я бросался во всѣ стороны, задравъ хвостъ, съ пѣной у рта, съ дикимъ ревомъ, съ опущенными рогами, готовый растерзать и жаждущій этого, какъ жаждутъ объятія весной. Коровы сторонились и укрывались, какъ только могли. Всѣ звѣри и птицы въ саду боялись взбѣсившагося быка; однажды даже проходившій случайно мимо Лернъ убѣжалъ во всѣ лопатки.

Жизнь сдѣлалась для меня невыносимой тяжестью. Я исчерпалъ всѣ удовольствія наблюдений, и мое новое помѣшеніе ничего, кромѣ огорченій и непріятностей, не доставляло мнѣ больше. Я медленно угасалъ. Питаніе потеряло для меня свой ароматъ, вода вкусъ, а общество коровъ сдѣлалось мнѣ ненавистнымъ. Наоборотъ, старыя привычки воскресли, вернулись и терзали невыносимо: до смерти хотѣлось поѣсть мяса и... покурить... Не правда-ли, это прямо невѣроятно! Но были еще обстоятельства, не столь забавныя и смѣшныя, я до того боялся лабораторіи, что дрожалъ всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ помощниковъ приближался къ пастбищу, а изъ страха, чтобы меня не связали ночью, во снѣ, я совершенно пересталъ спать.

Но и это не все. Я убѣдилъ себя, что дальнѣйшее пребываніе моего мозга въ черепѣ жвачнаго животнаго сведетъ меня съ ума. Произойдетъ это изъ-за припадковъ неукротимой ярости. Припадки все учащались. А поведеніе Эммы вовсе не способствовало уменьшенію ихъ числа. Наоборотъ.

И на самомъ дѣлѣ, моя прекрасная подруга все чаще бродила вокругъ да около кіоска, а на лицѣ Минотавра все яснѣе проступало выраженіе вождельнія. По правдѣ говоря, въ эти минуты онъ былъ вполне похожъ на человѣка; вотъ до чего похоть дѣлаетъ насъ похожими на скотовъ. Эмма смотрѣла съ удовольствіемъ на это жестокое лицо, на которомъ ни одна черточка не вздрагивала, а глаза горѣли

надъ пунцовыми скулами; такое же выраженіе лица я встрѣчалъ и раньше у людей, предающихся разврату, выраженіе, которое могло бы привести въ смущеніе самую невинную дѣвушку... Ну, развѣ можетъ быть, чтобы у бога любви было такое лицо, лицо алчнаго убійцы. И развѣ можно удивляться, что столько любовницъ закрывасть глаза при поцѣлуяхъ этого бога.

Итакъ, Эмма съ наслажденіемъ разглядывала эту мерзкую фізіономію и не замѣчала, какъ слѣдившій за ней Лернъ радостно потираетъ руки, видя ея ошибку.

Онъ смѣялся! Да, какъ философъ, чтобы не заплакать. Онъ, повидимому, понялъ, что Эмма никогда его не полюбитъ, и профессоръ плохо переносилъ свое разочарованіе. Онъ старѣлъ день ото дня и убивался за работой.

На террасѣ лабораторіи и на крышѣ замка установили какія-то машины, управленіемъ которыхъ онъ былъ очень заинтересованъ. Надъ машинами возвышались характерныя мачты, а такъ какъ въ глубинѣ обоихъ зданій часто раздавались звонки, то я рѣшилъ, что это приспособленія для беспроволочнаго телеграфа и телефона.

Какъ-то утромъ Лернъ занялся темъ, что заставилъ продѣлать рядъ эволюцій какую-то лодченку, игрушечную миноноску на прудѣ. Онъ управлялъ ею съ берега при помощи аппарата, тоже снабженнаго небольшою мачтой. Телемеханика! Было совершенно ясно: профессоръ изучалъ способы сообщеній на разстояніи безъ посредниковъ. Новый методъ для перевоплощенія личностей?.. Очень можетъ быть!

Я пересталъ обращать на это вниманіе. Счастливый исходъ моихъ приключеній казался мнѣ теперь несбыточнымъ чудомъ; слѣдовательно, я не узнаю ни будущаго открытія, ни прошлыхъ секретовъ, которыми была затемнена жизнь моего дяди и его помощниковъ.

А между тѣмъ, именно въ размышленіяхъ и стараніяхъ разгадать эти послѣдніе, я проводилъ безсонныя ночи и бездѣятельныя дни. Но я ничего не могъ открыть новаго.

Можетъ статья, впрочемъ, что мой мозгъ отяжелѣлъ, потому что не удержалъ въ памяти, среди повседневныхъ фактовъ, о которыхъ я только что рассказалъ, нѣсколькихъ, которымъ въ своемъ рассказѣ Лернъ придавалъ исключительное значеніе и подробный разборъ которыхъ далъ бы мнѣ надежду на спасеніе.

Въ срединѣ сентября мое избавленіе все-таки наступило, безъ того, чтобы я могъ его предвидѣть, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Съ нѣкотораго времени платоническая связь Эммы съ Минотавромъ дѣлалась все тѣснѣе. Они испытывали все большее наслажденіе, разглядывая другъ друга.

Чудовище, свыкшееся съ моимъ тѣломъ, начало дѣлать жесты. Они носили характеръ примитивной распущенности.

Что касается Эммы, которую эти жесты орангутанга нисколько не отпугивали, то она усвоила себѣ тактику находиться подъ прикрытіемъ лѣска. Тамъ, невидимая для всѣхъ, кромѣ этого ужаснаго разгильдяя, который пародировалъ меня, какъ плохой актеришка, она могла, не боясь нескромныхъ взоровъ, совершенно свободно предаваться той мимикѣ, которой балерины изображаютъ пылкую страсть: выразительнымъ взглядомъ, воздушнымъ поцѣлуямъ, посылаемымъ розовыми кончиками ея бѣлыхъ пальцевъ и цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ кривляній и гримасъ. По крайней мѣрѣ, я не хочу иначе истолковывать ея взгляды и тѣлодвиженія... Но развѣ этого было бы достаточно, чтобы довести это животное до остервененія?..

Да, представьте себѣ! Эта мерзость случилась!..

Какъ-то днемъ, въ то время, какъ я старался подглядѣть Эмму, скрывавшуюся въ тѣни лѣска, откуда она соблазняла поддѣльнаго Николая, слышался страшный звонъ и трескъ разбиваемыхъ стеколъ. Минотавръ, потерявъ терпѣніе, разбилъ и выскочилъ въ окно кіоска. Нисколько не заботясь о моемъ несчастномъ телѣ, онъ бѣжалъ,

расцарапанный, растрепанный, обливаясь кровью и ревя страшнымъ голосомъ.

Мнѣ показалось, что Эмма вскрикнула и хотѣла убѣжать. Но дикое существо уже скрылось за деревьями.

Тутъ я услышалъ шумъ топота ногъ за своей спи- ной. При звукѣ разбитыхъ стеколъ Лернъ и его помощники вы-скочили изъ лабораторіи; они замѣтили побѣгъ и мчались во весь духъ къ роковому лѣсу. Къ несчастью, помощники Лерна боялись моей близости и кругъ, который имъ прихो-дилось дѣлать, чтобы избѣжать встрѣчи со мной, значи-тельно удлинялъ ихъ путь. Лернъ былъ предприимчивѣе и бѣжалъ напрямикъ черезъ пастбище, перебравшись черезъ колючую изгородь и разодравъ при этомъ свой костюмъ. Увы... онъ былъ старъ и бѣжалъ медленно... Они всѣ прибѣгутъ слишкомъ поздно... Это ужасно!.. невыносимо ужасно!...

Нѣтъ! Я этого не допущу!

Я со всей силы бросился на изгородь и разорвалъ ее, не обращая вниманія на острія проволоки, вонзившіяся въ мою грудь и ноги. Однимъ прыжкомъ я былъ въ лѣсу...

Картина, которую я увидѣлъ, была достойна того, что-бы ею восторгаться...

Проникавшіе сквозь густую листву лучи солнца броса-ли яркія пятна на зеленый коверъ травы. На самомъ краю дороги лежала блѣдная, измученная Эмма съ закрытыми глазами; платье ея было въ страшномъ безпорядкѣ; по вы-рывавшимся изъ полуоткрытаго ротика жалобнымъ, нѣжнымъ стонамъ и вздохамъ я безошибочно могъ судить о томъ, что произошло. Вѣдь такъ недавно я самъ былъ геро-емъ такихъ же эпилоговъ. Передъ ней стоялъ, безсмыслен-но вытаращивъ глаза въ самомъ неприличномъ видѣ мой псевдодвойникъ.

Но я недолго наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Въ гла-захъ у меня засверкали всѣ звѣзды полночнаго неба. Кровь моментально закипѣла у меня въ жилахъ. Неукротимая ярость бросила меня съ опущенными рогами впередъ. Я

ударилъ что-то, что тутъ же упало къ моимъ ногамъ, съ розмаху пробѣжалъ по этому всѣми четырьмя копытами, обернулся и сталъ топтать, топтать, топтать...

Вдругъ я, сквозь туманъ услышалъ задыхающійся голосъ дяди:

— Эй, мой другъ, остановись,—ты убиваешь самого себя!..

Мое сумасшествіе испарилось. Завѣса спала съ моихъ глазъ. Я увидѣлъ:

Красавица, пришедшая въ себя, сидѣла на землѣ, смотрѣла широко раскрытыми глазами и ничего не понимала. Помощники слѣдили за мной, спрятавшись за деревья; а Лернъ, нагнувшись надъ моимъ блѣднымъ и истоптаннымъ тѣломъ, приподнималъ ему голову, изъ которой сочилась кровь изъ большой круглой раны.

И это я—я самъ—сдѣлалъ эту непростительную глупость—разрушить свое собственное тѣло...

Профессоръ, ощупавъ и осмотрѣвъ раненаго со всѣхъ сторонъ, сообщилъ свой діагнозъ:

— Одна рука вывихнута; три ребра сломаны; ключица и лѣвая берцовая кость сломаны: отъ этого оправляются... Но ударъ рогомъ въ голову будетъ по-серьезнѣе... Гм... Мозгъ поврежденъ—дѣло плохо. Ему ужъ никто не поможетъ. Черезъ полчаса *finita la comedia*...

Я принужденъ былъ опереться плечомъ о дерево, чтобы не упасть. Значить, мое тѣло, изъ отечествъ—отечество, умереть черезъ полчаса. Все кончено... Изгнанный изъ своего уничтоженнаго мною же жилища, я самъ же и уничтожилъ первое и самое главное условіе моего избавленія. Все кончено... Даже самъ Лернъ ничего не могъ подѣлать, онъ сознался въ этомъ... Черезъ полчаса... Мозгъ поврежденъ... Но... но... этотъ мозгъ... вѣдь онъ могъ...

Наоборотъ. Онъ все могъ сдѣлать!..

Я приблизился къ нему. На картѣ стоялъ мой послѣдній шансъ.

Дядя, повернувшись къ молодой женщинѣ, грустно говорилъ ей:

— Крѣпко же ты должна была его любить, чтобы даже подъ такой оболочкой онъ былъ тебѣ милъ... Бѣдная моя Эмма, значитъ, я ужъ, дѣйствительно, совсѣмъ тебѣ не по нраву, если ты мнѣ предпочитаешь даже такого кретина.

Эмма молча плакала, закрывъ лицо руками.

— Какъ она его крѣпко любитъ,—повторялъ Лернъ, оглядывая насъ поочередно: грѣшницу, умирающаго и меня.—Какъ она его сильно любила.

Вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ я скакалъ и прыгалъ около дяди, извлекая изъ своего горла странные звуки, стараясь передать дядѣ свои мысли. Но онъ былъ всецѣло занятъ своими. Не обращая никакого вниманія на то, что его мрачный, взволнованный видъ таитъ въ себѣ какую-то скрытую борьбу между его интересами и страстью, я, думая только о неминуемой опасности, предотвратить которую только Лернъ въ состояніи, удвоилъ свои выходки.

— Да, твое желаніе мнѣ вполне понятно, Николай,—сказалъ, наконецъ, дядя.—Ты хочешь сказать, что охотно возвратилъ бы свой мозгъ его первичной покрывкѣ, что можетъ ее спасти, такъ какъ ты лишилъ ее возможности пользоваться мозгомъ Юпитера, который ты уничтожилъ... Ну, что же... Пусть будетъ такъ...

— Спасите его! Спасите его!—умоляла моя прелюбодѣйная любовница, которая поняла только, что рѣчь шла о спасеніи.—Спасите его, Фредерикъ, и я клянусь вамъ, что никогда больше не буду стараться увидѣться съ ним...

— Довольно!—сказалъ Лернъ.—Напротівъ, теперь надо будетъ любить его всѣми силами души. Я не хочу больше тебя огорчать. Къ чему понапрасну бороться со своею судьбой.

Онъ подозвалъ своихъ помощниковъ и отдалъ имъ нѣсколько краткихъ распоряженій. Карлъ и Вильгельмъ

подняли и понесли въ лабораторію хрипѣвшаго Минотавра. Іоаннъ отправился туда же бѣгомъ.

— Schnell! Schnell!—кричалъ профессоръ,—и добавилъ:—Торопись, Николай, бѣги за нами.

Я повиновался, но мои чувства раздвоились: я радовался тому, что снова вернусь въ свое тѣло и въ то же время боялся, какъ бы оно не умерло до операціи.

Операція удалась блестяще.

Но такъ какъ, въ виду спѣшности ея, я былъ лишень предварительной подготовки къ наркотизаціи, я подъ парами эфира пережилъ, хотя и поучительный, но все же мучительный сонъ.

Мнѣ снилось, будто Лернъ, шутки ради, вмѣсто того, чтобы вернуть мнѣ мое тѣло, заключилъ мой мозгъ въ тѣло Эммы. Что за чистилище находится въ ея оболочкѣ! Я завидовалъ тому времени, когда былъ быкомъ. Мою душу обуревали нервныя разстройства и буйныя инстинкты, которые не давали мнѣ ни минуты покоя. Вполнѣ естественное желаніе, сильнѣе моей воли, руководило всѣми моими поступками, и я чувствовалъ, что мой мужской мозгъ очень слабо противится ему. Конечно, мнѣ пришлось столкнуться съ исключительнымъ темпераментомъ, хронической болѣзнью котораго было чувство любви, но все же, если внимательно присмотрѣться къ нормальному поведенію мужчинъ и къ могуществу власти Венеры надъ женщинами, сколько бы вышло изъ васъ, мои братья, если бы вы перемѣнились своими мозгами съ женщинами, порядочныхъ дѣвушекъ и сколько простыхъ потаскушекъ...

А можетъ быть, что эфиръ плохой профессоръ гинекологіи и что мои грезы ввели меня въ заблужденіе. Потому что все это оказалось вздорнымъ кошмаромъ. Весьма возможно, что и продолжался-то онъ всего какую-нибудь четверть секунды и былъ вызванъ прикосновеніемъ зазубрившагося зуба пилки или острія плохо наточеннаго ланцета.

Пунцовые лучи заходящаго солнца освѣщаютъ прачешную. Опуская глаза, я вижу кончики своихъ усовъ.

Это возвращеніе въ жизнь Николая Вермонъ.

И въ то же время это конецъ существованія Юпитера. Въ глубинѣ комнаты разрубаютъ на куски эту черную массу, въ которой я жилъ. На дворѣ собаки уже грызутся, оспаривая другъ у друга первые куски, брошенные имъ Іоанномъ...

Сломанная нога болитъ... ключица тоже даетъ себя знать... Я вооружился терпѣніемъ.

Лернъ ухаживаетъ за мной. Онъ очень радостно настроенъ. Впрочемъ, чего же удивляться? Развѣ онъ не примирился со своей совѣстью? Развѣ онъ не искупилъ своей вины предо мной? У меня не хватитъ даже смѣлости сердиться на него... Мнѣ даже кажется, что я въ долгу передъ нимъ!..

Насколько правдиво изреченіе, что нѣтъ вещи болѣе похожей на благодѣяніе, чѣмъ добровольное исправленіе причиненнаго вреда!

ХІІ. ЛЕРНЪ МѢНЯЕТЪ СВОИ ПЛАНЫ.

Когда я былъ въ шкурѣ быка, я далъ себѣ клятву, если мнѣ удастся принять свой первоначальный видъ, немедленно ѣхать съ Эммой или безъ нея, но бѣжать во что бы то ни стало. А между тѣмъ осень уже приходила къ концу, а я все еще не покинулъ Фонваля.

Происходило это потому, что со мной обращались теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде.

Прежде всего я располагалъ своимъ временемъ по своему усмотрѣнію. Я воспользовался этой свободой для того, чтобы немедленно отправиться на лужайку и изгладить на ней всякіе слѣды моего пребыванія тамъ. Благоволившій ко мнѣ Богъ устроилъ такъ, что никто не приходилъ туда за время моего буколическаго стажа на пастбищѣ, и ни одинъ

изъ обитателей Фонваля не замѣтилъ, что я осквернилъ кладбище. Но все же было очевидно, что либо перемѣнили мѣсто кладбища, либо вивисекціи подвергались такіа маленькіа животныа, что отъ нихъ ничего не оставалось, либо опыты надъ перемѣщеніемъ личностей были совершенно оставлены дядей.

Между прочимъ, должны отмѣтить, что, приводя кладбище въ порядокъ, я отмѣтилъ фактъ, который снялъ съ моей души большую тяжесть. Я все время боялся, не заключена ли душа несчастнаго Клоца въ тѣло какого-нибудь тщательно скрываемаго животнаго? Но внимательный и подробный осмотръ его трупа разсѣялъ мои сомнѣнія по этому поводу. Мозгъ мертвеца находился въ глубинѣ черепной коробки; даже можно было еще разсмотрѣть глубокія и многочисленныа извилины его. Количество и глубина ихъ несомненно доказывали человѣческое происхожденіе этого мозга, такъ что,—благодареніе небу!—рѣчь могла идти только о простомъ и невинномъ убійствѣ.

Итакъ, я широко пользовался полной независимостью.

У моей кровати, во время моего выздоровленія, сидѣлъ и ухаживалъ за мной раскаивающійся и нѣжный Лернъ, конечно, не тотъ Лернъ, котораго я зналъ въ дни своего дѣтства, не веселый, жизнерадостный спутникъ тети Лидины—но все же хорошо хоть то, что это уже не былъ и свирѣпый и кровожадный хозяинъ, который принялъ меня, такъ какъ выгоняють.

Когда дядя увидѣлъ меня оправившимся, поднявшимся съ кровати, онъ пригласилъ Эмму и сказалъ ей въ моемъ присутствіи, что теперь я вылечился отъ временнаго припадка сумасшествія и, что на будущее время ея обязанность заключалась въ томъ, чтобы обожать меня:

— Что касается меня, то я, со своей стороны, отказываюсь отъ упражненій, несвойственныхъ больше моему возрасту. Эмма, у тебя будетъ теперь своя комната—рядомъ съ моей; та, въ которой теперь хранятся твои вещи.

Единственное, о чемъ я васъ прошу, это—не покидайте меня. Внезапное одиночество только увеличить мое горе, которое вы легко поймете и за которое вы оба не станете сердиться на меня. Но это чувство пройдетъ: я постараюсь забыться за работой... Но не волнуйся, дочь моя: большая часть пользы отъ моего изобрѣтенія достанется все же тебѣ. Въ этомъ отношеніи ничто не перемѣнилось, и Николай упомянуть въ моемъ завѣщаніи и все же будетъ моимъ компаньономъ, не смотря на то, что былъ имъ въ слишкомъ интимной формѣ и у тебя. Итакъ, любите другъ друга, и да будетъ надъ вами миръ.

Сказавъ это, профессоръ оставилъ насъ наединѣ и отправился къ своимъ электрическимъ машинамъ.

Эмма ничему не удивлялась. Довѣрчивая и наивная по натурѣ, она апплодировала дядѣ за его тираду. Я, зная, какой онъ комедіантъ, долженъ былъ бы сказать самому себѣ, что онъ одѣлъ личину доброты, чтобы удержать меня у себя или потому, что опасался моихъ разоблаченій, или потому, что я ему былъ нуженъ для исполненія какого-то новаго плана; двѣ цирцейскія операціи отразились какъ на моей памяти, такъ и на способности къ разсужденію. «Къ чему,—уговаривалъ я самъ себя,—къ чему сомнѣваться въ этомъ человѣкѣ, который по своей доброй волѣ извлекъ меня изъ темной пучины? Онъ продолжаетъ свои благодѣянія. Тѣмъ лучше».

Тутъ началась для меня очаровательная, но безнравственная жизнь. Жизнь, полная любви и абсолютной свободы—съ одной стороны, и полная трудовъ и самоотреченія, по крайней мѣрѣ, внѣшняго съ другой. Каждая изъ сторонъ старалась быть скромной и сдержанной: Эмма и я въ нашихъ изліяніяхъ, а дядюшка въ своемъ горѣ и страданіяхъ.

Кто бы могъ повѣрить въ преступность профессора, при видѣ его усидчиваго и чисто семейнаго образа жизни и добродушной внѣшности? Кто бы повѣрилъ, что онъ заманилъ меня въ засаду? Кто бы повѣрилъ въ убійство Клоца? Въ превращеніе Макъ Белля въ Нелли, которая въ про-

тяжкомъ воѣ не переставала повѣрять свои жалобы всѣмъ вѣтрамъ и ночнымъ звѣздамъ, жалобы на то состояніе, ужасъ котораго я самъ пережилъ.

Потому что Нелли все еще помѣщалась тамъ же. И меня ставило въ тупикъ, что Лернъ продолжалъ наказывать ее за вину, которая потеряла свое первоначальное значеніе теперь, когда Эмма не занимала больше въ его сердцѣ того мѣста, что раньше.

Я решился поговорить по этому поводу съ дядюшкой:

— Николай,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—ты коснулся моего самаго больного мѣста. Но что мнѣ дѣлать? Какъ поступить?.. Для того, чтобы возстановить нормальный порядокъ всцей, необходимо, чтобы тѣло Макъ Белля вернулось сюда... Что можно придумать такого убѣдительнаго, чтобы заставить отца отпустить къ намъ Макъ Белля?.. Подумай надъ этимъ. Помоги мнѣ. Я клянусь тебѣ, что начну дѣйствовать, не медля ни секунды, какъ только одинъ изъ насъ найдетъ способъ вернуть сюда Макъ Белля.

Этотъ отвѣтъ разсѣялъ мои послѣднія предубѣжденія. Я не задумывался надъ вопросомъ, почему Лернъ, ни съ того, ни съ сего, такъ внезапно перемѣнился. Мнѣ казалось, что профессоръ просто-на-просто почувствовалъ угрызенія совѣсти и раскаялся; я ждалъ, что всѣ его прежнія качества постепенно вернуться, какъ вернулось прямодушіе (за это я принималъ все его поведеніе и разговоры), не уступавшее по своей силѣ и значенію его общепризнанной учености, которая никогда не оставляла его.

А его знанія почти не имѣли границъ. Я съ каждымъ днемъ все больше убѣждался въ этомъ. Мы возобновили наши прежнія прогулки, и онъ пользовался всѣмъ, что попадалось ему подъ руку, или на глаза, чтобы читать мнѣ цѣлыя научныя лекціи. По поводу валявшагося на землѣ листочка, я выслушалъ полный курсъ ботаники; лекція по энтомологіи послѣдовала послѣ находки мокрицы; капля дождя вызвала химическій потопъ; такъ что пока мы дошли

до опушки лѣса, я прослушалъ полный курсъ естественнаго факультета изъ устъ Лерна.

Но, именно, на этомъ мѣстѣ, на границѣ лѣса и полей и надо было посмотреѣть и послушать его. Пройдя послѣднее дерево, онъ неизмѣнно останавливался, взбирался на межевой столбъ и начиналъ диссертацию о природѣ передъ лицомъ ея. Онъ до того геніально описывалъ землю и небо, что казалось, будто земля раскрывается передъ вами свои нѣдра, а небеса свою безконечную глубину. Онъ съ одинаковой легкостью и съ одинаковымъ знаніемъ рассказывалъ о слояхъ земли, какъ и о соотношеніи планетъ. Онъ анализировалъ строеніе облака, причину возникшаго вѣтерка, вызывалъ къ жизни доисторическое строеніе земли, предсказывалъ будущее строеніе этой мѣстности. Онъ окидывалъ своими зоркими глазами все, начиная съ близкой хижины бѣдняка, кончая голубоватою линіей горизонта. Всякая вещь была описана короткимъ мѣткимъ словомъ, которое срывало съ нея покровъ и ставило на ея настоящее мѣсто и, такъ какъ онъ дѣлалъ широкіе жесты, указывая на то, о чемъ онъ говорилъ, то казалось, будто отъ его рукъ тянутся лучи, освѣщающіе и благословляющіе все, что онъ описывалъ.

Возвращеніе въ Фонваль не носило, обыкновенно, такого научнаго характера. Дядюшка погружался въ задумчивость и, повидимому, размышлялъ о вещахъ, слишкомъ отвлеченныхъ и трудныхъ для моего мозга средняго интеллигента; онъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ свой любимый мотивъ, который онъ, должно быть, научился отъ своихъ помощниковъ: «Румъ филь думъ, румъ филь думъ».

Затѣмъ, какъ только мы приходили домой, онъ поспѣшно удалялся въ лабораторію, или оранжерею.

Наши пѣшія прогулки чередовались съ поѣздками на автомобилѣ. Въ послѣднихъ случаяхъ дядя садился на другого своего конька. Онъ классифицировалъ животныхъ нашего времени, доисторическаго времени и животныхъ будущаго, среди которыхъ автомобиль, несомнѣнно, займетъ

главное мѣсто. И это предсказаніе неизмѣнно заканчивалось восторженнымъ панегирикомъ въ честь моей восьмидесяти-сильной машины.

Онъ захотѣлъ научиться управленію. Это была не трудная задача. Въ три урока я научилъ его блестяще справляться съ этимъ. Теперь онъ всегда сидѣлъ на рулѣ, чѣмъ я былъ очень доволенъ, такъ какъ послѣ двойной операціи, перенесенной мною и двойной спайки моихъ зрительныхъ нервовъ, мои глаза очень быстро уставали отъ напряженнаго всматриванія въ дорогу. Точно также я плохо слышалъ лѣвымъ ухомъ, но не хотѣлъ говорить объ этомъ Лерну, боясь увеличить его угрызенія совѣсти, которыми онъ и безъ того казался замученнымъ.

Какъ-то послѣ одной изъ этихъ поѣздокъ, когда я приводилъ машину въ порядокъ—мнѣ поневолѣ приходилось самому заниматься этимъ—я нашелъ между сидѣньемъ и спинкой на мѣстѣ Лерна записную книжечку, которая выскользнула изъ его кармана. Я положилъ ее въ свой карманъ, собираясь вернуть, когда увижу его.

Но, вернувшись къ себѣ въ комнату до встрѣчи съ нимъ, я изъ любопытства раскрылъ ее, чтобы посмотреть, что тамъ такое.

Она была заполнена замѣтками и эскизными набросками, сдѣланными на-скоро карандашемъ. Было похоже на то, что это ежедневныя записи лабораторной работы. Рисунки, на мой взглядъ, ничего не обозначали. Текстъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкихъ выраженій, въ перемежку съ французскими, причемъ казалось, что смѣсь языковъ не слѣдовала какому-нибудь заранее определенному порядку. Въ общемъ, я ничего не понималъ. Однако, подъ вчерашнимъ числомъ я нашелъ замѣтку менѣе хаотическаго характера, чѣмъ предыдущія; мнѣ показалось, что она представляетъ собою резюме всѣхъ остальныхъ страницъ, а нѣсколько французскихъ словъ, соединенныхъ между собой, придавали замѣткѣ такое странное значеніе, что во мнѣ сразу проснулся неизлечимый сыщикъ и новорож-

денный лингвистъ. Вотъ эти существительныя, связанные между собой германскими словами:

П е р е д а ч а... м ы с л ь... э л е к т р и ч е с т в о...
м о з г и... э л е м е н т ы...

При помощи словаря, похищенного въ дядиной комнатѣ, я разобралъ эту квазикриптограмму, въ которой, на мое счастье, одни и тѣ же выраженія часто повторялись. Вотъ переводъ ея. Я передаю ее такой, какой перевелъ, причемъ обращаю вниманіе, что не специалистъ по этимъ вещамъ, а кромѣ того, страшно торопился, чтобы не задержать передачу книжечки по принадлежности.

В ы в о д ы к ѣ 3 0 ч и с л у.

Задача, подлежащая разрѣшенію: перемѣщеніе личностей б е з ѣ перемѣщенія мозговъ.

* * * * *
* * * *
* * *
* *
*

Основной пунктъ: прежніе опыты доказали, что всякое тѣло обладаетъ душой. Ибо душа и жизнь нераздѣльны между собой, и всѣ организмы, въ промежуткѣ времени между рожденіемъ и смертію, обладаютъ болѣе или менѣе развитой, въ зависимости отъ степени своего развитія, душой. Такимъ образомъ, начиная человѣкомъ, переходя къ полипу и кончая мхомъ, все существующее обладаетъ ему одному свойственною душой. (Развѣ растенія не спятъ, не дышатъ, не перевариваютъ пищи? Почему же нельзя допустить, что онѣ мыслятъ?).

Это доказываетъ, что душа существуетъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ мозга.

Слѣдовательно, душа и мозгъ не зависятъ другъ отъ друга.

Въ виду этого, я утверждаю, что можно обмѣниваться душами, не перемѣщая для этого мозги.

*
* *

* * *

Опыты по передачѣ.

Мысль представляет собою электричество, элементами котораго служить нашъ мозгъ. (Можетъ быть мозгъ—аккумуляторъ—этого я еще точно не знаю; но что безусловно вѣрно, такъ это то, что передача мысленнаго флюида (тока) производится путемъ, аналогичнымъ тому, какимъ передается электрическій флюидъ).

Опытъ 4-го доказываетъ, что мысль передается при помощи проводника.

Опытъ 10-го—что она передается безъ проводниковъ, по струямъ эфира.

Слѣдующіе опыты указали на слабое мѣсто, которое я здѣсь указываю:

Душа, направленная въ чужой организмъ безъ вѣдома этого послѣдняго, сдавливаютъ, если можно такъ выразиться, душу этого организма, но не въ состояніи изгнать ее и занять ея мѣсто; а сама эта душа—изгоняемая изъ своего организма—тоже не въ состояніи совершенно покинуть его, а прикрѣплена къ нему какимъ-то непонятнымъ и необъяснимымъ мысленнымъ отросткомъ, котораго ничто до сегодняшняго дня разрушить не можетъ.

Если оба, подвергающіяся эксперименту лица, согласны на него, все же опытъ не удастся по той же причинѣ. Большая часть обѣихъ душъ прекрасно размѣщается въ организмахъ обоихъ партнеровъ, но досадный мысленный отростокъ мѣшаетъ каждой душѣ покинуть окончательно свой организмъ, не смотря на стремленіе къ этому.

Чѣмъ проще и менѣе сложенъ организмъ того, куда душа внѣдряется, по отношенію къ тому, который направляетъ свою душу, тѣмъ полнѣе совершается завоеваніе чужого тѣла и тѣмъ больше утоньчается отростокъ, который удерживаетъ душу въ старомъ тѣлѣ, но все же отростокъ никогда не доходить до полного уничтоженія.

20-го я мысленно внѣдрилъ свою душу въ Іоанна.

22-го я продѣлалъ этотъ опытъ съ кошкой.

24-го—съ ясенемъ.

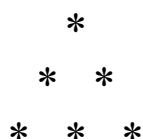
Доступъ былъ каждый разъ все легче, съ каждымъ разомъ я все полнѣе овладѣвалъ ихъ душой, но отростокъ не исчезалъ.

Я подумалъ, что опытъ удастся вполне надъ трупомъ, потому что въ этомъ случаѣ совершенно будетъ отсутствовать флюидъ, который заполняетъ помѣщеніе, которое стремишься занять. Я не сообразилъ, что смерть несовмѣстима съ понятіемъ о душѣ, такъ какъ существованіе души предполагаетъ существованіе жизни. Мы напрасно потеряли время и ощущеніе было отвратительное.

*
* *
* * *

Для того, чтобы отростокъ исчезъ, что нужно сдѣлать теоретически? Нужно имѣть въ своемъ распоряженіи организмъ, въ которомъ совершенно нѣтъ души (для того, чтобы можно было туда помѣстить свою цѣликомъ, безъ остатка), но который, въ то же самое время, не былъ бы мертвымъ; другими словами: «организованное тѣло, которое никогда не жило». Это невозможно.

Слѣдовательно, на практикѣ всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы избавиться отъ отростка какимъ-нибудь побочнымъ путемъ, котораго я пока совсѣмъ не предвижу.

Все-таки нельзя отказать опытам этого періода въ довольно курьезныхъ результатахъ, такъ какъ мы констатировали слѣдующіе факты:

1) Человѣческій мозгъ почти цѣликомъ перемѣщается въ растеніе.

2) Два человѣка при взаимномъ согласіи (непремѣнное условіе), могутъ почти цѣликомъ обмѣняться своими личностями, оставляя въ сторонѣ, конечно, вопросъ объ отросткѣ, который дѣлаетъ эти души чѣмъ-то вродѣ сестеръ, или сіамскихъ близнецовъ, сросшихся мозгами...

3) Если же взаимнаго согласія нѣтъ и приходится дѣйствовать насильно, то сжиманіе той души, которую хочешь замѣстить, даетъ тоже довольно любопытные результаты; результаты въ пользу того, кто внѣдряетъ свою душу; эти результаты отчасти удовлетворяютъ ту цѣль, къ которой я стремлюсь, и доказываютъ мнѣ, что, если мнѣ удалось бы добиться ея, моя задача была бы блестяще разрѣшена.

Но она кажется мнѣ неразрѣшимой.

Вотъ, значитъ, куда вели тѣ универсальныя знанія моего дяди, которыми я такъ восторгался и которыми дядюшка такъ гордился.

Его теорія хоть кого могла сбить съ толку. Я долженъ былъ бы придти отъ нея въ изумленіе. Въ ней была яркая тенденція къ спиритуализму, которая была курьезна въ такомъ матеріалистѣ, какъ Лернъ. Его теорія казалась до того фантазмагоричной, что, познакомившись съ ней, не мало глазъ, прикрытыхъ учеными очками, начитанными пенснэ, смѣлыми моноклями, раскрылось отъ изумленія, смѣшаннаго съ недовѣріемъ. Что касается меня, я не понималъ сразу всѣхъ изумительныхъ сторонъ его открытія,

такъ какъ все еще не совсѣмъ оправился тогда. Я даже не понялъ, что перевелъ что-то въ родѣ французско-нѣмецкаго «мене-текель-фаресь», направленнаго по моему адресу. Мое вниманіе было цѣликомъ привлечено выраженіями: «организованное тѣло, которое никогда не жило» и тѣмъ, что профессоръ сомнѣвался въ томъ, что ему удастся когда-нибудь добиться уничтоженія отростка. Значить, его предпріятіе окончилось неудачей. Послѣ всѣхъ его послѣднихъ выходокъ, я былъ убѣжденъ, что онъ можетъ творить всякія чудеса; только одно могло меня повергнуть въ взумленіе: его признаніе въ томъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Я отправился на поиски дяди, чтобы передать ему книжечку. Толстая со всѣхъ сторонъ Варвара, которую я встрѣтилъ по дорогѣ, сообщила мнѣ, что онъ гуляетъ по парку.

Я его тамъ не нашелъ. Но на берегу пруда я уви-дѣлъ Карла и Вильгельма, которые внимательно смотрѣли на воду. Я питалъ отвращеніе къ этимъ двумъ грубымъ субъектамъ, меня отталкивала мысль, что у нихъ перемѣщены мозги, и я всегда старательно избѣгалъ ихъ близости. Но на этотъ разъ зрѣлище, привлекавшее ихъ вниманіе къ пруду, заставило и меня подойти къ нимъ поближе.

Изъ воды въ алмазныхъ брызгахъ выскакивалъ и погружался обратно карпъ. Онъ шевелилъ своими плавниками, какъ крыльями, и казалось, что онъ хочетъ улетѣть...

Несчастный, онъ, дѣйствительно, къ этому стремился. Передо мной была та рыба, которую Лернъ надѣлилъ мозгомъ чернаго дрозда. Въ плѣнной птицѣ, заключенной въ свою чешуйчатую темницу, проснулись воспоминанія о прежней жизни, и она рвалась въ недостижимое для ней небо изъ своего, надоѣвшаго ей, холоднаго заключенія. Наконецъ, послѣ отчаяннаго усилія, трепеща жабрами, карпъ упалъ на берегъ. Тогда Вильгельмъ схватилъ его и оба помощника удалились со своей добычей. Они поддразнивали ее, какъ расшалившіеся грубые и жестокіе уличные маль-

чишки: они насвистывали, насмѣшливо подражая пѣнію дрозда, и хохотали, причемъ смѣхъ ихъ былъ похожъ на ржаніе и, сами не зная того, они гораздо удачнѣе подражали ржанію лошади, чѣмъ пѣнію птицы.

Я стоялъ и задумчиво смотрѣлъ на прудъ,—эту волнующуюся мокрую клѣтку, въ которой заколдованное существо вытерпѣло муки стремленія ввысь и тоску по гнѣзду... Теперь его мученія окончатся на плитѣ... А какимъ образомъ и когда кончатся страданія остальныхъ жертвъ: вырвавшихся на свободу животныхъ, Макъ Белля... Ахъ, Макъ Белль!.. Какъ его спасти?!

На спокойной, уснувшей поверхности воды сглаживался послѣдній кругъ, и небесный сводъ снова отражался въ успокоившемся зеркалѣ. Вечерняя звѣзда сіяла въ глубинѣ его на бесконечно далекомъ разстояніи... но достаточно было захотѣть и казалось, что она сверкаетъ на поверхности воды. Листья болотныхъ лилій, самыхъ разнообразныхъ формъ—круглые, полукруглые и серпообразные—казались отраженіями луны въ различныхъ стадіяхъ ея появленія, заключенными въ эту застывшую отъ сна воду.

«...Макъ Белль,—не выходило у меня изъ головы, — Макъ Белль... Что дѣлать...»

Въ эту минуту я услышалъ отдаленный звонъ колокольчика у входныхъ воротъ. Кто бы это могъ быть такъ поздно? Посѣтитель?.. Вѣдь никто никогда сюда не являлся...

Я быстрыми шагами направился къ замку, въ первый разъ задумавшись надъ тѣмъ, что случится съ Николаемъ Вермонъ, если въ Фонваль вздумаетъ явиться судебный слѣдователь.

Спрятавшись за угломъ замка, я рискнулъ высунуть голову, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Лернъ стоялъ на порогѣ входной двери и читалъ только-что полученную телеграмму. Я вышелъ изъ-подъ своего прикрытія.

— Вотъ, дядюшка,—сказалъ я,—записная книжка. Мнѣ кажется, что это ваша... Я нашелъ ее въ автомобилѣ на вашемъ мѣстѣ.

Я услышалъ сзади себя шелестъ юбокъ и обернулся.

Къ намъ приближалась Эмма, залитая лучами заходящаго солнца, въ красномъ свѣтѣ котораго ея волосы какъ бы обновляли каждый вечеръ свой запасъ огненнаго цвѣта. Напѣвая что-то въ полголоса съ такимъ видомъ, какъ другія держатъ въ полураскрытыхъ губахъ цвѣтокъ, она граціозно подходила къ намъ, и ея походка напоминала, какъ всегда, пляску.

Ее тоже заинтересовалъ звонокъ. Она спросила о содержаніи телеграммы.

Профессоръ не отвѣчалъ.

— Ахъ, Господи,—сказала она.—Въ чемъ дѣло? Что еще приключилось?

— Развѣ вы получили непріятное извѣстіе, дядюшка?—спросилъ я въ свою очередь.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Лернъ.—Донифанъ умеръ. Вотъ и все.

— Бѣдный малый,—сказала Эмма. Потомъ послѣ минутной паузы:—но развѣ не лучше умереть, чѣмъ продолжать жизнь сумасшедшимъ. Въ концѣ-концовъ, для него это былъ лучшій исходъ... Ну, Николай, послушай, не дѣлай такого лица... Идемъ...

Она схватила меня за руку и потащила въ замокъ. Лернъ пошелъ своей дорогой.

Я былъ потрясенъ.

— Оставь меня! Оставь меня,—вдругъ закричалъ я. — Это слишкомъ ужасно! Донифанъ... Несчастный... Ты не понимаешь, ты не можешь понять... Да оставь меня, наконецъ, въ покоѣ...

Меня охватилъ невообразимый ужасъ. Освободившись отъ Эммы, я побѣжалъ вслѣдъ за дядей и нагналъ его у входа въ лабораторію.

— Дядюшка... Вѣдь вы ему не рассказали этого... о смерти... ему... Іоанну.

— Нѣтъ, сказалъ. А что? Почему?

— Ахъ, какой ужасъ. Вѣдь онъ скажетъ объ этомъ другимъ. Объ этомъ стануть говорить... и Нелли объ этомъ узнаетъ, навѣрное. Они ей расскажутъ... Да поймите же, наконецъ: душа Дониѳана узнаетъ, что у нея нѣтъ больше человѣческой оболочки... А этого не надо, не надо...

Дядя произнесъ съ раздражающимъ хладнокровіемъ:

— Нѣтъ никакой опасности, Николай. Ручаюсь тебѣ въ этомъ.

— Никакой опасности? Почему вы знаете? Это негодные люди; они все ей расскажутъ, говорю я вамъ. Позвольте мнѣ предотвратить... эту опасность... время не терпитъ... позвольте мнѣ войти... пожалуйста... ради Бога... позвольте мнѣ зайти на минутку... туда... умоляю васъ... Ахъ, чортъ побери, я пройду...

Уроки быка не прошли для меня безъ пользы: я бросился впередъ, нагнувъ голову. Дядя растянулся на травѣ отъ удара въ животъ, а я ударомъ кулака отворилъ полузакрытую дверь. Честный Іоаннъ, стоявшій за нею на часахъ, упалъ съ разбитымъ въ кровь носомъ. Тогда я проникнулъ во дворъ, твердо рѣшивъ увести съ собой собаку, чего бы это мнѣ ни стоило, и больше не разставаться съ ней.

Вся свора разбѣжалась по будкамъ. Я сразу увидѣлъ Нелли. Ей отвели огдѣльное отъ другихъ собакъ помѣщеніе. Ея большое, голодное, наголо остриженное, изможденное тѣло, лежало у самой рѣшетки.

Я крикнулъ:

— Дониѳанъ!

Она не пошевелилась. Зрачки собакъ блестѣли въ глубинѣ будокъ. Нѣкоторыя зарычали.

— Дониѳанъ... Нелли...

Молчаніе.

У меня явилось предчувствіе истины: и здѣсь Смерть прошла со своей косой.

Да. Нелли лежала похолодѣвшая и вытянувшаяся. Цѣпь, которой она была привязана, какъ мнѣ показалось, задушила ее. Я собирался убѣдиться въ этомъ, когда Лернъ и Іоаннъ показались на порогѣ двора.

— Разбойники!—закричалъ я. Вы ее убили!

— Нѣтъ. Даю тебѣ честное слово. Клянусь тебѣ,—заявилъ дядя.—Ее нашли сегодня утромъ въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ ты ее видишь сейчасъ.

— ...Значить, вы думаете, что она это сдѣлала нарочно. Что она покончила съ собой. О, какой ужасный конецъ!

— Можетъ быть,—сказалъ Лернъ.—Но есть другое объясненіе, болѣе правдоподобное. По моему убѣжденію, цѣпь натянулась изъ-за сильныхъ судорогъ... это тѣло было очень больнымъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ появилась водобоязнь... Я ничего отъ тебя не скрываю, Николай, я ни коимъ образомъ не хочу свалить съ себя отвѣтственности и оправдываться. Ты можешь во всемъ убѣдиться лично...

— О,—пробормоталъ я,—вodobоязнь: бѣшенство...

Лернъ продолжалъ совершенно спокойно:

— Можетъ быть, что есть и другая причина смерти, но она скрыта отъ насъ. Нелли нашли мертвой сегодня въ восемь часовъ утра. Она была еще теплой. Смерть произошла приблизительно за часъ до этого...

Профессоръ взглянулъ на телеграмму.

— ...А!—добавилъ онъ,—Макъ Белль умеръ въ семь часовъ утра, какъ разъ въ то же время.

— Отъ чего,—спросилъ я, задыхаясь,—отъ чего онъ умеръ?

— Тоже отъ бѣшенства.

ХШ. ОПЫТЫ? . . ГАЛЛЮЦИНАЦІИ? . .

Мы находилсь всѣ втроемъ—Эмма, Лернъ и я—въ маленькомъ залѣ, когда съ профессоромъ случился припадокъ головокруженія.

Это былъ уже не первый; съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что въ здоровьѣ моего дяди происходитъ что-то неладное. Но до сихъ поръ всѣ его недомоганія носили туманный характеръ—это былъ первый, ясно выраженный, характерный случай, такъ что я могъ наблюдать всѣ детали его и странныя обстоятельства, которыми припадокъ сопровождался. Вотъ почему я буду говорить, главнымъ образомъ, объ этомъ. Всякій, не знающій о томъ, что тутъ происходило, объяснилъ бы этотъ припадокъ мозговымъ перетоумленіемъ. Да и на самомъ дѣлѣ, дядюшка работалъ поразительно много. Онъ уже не довольствовался оранжереей, лабораторіей и замкомъ: онъ присоединилъ къ нимъ весь паркъ. Теперь весь Фонваль оцетинился странными шестами, невиданными мачтами, необыкновенными семафорами; и когда оказалось, что нѣкоторыя деревья мѣшаютъ производству опытовъ, была вызвана армія дровосѣковъ, чтобы вырубить ихъ. Радость, которую я испыталъ, увидя, что люди получили право свободного доступа въ это имѣніе, утѣшила меня въ горѣ, причиненномъ мнѣ этой святотатственной вырубкой. Весь Фонваль превратился въ огромную лабораторію, и цѣлый день можно было видѣть, какъ дядюшка лихорадочно носится отъ одного зданія къ другому, отъ одной мачты къ другой въ поискахъ за способомъ уничтожить фатальный отростокъ. Но по временамъ у него случались минуты слабости подъ вліяніемъ припадковъ, о которыхъ я началъ говорить. Обыкновенно, это происходило въ то время, какъ, погруженный въ глубокую задумчивость, онъ начиналъ пристально вглядываться въ какой-нибудь предметъ; вотъ тутъ-то, въ полномъ разгарѣ его мозговой дѣятельности, онъ вдругъ начиналъ блѣднѣть, чувствуя приближеніе припадка. Онъ становился все

блѣднѣе и блѣднѣе... пока цвѣтъ лица самъ собою постепенно не становился нормальнымъ. Послѣ припадковъ онъ становился вялымъ и безсильнымъ. Онъ терялъ послѣ нихъ мужество, и я слышалъ, какъ послѣ одного изъ нихъ, онъ бормоталъ унылымъ тономъ: «Я никогда не добьюсь этого... никогда». Часто мнѣ хотѣлось заговорить съ нимъ по этому поводу. На этотъ разъ я рѣшился.

Мы пили кофе. Лернъ сидѣлъ въ креслѣ напротивъ окна и держалъ въ рукахъ чашку. Говорили о томъ, о семъ, причемъ слова раздавались все рѣже и рѣже. За отсутствіемъ интересной темы, разговоръ угасалъ; мало-помалу онъ совсѣмъ прекратился, какъ гаснетъ огонь за отсутствіемъ топлива въ печкѣ.

Пробили часы, за окномъ прошли дровосѣки, направляясь на работу, съ топорами на плечахъ. Они заставили меня подумать о ликторахъ въ рубищахъ, которые направлялись чинить пытки деревьямъ.

Который изъ моихъ старыхъ пріятелей погибнетъ сегодня? Этотъ букъ? Или вотъ то каштановое дерево?.. Сквозь окно я видѣлъ, какъ ихъ темнѣющая листва выдѣлялась на общемъ фонѣ пожелтѣвшаго лѣса. Только сосны чернѣли. Въ воздухѣ кружились и падали желтые листья, хотя не было даже вѣтерка. Колоссальный тополь выдѣлялся своею сѣдою головой надъ листовеннымъ уровнемъ остальныхъ деревьевъ. Я давно помнилъ его все такимъ же монументальнымъ и, глядя на него, вспоминалъ свое дѣтство...

Вдругъ на немъ началась птичья паника; двѣ вороны улетѣли съ него, каркая; бѣлка, прыгая съ вѣтки на вѣтку, перепрыгнула съ него на сосѣднее орѣховое дерево. Должно быть, на дерево влѣзло какое-нибудь вонючее животное и перепугало ихъ. Я не могъ его разглядѣть, потому что густые кустарники закрывали отъ меня низъ дерева. Но я испыталъ тяжелое чувство, когда увидалъ, какъ оно задрожало сверху до низу, покачнулось и медленно закачало

своими вѣтвями. Получалось такое впечатлѣніе, точно задулъ вѣтеръ, но только для него одного.

Моя мысль вернулась къ дровосѣкамъ, но безъ опредѣленной связи съ этими явленіями. «Неужели дядя приказалъ имъ,—подумалъ я,—срубить этотъ тополь, который является почтеннымъ патріархомъ этого лѣса, царемъ Фонваля? Это было бы досадно и несправедливо». Подумавъ это, я повернулся къ Лерну, чтобы навести у него справки, и тутъ-то я и замѣтилъ, что съ нимъ повторился его обычный припадокъ.

Я замѣтилъ его неподвижность, блѣдность, напряженность взгляда, словомъ, всѣ отличительные признаки припадка; кромѣ того, мнѣ удалось опредѣлить, куда направленъ съ такой настойчивостью его взглядъ, человѣка, находящагося въ сомнамбулическомъ снѣ. Онъ, оказывается, смотрѣлъ на тополь, движенія котораго были такъ страшны, что до ужаса напоминали любовныя воинственные пожатія пальмовыхъ листьевъ въ оранжереѣ... Я вспомнилъ о записи кннжечкѣ. Не существовало-ли какой-нибудь скрытой связи между слабостью этого человѣка и оживленіемъ этого дерева...

Вдругъ раздался глухой звукъ удара топора о стволъ дерева. Тополь содрогнулся, задрожалъ... дядя привскочилъ на мѣстѣ: выпавшая изъ его рукъ чашка разбилась вдребезги, упавъ на полъ, а онъ, въ то время, какъ кровь медленно прилиwała къ его блѣднымъ щекамъ, схватился за ногу, точно топоръ дровосѣка ударилъ одновременно и дерево, и человѣка.

Лернъ мало-по-малу приходилъ въ себя. Я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, кромѣ обморочнаго состоянія, и сказалъ ему, что ему слѣдовало бы лечиться, такъ какъ эти часто повторяющіеся обмороки могутъ довести человѣка до могилы. «Знаетъ-ли онъ, хотя, чѣмъ они вызваны?»

Дядя сдѣлалъ головой знакъ, что—да. Эмма подбѣжала къ креслу и засуетилась вокругъ дяди.

— Я знаю, въ чемъ дѣло,—удалось ему, наконецъ, говорить,—сердцебіеніе... обмороки... на сердечной почвѣ... я лечусь...

Но это была не правда. Профессоръ вовсе не лечился. Онъ сжигалъ свою жизнь, гоняясь за химерой, заботясь о своемъ тѣлѣ не больше, какъ о старой рухляди, которую надо выбросить, какъ только она отслужитъ свою службу.

Эмма посовѣтовала ему:

— Что, если бы вамъ прогуляться? На свѣжемъ воздухѣ вамъ будетъ лучше.

Онъ поднялся съ мѣста и вышелъ въ паркъ. Мы видѣли, какъ онъ пошелъ по направленію къ тополю, съ трубкой въ зубахъ. Удары топора все учащались. Дерево склонилось, упало... Звукъ отъ паденія напомнилъ землетрясеніе. Вѣтви задѣли дядю по лицу—онъ не сдвинулся съ мѣста.

Лишившись этого гиганта, Фонваль теперь казался еще болѣе плоскимъ, и я тщетно старался возстановить въ своемъ воображеніи мѣсто уже позабытое, которое занималъ въ паркѣ тополь и его вышину, уже казавшуюся легендарной.

Лернъ вернулся. Онъ даже не отдавалъ себѣ отчета, что подвергался опасности. Становилось жутко на душѣ при мысли, что онъ могъ быть такимъ же разсѣяннымъ при своихъ рискованныхъ опытахъ, напримѣръ, при перемѣщеніяхъ душъ, о которыхъ упоминалось въ книжечкѣ...

Присутствовалъ я при одномъ изъ этихъ опытовъ. Я думалъ объ этомъ съ жуткимъ чувствомъ, съ тѣмъ страннымъ ощущеніемъ, которое я столько разъ испытывалъ въ Фонвалѣ, съ чувствомъ человѣка, бродящаго въ абсолютной темнотѣ ощупью. Случайно-ли совпалъ обморокъ Лерна съ волненіемъ дерева? Или же между ним существовала какая-нибудь связь въ моментъ удара топоромъ по дереву?.. Конечно, достаточно было приближенія дровосѣковъ къ тополю, чтобы обеспокоенныя птицы улетѣли... И

колыханіе листьевъ легко было объяснить тѣмъ, что кто-то влѣзъ на дерево, чтобы привязать традиціонную веревку...

Еще лишній разъ я стоялъ на перекресткѣ всевозможныхъ рѣшеній, интересовавшихъ меня вопросовъ. Но мой мозгъ утратилъ свойственную ему проникаемость: притупляющее дѣйствіе цирцейскихъ операцій еще не прошло, а усиленный режимъ страстной любви, которымъ меня окружила Эмма съ молчаливаго благоволенія дяди, тоже не имѣлъ въ себѣ ничего, возстановливающаго силы.

А такъ какъ развратъ былъ для меня всегда притягательной силой, то я такъ же не могъ обходиться безъ Эммы, какъ курильщикъ опиума безъ своей трубки или морфинманъ безъ своего шприца. (Да проститъ мнѣ глупенькая очаровательница это сравненіе, хотя бы изъ-за его вѣрности!). Я осмѣлѣлъ настолько, что сплошь и рядомъ проводилъ ночи въ комнатѣ моей дарительницы восторговъ, рядомъ съ комнатой Лерна. Какъ-то вечеромъ онъ накрылъ насъ въ ней и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы на завтра повторить намъ условія нашего контракта: «Полная свобода любить другъ друга, но съ непремѣннымъ условіемъ не избѣгать и не покидать меня. Въ противномъ случаѣ, вы ничего не получите отъ меня». Говоря это, онъ обращался, главнымъ образомъ, къ Эммѣ, такъ какъ зналъ, какъ неотразимо дѣйствуетъ на нее это обѣщаніе.

Я до сихъ поръ удивляюсь и не могу понять, какъ я, по доброй волѣ, согласился на такое позорное предложеніе... Но женщина сильнѣе самаго искуснаго заклинателя: выразительный взглядъ любимыхъ очей, непередаваемое граціозное движеніе тѣла — и вся ваша жизнь идетъ шиворотъ-на-выворотъ, мы совершенно мѣняемся скорѣе и полнѣе, чѣмъ отъ прикосновенія волшебной палочки, или скальпеля хирурга. Что такое Лернъ въ сравненіи съ Эммою?..

Эмма... Я проводилъ съ ней всѣ ночи, не смотря на близость Лерна. Онъ помѣщался тутъ же, за перегородкой; онъ могъ насъ слышать, могъ подглядывать за нами въ за-

мочную скважину.. Да простить мнѣ Богъ, но долженъ сознаться, что находилъ въ этой мысли какое-то возбуждающее средство, какое-то пикантное, порочное побужденіе для продолженія нашихъ оргій.

А, между тѣмъ, и безъ этого, какое блаженство... И съ каждой ночью я все сильнѣе увлекался...

Простосердечная и непосредственная натура, изобрѣтательнѣйшая любовница, Эмма обладала даромъ удивительно разнообразить древній, какъ міръ, актъ любви, который неизмѣненъ въ своей основѣ, но обряды котораго тоже не менѣе разнообразны, чѣмъ міръ. Она умѣла любить по разному, не прибѣгая къ этимъ занумерованнымъ, упоминаемымъ во всѣхъ каталогахъ легкомысленныхъ писателей XVIII вѣка, позамъ, къ слову сказать, очень скучнымъ, а благодаря какимъ-то оригинальнымъ, трудно опредѣляемымъ и очаровательнымъ свойствамъ своей натуры. Она была многообразна въ любви, развратна инстинктивно, моментально превращаясь изъ тиранической повелительницы въ легкую податливую добычу. Правда, что ея тѣло легко поддавалось всѣмъ ея лукавымъ и забавнымъ выдумкамъ. Такъ какъ, сплошь и рядомъ, поза и жесты необузданной куртизанки, благодаря какому-то произвольному цѣломудренному движенію, или благодаря внезапно наступившей неподвижности, напоминали до полного обмана движенія очень молодой дѣвушки. Ахъ! Это тѣло обезумѣвшей дѣвственницы, производившее такое странное впечатлѣніе незрѣлости...

Мнѣ кажется, что я достаточно подробно описалъ наше времяпрепровожденіе, чтобы понятно было, на сколько оно мнѣ было дорого и что если я вынужденъ былъ рѣшиться прекратить его, то причина для этого должна была быть необычайно серьезна.

Причину эту я нашелъ въ слѣдующемъ приключеніи, которое я объяснилъ бы, вѣроятно, состояніемъ своей нервной системы послѣ операціи, если бы я заблаговременно не познакомился съ содержаніемъ дядиной записной книжеч-

ки. Весьма вѣроятно, что я приписалъ бы его «патологическому послѣдствію операціи», и Лерну удалось бы насмѣяться надо мной до конца. Къ счастью, я разгадалъ его тактику съ перваго момента нападенія.

Какъ-то вечеромъ, когда я, по установившейся привычкѣ, проходилъ по комнатамъ перваго этажа, чтобы пройти черезъ свою комнату въ комнату Эммы, я услышалъ, какъ въ дядиной комнатѣ, находящейся надъ столовой, передвигаютъ кресло. Въ этотъ поздній часъ онъ, обыкновенно, не передвигался больше; эта мелкая подробность не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Я продолжалъ свой путь, не стараясь заглушать свои шаги, такъ какъ я шелъ не на тайное, а на разрѣшенное свиданіе.

Эмма завивала на ночь свой послѣдній локонъ. Къ очаровательному обычному аромату этой комнаты примѣшивался запахъ слегка пригорѣлой бумаги, на которой пробовали, не слишкомъ-ли сильно нагрѣлись щипцы; мнѣ кажется, что это символъ примѣси запаха діавола къ аромату женскаго тѣла.

Рядомъ все стихло. Для вящей предосторожности, я заперъ комнату на задвижку съ той стороны, гдѣ находилась комната Лерна. Намъ нечего было, такимъ образомъ, бояться неожиданнаго появленія дяди, конечно, не представлявшаго опасности, но все же несвоевременнаго. Сквозь скважину было видно, что въ сосѣдней комнатѣ не было свѣта. Ни разу я еще не предпринималъ такихъ мѣръ предосторожности.

Вся дрожа, окутанная легкимъ кружевомъ и шелкомъ, Эмма повлекла меня къ кровати.

Двѣ яркія лампы горѣли на каминѣ, потому что восхитительное зрѣлище взаимнаго восторга не заслуживаетъ презрѣнія; и надо быть благодарнымъ природѣ, которая хочетъ, чтобы каждое изъ нашихъ чувствъ получало свою дозу радости при этомъ наслажденіи, и только въ этомъ случаѣ она наградила насъ шестью чувствами.

Эмма дѣйствовала на нихъ постепенно. Мое счастье зажигалось о ея восторги и оживало отъ прикосновенія къ яркому пламени ея чувства. При ней божественная комедія замыкалась въ полный кругъ. Все тамъ было: прологъ, неожиданныя перемѣны, ловкія продѣлки, развязка. И все это происходило, какъ происходитъ въ великолѣпныхъ пьесахъ: совершались именно тѣ событія, которыхъ ждешь, но всегда совершенно неожиданно.

Сначала Эмма хотѣла, чтобы ее ласкали...

Потомъ, находя, что предварительныя испытанія достаточно долго продолжались, она приняла позу героини и рѣшила въ этотъ вечеръ, какъ и въ многіе предыдущіе, проскакать фантастическій свадебный галопъ.

Но, какъ разъ въ то время, когда она, какъ опытная Валькирія, мчалась къ безднѣ удовлетворенія, произошла эта страшная, удивительная вещь.

Вмѣсто того, чтобы подниматься по сладострастной тропинкѣ наслажденія къ пароксизму страсти, мнѣ показалось, что я испытываю противоположное чувство, испытывая все меньше и меньше удовольствія, переходя постепенно къ безразличію. Я продолжалъ чувствовать себя бодрымъ, все возрастающая страсть жгла мою кровь, но чѣмъ больше увлекалось мое тѣло, тѣмъ меньше я испытывалъ удовольствія... Этотъ печальный результатъ взволновалъ меня. Но вотъ и это волненіе улеглось... Я хотѣлъ усмирить свое расходившееся тѣло, но куда тамъ—моя воля ослабѣвала съ каждой минутой. Я чувствовалъ, какъ мой мозгъ сжимается и точно садится; и моя душа, сдѣлавшаяся совсѣмъ маленькой, потеряла способность управлять моимъ тѣломъ и воспринимать его ощущенія. Едва-едва мнѣ удавалось отдавать себѣ отчетъ въ поступкахъ моего тѣла и замѣтить, что оно проявляетъ совершенно исключительную энергію, чѣмъ Эмма, повидимому, была очень довольна.

Надѣясь остановить дѣйствіе этого страннаго явленія, я старался усилить свою волю, но тщетно.казалось, что чья-то чужая душа захватила мѣсто моей и,

управляя по своему усмотрѣнію мной, впитываетъ въ себя наслажденіе отъ моей нечистой радости при помощи моихъ нервовъ.

Эта душа загнала мое «я» въ уголокъ моего мозга; какой-то самозванецъ обманывалъ меня съ моей любовницей, тоже введенной въ заблужденіе, при помощи какого-то гнуснаго пріема...

Эти микроскопическія мыслишки волновали мою душу—душу карлика. Душа эта сдѣлалась до того незначительной къ моменту апофеоза, что я испугался, какъ бы она совсѣмъ не покинула меня.

Потомъ она стала расти, увеличиваться въ объемъ и постепенно заняла цѣликомъ принадлежащее ей мѣсто. Мои мысли прояснились. Я испытывалъ сильное утомленіе—арріергардъ Эроса—и судорогу въ правой ногѣ. Мое плечо онѣмѣло отъ прикосновенія, превратившагося въ чувство тяжести: на немъ лежала голова Эммы и неизбежный у нея обморокъ не далъ ей времени и возможности опустить голову на подушку.

Я продолжалъ вступать въ свои права. Но это продолжалось довольно долго. Мои глаза еще ни разу не мигнули: они были направлены въ опредѣленное мѣсто, и я замѣтилъ теперь, что въ продолженіе этого необыкновеннаго времени, чьи-то глаза, не отрываясь, смотрѣли въ замочную скважину изъ комнаты Лерна. Даже и сейчасъ они не могли оторваться отъ нея...

Я освободился отъ объятій ненужной и бесполезной теперь возлюбленной... У самой двери, по ту сторону ея, слышался легкій шумъ, точно кто-то всталъ со стула и отходилъ отъ нея на цыпочкахъ... Замочная скважина производила на меня впечатлѣніе маленькаго темнаго окна, выходящаго въ тайну...

Эмма вздохнула:

— Ты никогда еще не доставлялъ мнѣ столько радости, Николай, за исключеніемъ одного раза... Послушай... прошу тебя...

Я убѣждалъ, не отвѣчая.

Теперь мнѣ все сдѣлалось яснымъ. Развѣ профессоръ не сознался мнѣ: «Я думалъ было перевоплотиться въ твою внѣшность, чтобы быть любимымъ, подъ видомъ тебя». Его стараніе спасти мое истерзанное тѣло, методъ, изложенный въ записной книжкѣ, исторія съ тополемъ,—все это, приведенное въ связь между собой, стало его религіей. Такъ называемые обмороки становились подозрительно похожими на опыты, во время которыхъ Лернъ, при помощи чего-то, вродѣ гипнотизма, переносился душой въ заранѣ назначенныя мѣста. Приложивъ глазъ къ замочной скважинѣ, онъ перелилъ свое «я» въ мой мозгъ, пользуясь своимъ несовершеннымъ еще открытіемъ, чтобы устраивать самыя невѣроятныя перевоплощенія... Мнѣ скажутъ, что характеръ невѣроятности моего разсужденія долженъ былъ бы заставить меня усумниться въ его цѣнности; но въ Фонвалѣ несвязность была возведена въ законъ, всякое объясненіе имѣло тѣмъ больше шансовъ быть правильнымъ, чѣмъ абсурднѣе оно казалось на первомъ взглядѣ.

Ахъ, эга мысль о глазахъ Лерна у замочной скважины! Они, эти глаза, преслѣдовали меня и казались мнѣ всемогущими, какъ глаза Іеговы, преслѣдовавшіе съ высоты небесъ грѣшнаго Каина...

Хотя сейчасъ я и шучу надъ этимъ, но тогда мнѣ было совсѣмъ не до шутокъ, такъ какъ новая опасность была для меня ясна, и я думалъ только о томъ, какъ избѣжать ее. Послѣ довольно долгихъ размышленій, я остановился на единственномъ разумномъ планѣ, который я, собственно говоря, давнымъ давно долженъ былъ бы привести въ исполненіе: на отъѣздѣ. Конечно, совмѣстномъ съ Эммой, потому что теперь я ни за что на свѣтѣ не оставилъ бы ее дядѣ: пріобрѣтя снова видъ человѣка, я вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ и его способность къ увлеченію.

Но Эмма не принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыхъ можно похищать противъ ихъ воли. Согласится-ли она бросить однимъ ударомъ Лерна и обѣщанныя имъ богатства? Конечно, нѣтъ. Бѣдная дѣвушка не даромъ мирилась съ тою жизнью, на которую ее обрекъ въ теченіи столькихъ лѣтъ Лернъ; она думала только о будущемъ великолѣпіи; она была не умна и жадна. Чтобы уговорить ее уйти со мной, надо было убѣдить ее, что она при этомъ ни сантима не потеряетъ... И только Лернъ могъ убѣдить ее въ этомъ.

Значить, надо было добиться во что бы то ни стало согласія профессора.

... Конечно, рѣчь могла идти только о насильно вырванномъ согласіи, но я надѣялся, что мнѣ великолѣпно удастся запугать его. Я искусно намекну на убійство Макъ-Белля и Клоца; дядя перепугается и поговоритъ съ Эммой въ нужномъ мнѣ смыслѣ, и я увезу съ собой свою подругу... заранѣе идя на то, что Николай Вермонъ лишится наслѣдства, вѣроятно, сильно затронутого, а м-ль Бурдише—роскоши, впрочемъ, очень сомнительной.

Скоро я разработалъ свой планъ дѣйствій во всѣхъ подробностяхъ.

XIV. СМЕРТЬ И МАСКА.

Но привести его въ исполненіе мнѣ такъ и не пришлось.

Не потому, что я колебался приступить къ его исполненію. Мое рѣшеніе было непоколебимо; и, если у меня и явилось опасеніе угрожавшей мнѣ опасности при выполненіи его, то эти мысли пришли мнѣ въ голову тогда, когда весь планъ былъ неисполнимъ. Покуда этого обстоятельства еще не было, я съ нетерпѣніемъ искалъ случая сдѣлать такъ, какъ рѣшилъ, и даже, долженъ сознаться въ этомъ, я очень настойчиво искалъ этого случая и спѣшилъ

покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ мое чувство страха все росло.

Моему перепуганному воображенію повсюду мерещилась опасность, причемъ она казалась мнѣ тѣмъ коварнѣе и таинственнѣе, чѣмъ незамѣтнѣе она была на первый взглядъ. Эмма проводила ночи въ моей комнатѣ. Замочныя скважины, просвѣты у дверей, всѣ отверстія, сквозь которыя могъ бы проникнуть глазъ опаснаго подглядчика, были тщательно задѣланы мною. Несмотря на то, что я долженъ былъ бы чувствовать себя здѣсь въ полной безопасности, Эмма жаловалась на мою холодность,—до того я былъ весь занятъ одной мыслью. Какъ-то разъ, когда я заставилъ себя не думать о Лернѣ, ея странный обморокъ произошелъ раньше обыкновеннаго; теперь я объясняю себѣ это предшествующимъ періодомъ воздержанія, но тогда я предположилъ возможность новаго несчастья: не перевоплотились ли Лернъ свою душу въ Эмму... И ужасъ, и отвращеніе, охватившіе меня при мысли, что я пошелъ навстрѣчу отвратительнымъ наклонностямъ стараго Лерна, обнимая свою подругу, заставили меня окончательно отказаться отъ нихъ. Я не рисковалъ больше глядѣть дядѣ прямо въ глаза. Я бродилъ, опустивъ голову, избѣгая взгляда всѣхъ встрѣчныхъ, даже глазъ портретовъ, которые слѣдуютъ за вами, когда вы проходите мимо нихъ., Всякій пустякъ приводилъ меня въ содроганіе. Я пугался всего: бѣлоголовой птицы, колыхавшейся отъ дуновенія ветѣрка травки, пѣнія птицъ въ густой листвѣ деревьевъ...

Вы сами видите, что нельзя было медлить съ отъѣздомъ, и я стремился къ этому всѣми силами души. Но я рѣшилъ выбрать такой моментъ для бесѣды съ Лерномъ, когда онъ долженъ былъ бы согласиться на мое предложеніе, для того, чтобы прибѣгнуть къ угрозѣ только въ крайнемъ случаѣ. А моментъ этотъ все не приходилъ. Онъ все еще не могъ добиться того открытія, котораго жаждалъ. Незадача изводила его. Его обмороки—или, вѣрнѣе, его опыты—все увеличивались въ количествѣ и ослабляли его

организмъ. И въ зависимости отъ этого портилось его настроеніе.

Только наши прогулки сохранили еще способность возстановлять его душевное спокойствіе, и то болѣе, или менѣе; онъ еще продолжалъ мурлыкать свое «румъ филь думъ», останавливаясь каждые десять шаговъ, чтобы произнести какой-нибудь научный афоризмъ. Но все же, по-прежнему, больше всего приводилъ его въ восхищеніе автомобиль.

Повидимому, несмотря на печальный результатъ, котораго я добился при аналогичныхъ условіяхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, приходилось рѣшиться поговорить съ нимъ во время поѣздки на автомобилѣ.

Я такъ и поступилъ бы, не произойди несчастье:

Это произошло въ Луркскомъ лѣсу за три километра отъ Грея, когда мы возвращались въ Фонваль изъ поѣздки въ Вузье.

Мы полнымъ ходомъ поднимались въ гору. Управлялъ дядя. Я повторялъ про себя то, что собирался сказать, въ сотый разъ провѣрялъ точность своихъ выраженій и смыслъ заранѣе подготовленныхъ длинныхъ фразъ и чувствовалъ сухость во рту отъ страха за результатъ своей рѣчи. Съ самаго отъѣзда, я съ минуты на минуту откладывалъ это объясненіе, въ поискахъ за твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, которымъ могъ бы запугать тирана. У каждой деревушки, у cadaго поворота дороги я говорилъ себѣ: «Вотъ, гдѣ ты заговоришь». Но мы пронеслись мимо всѣхъ встрѣчныхъ деревень, обогнули всѣ повороты, а я все еще не произнесъ ни одного слова. Въ моемъ распоряженіи оставалось всего около десяти минутъ. Ну же, смѣлѣе!.. Я рѣшилъ,—начну атаку, когда мы вѣдемъ на эту гору. Это послѣдняя отсрочка...

Моя первая фраза стояла на-готовѣ и ждала, чтобы я ее произнесъ, какъ актеръ, стояшій у выхода на сценѣ и ждущій, чтобы его выпустили, какъ вдругъ автомобиль рѣзко повернулъ направо, потомъ свернулъ налѣво и при-

поднялся на своихъ боковыхъ колесахъ... Мы сейчасъ опрокинемся... Я схватился за рулевое колесо и пустилъ въ ходъ всѣ тормазы—ручные и ножные, какіе только могъ достать... Автомобиль мало-по-малу пересталъ прыгать изъ стороны въ сторону, замедлилъ свой ходъ, и остановился, какъ разъ во время.

Тогда я взглянулъ на Лерна.

Онъ почти выскользнулъ изъ своего сидѣнья, голова его свисла на грудь, выраженія глазъ за очками нельзя было разглядѣть; одна рука безпомощно болталась... Обморокъ... Ну, можно сказать, что намъ повезло... Но въ такомъ случаѣ, значить, эти обмороки были настоящими—до потери сознанія включительно. Чего я только ни придумаю со своей дуростью...

А дядя, между тѣмъ, все не приходилъ въ себя. Снявъ съ него автомобильную фуражку съ очками, я замѣтилъ, что его лицо пріобрѣло восковую блѣдность; руки, съ которыхъ я снялъ перчатки, имѣли тотъ же оттѣнокъ. Полный невѣжда въ медицинѣ, я сталъ похлопывать по нимъ, какъ видѣлъ, что дѣлаютъ на сценѣ, когда хотятъ привести въ себя упавшую въ обморокъ.

Въ тиши полей раздался звукъ аплодисментовъ. Ими привѣтствовали выходъ великаго актера.

Дѣйствительно, Фредерикъ Лернъ пересталъ существовать. Я понялъ это по его холодѣющимъ пальцамъ, по синѣющимъ щекамъ, по потускнѣвшему взгляду его глазъ, наконецъ, по переставшему биться сердцу. Болѣзнь сердца, въ существованіе которой я отказывался вѣрить, привела его къ смерти, какъ всегда бываетъ при этихъ болѣзняхъ—внезапной.

Удивленіе, а также и возбужденіе отъ сознанія неминуемой гибели, отъ которой мнѣ удалось спастись, огорошили меня... Итакъ, въ одну секунду отъ Лерна осталась только пища для червей, да имя, которое скоро всѣми будетъ забыто, словомъ—ничто. Несмотря на мою ненависть къ этому зловредному человѣку и радость отъ сознанія, что

теперь онъ больше не опасенъ мнѣ, быстрота и неожиданность перехода отъ жизни къ смерти, уничтожившей однимъ дуноненіемъ этотъ чудовищно геніальный мозгъ, приводила меня въ ужасъ.

Какъ маріонетка, брошенная рукой, которая приводила его въ движеніе и симулировала въ ней жизнь, какъ картонный паяцъ, висящій на краю игрушечной сцены, Лернъ лежалъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ; а смерть еще сильнѣе напудрила его маску умершаго Пьеро.

Но въ то время, какъ покинувшій тѣло моего дяди геній удалялся въ неизвѣстность, лицо его, какъ мнѣ показалось, хорошѣло, Мы до того привыкли къ выраженію, что душа украшаетъ тѣло, что я удивлялся тому, какъ украшало лицо дяди отсутствіе души. Внимательно всматриваясь въ лицо Лерна, я увидѣлъ, какъ это явленіе все прогрессируетъ. Глубокая тайна озаряла его вполне спокойное чело, точно жизнь на немъ была тучей, скрывшей какое-то неизвѣстное намъ солнце. Лицо постепенно пріобрѣтало оттѣнокъ бѣлаго мрамора, и манекенъ превращался въ статую.

Слезы затуманили мой взоръ. Я снялъ фуражку. Если бы мой дядя погибъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ полномъ расцвѣтѣ счастья и таланта, то останки тогдашняго Лерна не были бы прекраснѣе...

Но я не могъ оставаться дольше на большой дорогѣ наединѣ съ мертвецомъ. Я безъ особеннаго удовольствія обнялъ его, пересадилъ налѣво отъ себя, и крѣпко привязалъ багажными ремнями къ сидѣнью. Когда я одѣлъ ему на голову фуражку съ очками, натянулъ на руки перчатки, онъ производилъ впечатлѣніе уснувшаго путника.

Мы тронулись въ путь, сидя рядомъ другъ съ другомъ.

Въ Греѣ никто не обратилъ вниманія на напряженную позу моего спутника, и мнѣ удалось спокойно довести его въ Фонваль. Я былъ полонъ преклоненія передъ геніальностью усопшаго ученаго и жалости передъ влюбленнымъ старикомъ, который перенесъ столько страданій. Я забылъ

о нанесенныхъ мнѣ оскорбленіяхъ, сидя рядомъ съ умершимъ оскорбителемъ. Я испытывалъ чувство глубокаго уваженія, и, не знаю, сознаваться-ли въ этомъ, непреодолимаго отвращенія, подъ впечатлѣніемъ котораго старался отодвинуться отъ него, насколько могъ, дальше.

Со времени моей встрѣчи съ нѣмцами въ лабиринтѣ, въ утро моего приѣзда въ Фонваль, я ни разу не обращался къ нимъ съ какими словами. Я пошелъ за ними въ лабораторію, оставивъ автомобиль съ его трупомъ-шофферомъ у главнаго входа въ замокъ.

По моей оживленной жестикуляціи, помощники тотчасъ же догадались, что произошло что-то необыкновенное, и пошли за мной. У нихъ было выраженіе лицъ субъектовъ, знающихъ за собой что-то скверное и предвидящихъ возможность несчастья во всякой неожиданности. Когда трое сообщниковъ убѣдились въ томъ ударѣ, который ихъ поразилъ, они не могли скрыть ни своего разочарованія, ни своего ужаса. Они завели громкій оживленный разговоръ. Іоаннъ говорилъ высокомернымъ тономъ, оба остальные—рабски-почтительнымъ. Я спокойно ждалъ, пока имъ будетъ угодно обратиться ко мнѣ.

Наконецъ, они кончили и помогли мнѣ внести профессора въ его комнату и уложить его на кровать. Эмма, увидѣвъ насъ, убѣжала съ громкимъ крикомъ. Такъ какъ нѣмцы, не сказавъ ни слова, ушли, мы съ Варварой остались одни у трупа. Толстая горничная пролила нѣсколько слезъ, я думаю, что она сдѣлала это не столько изъ огорченія по поводу смерти ея хозяина, сколько изъ присущаго всѣмъ людямъ чувства уваженія передъ смертью, вообще. Она смотрѣла на него съ высоты своего громаднаго роста. Лернъ мѣнялся на видъ: носъ вытянулся, ногти посинѣли.

Долгое молчаніе.

— Нужно было бы убрать его,—прервалъ я вдругъ молчаніе.

— Предоставьте эту обязанность мнѣ,—отвѣтила Варвара,—она не изъ веселыхъ, но мнѣ не въ первый разъ придется заняться этимъ дѣломъ.

Я повернулся спиной, чтобы не смотрѣть, какъ дѣлають туалетъ мертвеца. Варвара была въ этомъ отношеніи похожа на всѣхъ дерсвенскихъ кумушекъ: при случаѣ, она могла быть и повивальной бабкой, и уборщицей мертвецовъ. Немного спустя, она заявила:

— Все сдѣлано, и хорошо сдѣлано. Все на мѣстѣ, за исключеніемъ святой воды и орденовъ, которыхъ я не могу найти...

Лернъ лежалъ на своей бѣлоснѣжной кровати до того блѣдный, что казалось, точно это былъ надгробный памятникъ, причемъ ложе и лежавшее на немъ изображеніе были точно высѣчены изъ одного куска мрамора. Дядя былъ тщательно причесанъ, одѣтъ въ бѣлую рубашку со складками и бѣлый галстукъ. Въ пальцы блѣдныхъ, положенныхъ крестъ на крестъ рукъ были положены четки. На груди лежалъ крестъ. Колѣни и ноги выдѣлялись подъ простыней, какъ двѣ острыхъ, бѣлоснѣжныхъ тропинки... На столѣ стояла тарелка, безъ воды, съ лежащей въ ней вѣткой сухого дерева, а сзади горѣли двѣ свѣчи; Варвара устроила изъ стола нѣчто вродѣ маленькаго алтаря, и я упрекнулъ ее въ непослѣдовательности. Она возразила, что таковъ былъ обычай у нихъ, и, уклонившись отъ спора, закрыла портьеры. На лицо мертвеца легли мрачныя тѣни—предвѣстницы тѣхъ морщинъ, которыя выроетъ на немъ всемогущая смерть.

— Откройте настежь,—сказалъ я.—Дайте войти въ комнату солнцу, пѣнію птицъ и аромату цвѣтовъ...

Служанка повиновалась, ворча, что «все это противорѣчитъ обычаю», потомъ получивъ отъ меня инструкціи для принятія необходимыхъ мѣръ, она, по моей просьбѣ, покинула меня.

Сквозь открытое окно въ комнату проникалъ запахъ осеннихъ листьевъ. Онъ безконечно грустенъ. Онъ напоми-

наетъ похоронный гимнъ... Пронеслись, каркая, вороны, и ихъ полетъ вызвалъ въ моемъ мозгу картину полета смерти съ косою... Приближеніе вечера смѣняло яркость дня...

Чтобы не смотрѣть на кровать, я принялся за осмотръ комнаты. Надъ стариннымъ бюро улыбался портретъ тети Лидивины, писанный пастелью. Совершенно напрасно художники пишутъ портреты съ улыбками: этимъ портретамъ часто приходится присутствовать при такихъ вещахъ, при которыхъ вовсе не до смѣха; напримѣръ, портрету тети Лидивины пришлось лицезрѣть связь своего супруга съ какой-то женщиной, а теперь улыбаться его трупу... Портретъ былъ написанъ лѣтъ двадцать тому назадъ, но, благодаря нѣжнымъ тонамъ пастельныхъ красокъ, выглядѣлъ гораздо болѣе старымъ. Съ каждымъ днемъ все больше выцвѣталъ и казался все старше. Такъ что онъ значительно удалялъ въ даль временъ мою тетю и мою молодость. Онъ мнѣ разонравился.

Я постарался отвлечь свое вниманіе въ другую сторону, на появленіе первыхъ летучихъ мышей, на наступленіе сумерекъ, на танцующія тѣни, которыя отбрасывали колеблемыя вѣтеркомъ свѣчи...

Поднявшійся на минуту вѣтеръ привлекъ мое вниманіе на нѣсколько минутъ; онъ завывалъ въ густой листвѣ деревьевъ, и, прислушиваясь къ его вою, казалось, что слышишь полетъ времени. Сильнымъ порывомъ вѣтра задуло одну свѣчу, пламя другой заколебалось—я поспѣшнымъ движеніемъ закрылъ окно: меня вовсе не соблазняла мысль остаться въ потемкахъ.

И внезапно я сдѣлался искреннимъ съ самимъ собой и бросилъ попытки надуть самого себя:—я чувствовалъ настоятельную потребность смотрѣть на мертвеца, убѣдиться въ томъ, что онъ не можетъ больше вредить мнѣ.

Тогда я зажегъ лампу и поставилъ ее такъ, чтобы она ярко освѣтила Лерна.

Право онъ былъ прекрасенъ. Очень красивъ. Не оставалось никакого слѣда отъ свирѣпаго выраженія лица, ко-

торое я встрѣтилъ послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія, никакого... развѣ только ироническая улыбка, змѣившаяся на устахъ. Не было-ли у покойнаго дяди какой-нибудь задней мысли? Казалось, что, несмотря на свою смерть, онъ все продолжаетъ бросать вызовъ природѣ, онъ, который при жизни позволилъ себѣ исправлять ея творчество...

И я вспомнилъ о его безумно смѣлыхъ и преступно дерзкихъ опытахъ. Они съ одинаковымъ успѣхомъ могли довести его и до плахи и до пьедестала и могли принести ему славу, такъ же, какъ и каторгу. Въ былыя времена я зналъ, что онъ достоинъ одного, и готовъ былъ поклясться, что онъ никогда не заслужитъ другого. Что же произошло столь таинственное въ его жизни пять лѣтъ тому назадъ и пррвратило его въ сквернаго хозяина, занимавшагося убійствомъ своихъ гостей?..

Вотъ надъ чѣмъ я задумался. А вой вѣтра въ печкѣ казался жалобами тѣней Клоца и Макъ Белля на вынесенныя ими мученія. Порывъ вѣтра превратился въ бурю, и свистѣлъ за окнами; пламя свѣчей заколебалось; заколыхалась слегка и вновь легла спокойными складками легкая портьера; на головѣ Лерна зашевелились его рѣдкіе, легкіе бѣлые волосы. Проникшіи сквозь плохо закрытыя окна ураганъ взметнулъ портьеру, разметалъ волосы дяди во все стороны...

И въ то время, какъ невидимая рука играла его волосами, я, остолбенѣвъ отъ ужаса, стоялъ наклонившись надъ головой Лерна и не могъ оторвать глазъ отъ то появлявшагося, то исчезащаго подъ прядями серебристыхъ волосъ синебагроваго рубца, который шелъ отъ одного виска къ другому...

Ужасный признакъ цирцейской операціи. Она, значитъ, была произведена и надъ дядей. Но кѣмъ...

О т т о К л о ц ъ, чортъ возьми!..

Тайна разъяснилась. Послѣднее, окутывавшее ее покрывало-саванъ, разорвалось. Все объяснилось. Все: внезапная переменна, происшедшая съ дядей совпадала съ

исчезновеніемъ его главнаго помощника, съ путешествіемъ Макъ Белля, наконецъ, съ пропажей самого Лерна. Все: отвратительныя письма, измѣненный почеркъ ихъ, то, что онъ меня не узналъ, нѣмецкій акцентъ, отсутствіе воспоминаній, затѣмъ, вспыльчивый характеръ Клоца, его смѣлость, граничащая съ безуміемъ, страсть къ Эммѣ, достойныя всяческаго порицанія работы, преступленія, совершенныя надъ Макъ Беллемъ и надо мной, Все... все... все!..

Припоминая рассказъ моей подруги, я могъ возстановить всю исторію этого невообразимаго преступленія.

За четыре года до моего теперешняго пріѣзда въ Фонваль, Лернъ и Отто Клоцъ возвращались изъ Нантейля, гдѣ они провели цѣлый день. Лернъ былъ, вѣроятно, въ прекрасномъ настроеніи духа. Онъ возвращался къ своимъ любимымъ занятіямъ надъ прививками, цѣль которыхъ, единственная цѣль, принести пользу человѣчеству. Но влюбленный въ Эмму Клоцъ, хочетъ направить поиски въ другую сторону; не задумываясь надъ вопросомъ о профанаціи и заботясь только о прибыляхъ, онъ мечтаетъ о перемѣнѣ личностей замѣной мозговъ. Очень вѣроятно даже, что онъ предложилъ этотъ планъ, который онъ не могъ привести въ исполненіе въ Мангеймѣ за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, дядѣ, но, безрезультатно.

Но у помощника зародился макиавеллистическій планъ. Съ помощью своихъ трехъ соотечественниковъ, предупрежденныхъ заблаговременно и поджидавшихъ своего сообщника съ дядей въ чащѣ лѣса, онъ нападаетъ на профессора, связываетъ его и запираетъ въ лабораторію этого человѣка, богатствами и независимымъ положеніемъ котораго онъ хочетъ овладѣть. Другими словами, Клоцу нужна личность Лерна.

Но все же онъ хочетъ въ послѣдній разъ въ жизни использовать ту свою физическую мощь, которой онъ лишится навсегда, и проводитъ ночь съ Эммой.

На завтра раннимъ утромъ онъ возвращается въ лабораторію, въ которой помощники не спускаютъ глазъ съ

Лерна. Его три сообщника наркотизируют ихъ обоихъ и переносятъ мозгъ Клоца въ мозговую коробку Лерна, Что же касается мозга Лерна, то его кое-какъ запихнуть въ черепъ Клоца, который теперь превратился въ трупъ, и на- скоро закопаютъ всѣ эти анатомическіе останки.

И вотъ, наконецъ, цѣль достигнута: подъ маской, костюмомъ и внѣшностью Лерна, Отто Клоцъ является полном- властнымъ хозяиномъ Фонваля, Эммы, хода работъ, сло- вомъ, всего. Нѣчто вродѣ разбойника, одѣвшаго рясу уби- таго имъ отшельника.

Эмма видѣла, какъ онъ вышелъ изъ лабораторіи. Блѣдный, шатающейся походкой Лернъ возвращается въ замокъ, измѣняетъ весь строй жизни и устраиваетъ лаби- ринтъ передъ въѣздомъ въ замокъ. Затѣмъ, увѣренный въ своей безнаказанности, начинаетъ производить свои ужас- ные опыты въ своей недостигаемой берлогѣ.

Къ счастью, эти опыты оказались бесполезными. Тотъ, кто умудрился украсть чужую внѣшность, умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ воспользоваться плодомъ воровства, жерт- вой котораго онъ самъ сдѣлался, такъ какъ болѣзнь сердца, послужившая причиной смерти Клоца, составляла принад- лежность тѣла Лерна.

Такъ судьба наказываетъ грабителя помѣщенія, когда надъ нимъ проваливается крыша.

Теперь мнѣ стало понятно, почему это лицо сдѣлалось снова похожимъ на лицо моего дядюшки. За этимъ лбомъ не скрывался больше мозгъ нѣмца, придававшій ему такое отталкивающее выраженіе...

Клоцъ былъ убійцей Лерна, а не Лернъ убилъ Клоца... Я не могъ придти въ себя отъ изумленія. Вотъ тайна, кото- рую эта двойственная личность забыла мнѣ открыть... И, сердясь на самого себя, за то, что я въ теченіе такого дол- гаго времени не раскусилъ его, я уговаривалъ себя, что навѣрное замѣтилъ бы этотъ обманъ, живи я съ нимъ одинъ- на-одинъ, но что общество людей довѣрчивыхъ, какъ Эмма, или его сообщниковъ, какъ его нѣмцы, отражалось на мо-

емъ отношеніи къ нему и заставляло меня раздѣлить ихъ ошибку или умышленную ложь.

— Ахъ, тетушка Лидивина, думалъ я.—Вы вполнѣ правы, что улыбаются вашими, нарисованными пастелью, губами. Вашъ Фредерикъ погибъ въ ужасной западнѣ пять лѣтъ тому назадъ, и душа, покинувшая только что это тѣло, не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Теперь въ немъ не осталось ничего чужого, если не считать мозговыхъ полушарій, но и тѣ въ данный моментъ не имѣютъ никакого значенія. Значитъ, мы, дѣйствительно, находимся у тѣла вашего превосходнаго мужа, такъ какъ тотъ—другой умеръ и этимъ заплатилъ свой долгъ...

При этой мысли, я разрыдался отъ всего сердца, сидя напротивъ этого страннаго покойника. Но сардоническая улыбка, оставшаяся на губахъ послѣ гибели злодѣя, раздражала меня. Я съ трудомъ устранилъ ее, измѣнивъ положеніе затвердѣвшихъ уже губъ по своему вкусу.

Когда я отошелъ отъ покойника, чтобы лучше судить о своей работѣ, кто-то тихо постучалъ въ дверь.

— Это я, Николай, я... Эмма...

Несчастливая дѣвушка. Сказать-ли ей правду? Какъ она отнесется къ такой невѣроятной продѣлкѣ судьбы?.. Я ее хорошо зналъ. Надъ ней столько разъ смѣялись, что она не повѣритъ и упрекнетъ меня, говоря, что я ее мистифицирую... Я промолчалъ.

— Отдохни,—сказала она шепотомъ. — Варвара тебя смѣнитъ.

— Нѣтъ, спасибо. Я не хочу. Оставь меня.

Я долженъ бодрствовать у тѣла моего дяди. Я приписалъ ему слишкомъ много позорныхъ поступковъ и хотѣлъ бы вымолить свое прошеніе у его памяти и у памяти моей тетушки.

И вотъ почему, несмотря на разыгравшуюся бурю, мы провели всю ночь вмѣстѣ: покойникъ, портретъ и я.

На зарѣ Варвара пришла смѣнить меня, и я вышелъ на предутренній воздухъ, холодъ котораго дѣйствуетъ такъ ободряюще на кожу, разгоряченную бессонной ночью.

Въ осеннемъ паркѣ пахло увядшимъ запахомъ кладбища. Сильный вѣтеръ, бушевавшій всю ночь, сорвалъ съ деревьевъ всѣ листья, и моя нога утопала въ густой массѣ ихъ; на скелетахъ деревьевъ совершенно не видно было листьевъ за рѣдкими исключеніями, да и то нельзя было сказать съ увѣренностью, листья-ли это, или воробьи. Въ нѣсколько часовъ паркъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ зимовкѣ. Во что превращалась великолѣпная оранжерея во время морозовъ?.. Можетъ, быть, мнѣ удастся пробраться въ нее, пользуясь суматохой, возникшей у нѣмцевъ, благодаря этой неожиданной смерти. Я направился въ ту сторону. Но то, что я увидѣлъ издали, заставило меня ускорить шаги, Дверь оранжереи была открыта, и изъ нея валилъ ѣдкій черный дымъ, пробивавшійся также и изъ отверстій оконъ.

Я вошелъ въ нее.

Среднее зало, акваріумъ и третья комната представляли картину полного разрушенія. Тамъ все разрушили, разбили, подожгли. По срединѣ всѣхъ трехъ помѣщеній были нагромождены груды хлама; тамъ лежали въ чудовищной смѣси, разбитые горшки, сломанныя растенія, куски хрусталя, вѣнчики морскихъ растеній, истерзанные цвѣты, околѣвшія животныя: короче говоря, три отвратительныхъ навозныхъ кучи, въ которыхъ была заключена вся удивительная, пріятная, трогательная или отталкивающая жизнь этого тройного дворца. Въ одномъ углу догорали еще тряпки, въ другомъ, въ кучѣ пепла, корчились полуобгорѣвшія вѣтки самыхъ компрометирующихъ растеній. Отъ обгорѣвшихъ костей шель смрадъ. Не подлежало никакому сомнѣнію, что этотъ грабежъ устроили помощники, чтобы уничтожить слѣды своихъ занятій и опытовъ, и я не слыхалъ ничего изъ-за разразившейся бури. Но они, должно быть, не остановились на полдорогѣ...

Чтобы убѣдиться въ этомъ, я отправился на кладбище, на лужайкѣ. Тамъ въ открытой ямѣ лежали только кости и скелеты нѣкоторыхъ животныхъ, по большей части, безъ головъ. Клоца тамъ не было. Нелли также.

Но грабежъ лабораторіи произвелъ на меня впечатлѣніе шедевра. Онъ указывалъ на врожденную способность къ этому дѣлу людей, въ общемъ, и въ особенности нѣкоторыхъ народностей. Я совершенно безъ помѣхи прошелъ по всѣмъ помѣщеніямъ, такъ какъ окна и двери были открыты настежъ. На дворѣ остались только живыя животныя, не подвергнувшіеся никакимъ опытамъ; остальныхъ я открылъ немного позже. Тутъ, значить, ничего не было испорчено. Но операціонныя залы, наоборотъ, носили слѣды полного разрушенія: тамъ царилъ неописуемый хаосъ изъ разбитыхъ стклянокъ, смѣшавшаяся жидкость которыхъ образовала на полу цѣлое фармацевтическое озеро. Изорванные въ клочки книги, замѣтки и тетради валялись въ перемѣшку съ исковерканными инструментами и аппаратами. Наконецъ, большая часть хирургическихъ инструментовъ исчезла. Негодяи удрали, унося съ собой секретъ производства цирцейской операціи и изобрѣтенныя для нея приспособленія. Дѣйствительно, войдя въ ихъ павильонъ, я нашелъ тамъ всю мебель вверхъ ногами, комоды и шкафы опустошенными и понялъ, что три сообщника сбѣжали.

Выходя изъ разграбленнаго дома, я замѣтилъ голубоватый дымокъ, поднимавшійся сзади лѣваго крыла постройки. Онъ поднимался надъ кучей наполовину обуглившихся остатковъ, ужасный, отвратительный запахъ которыхъ вызывалъ тошноту. Все же я подошелъ къ ней и увидѣлъ, какъ одинъ изъ остатковъ, зашевелившись, отдѣлился отъ этой отвратительно пахнувшей кучи: это оказалась хромая, наполовину изжарившаяся крыса, которая, сойдя съ ума, бросилась мнѣ въ ноги. Въ ея черепѣ, сквозь круглую дыру, былъ виденъ кровоточащій мозгъ.

Охваченный ужасомъ, отвращеніемъ и жалостью, я ударомъ каблука, прикончилъ муки послѣдней жертвы этихъ чудовищъ.

ХV. НОВЫЙ ЗВѢРЬ.

Подъ вліяніемъ вполне естественной при такомъ злключеніи апатіи, господинъ окружной врачъ ничего не провѣрялъ и ничего не осматрѣлъ. Я рассказалъ ему объ обморокахъ моего покойнаго дяди, о его собственной увѣренности въ томъ, что у него порокъ сердца, и г. окружной врачъ выдалъ мнѣ свидѣтельство о смерти и разрѣшеніе похоронить дядю.

— Докторъ Лернъ, дѣйствительно, умеръ,—сказалъ онъ,—и наша миссія заключается, если вы позволите, только въ подтвержденіи этого факта. Что же касается прочаго, то у насъ нѣтъ права заниматься изслѣдованіемъ причинъ, которыя могли бы насъ привести къ тому, чтобы вступать въ споры съ такимъ выдающимся ученымъ и заставить его умереть не отъ того, отъ чего онъ утверждалъ.

Его похоронили въ Грей л'Аббей безъ всякой торжественности и безъ скопленія народныхъ массъ.

Послѣ этого мнѣ пришлось употребить десять дней на то, чтобы разобраться въ дѣлахъ этой непостижимой двойственности, никогда не встрѣчавшейся до сихъ поръ амальгамы изъ убійцы и его жертвы: Клоцъ-Лерна.

Въ теченіе своего феноменальнаго существованія, приблизительно около четырехъ съ половиной лѣтъ—онъ не составилъ никакого завѣщанія. Это явилось для меня доказательствомъ, что вопреки своимъ мрачнымъ предсказаніямъ, смерть настигла его неожиданно для него самого; потому что, въ противномъ случаѣ, не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ сдѣлалъ бы все возможное и невозможное, чтобы лишить меня наслѣдства. Но въ бюро, въ закоулкѣ я нашелъ то завѣщаніе дяди, о которомъ онъ мнѣ

писалъ. Онъ назначалъ меня своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Но Клоцъ-Лернъ заложилъ и перезаложилъ имѣніе и, кромѣ того, надѣлалъ массу долговъ. Моей первою мыслью было затѣять процессъ; но тутъ же меня поразила абсурдность его, и я понялъ, какая кутерьма поднимется среди юристовъ при извѣстіи о такой подмѣнѣ личностей, о такомъ, непредвидѣнномъ сводомъ законовъ, подлогѣ, объ этомъ противоестественномъ и противозаконномъ захватѣ наслѣдства, объ этомъ закладѣ чужого имущества подъ видомъ своего. Приходилось подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ этого феноменальнаго мошенничества и молчать обо всемъ происшедшемъ, изъ боязни самыхъ скверныхъ инсинуацій.

Впрочемъ, если подсчитать все точно, то принятіе наслѣдства было мнѣ выгодно, тѣмъ болѣе, что я заранѣе рѣшилъ избавиться отъ Фонваля, полагая, что онъ станетъ для меня гнѣздомъ скверныхъ воспоминаній. Я внимательно просмотрѣлъ всѣ бумаги. Замѣтки настоящаго Лерна подтверждали въ каждой строчкѣ его добропорядочность ученаго и чистоту его опытовъ надъ прививками. Записки Клоца-Лерна, которыя легко можно было отличить по перемѣнѣ почерка, а такъ же потому, что въ нихъ попадались нѣмецкія слова, были частью разграблены, частью сожжены, какъ неопровержимос доказательство нѣкоторыхъ преступленій, отъ соучастія въ которыхъ никакъ не могъ бы оправдаться нѣкій господинъ Николай Вермонъ, проведеншій въ Фонвалѣ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. По тѣмъ же причинамъ я перерылъ паркъ и обыскалъ пристройки.

Покончивъ съ этимъ, я уступилъ животныхъ жителямъ деревни и отказалъ отъ мѣста Варварѣ.

Потомъ я пригласилъ къ себѣ помощниковъ. Запаковали въ громадныя ящики фамильные предметы въ то время, какъ Эмма занималась упаковкой своихъ вещей, не зная, какому чувству отдаться, горю ли о потерянной

химерѣ, или радости, что она послѣдуетъ за мной въ Парижъ.

Немедленно послѣ смерти Клоца-Лерна, торопясь вернуться въ шумный свѣтъ и къ привычному комфорту, не теряя ни минуты времени на устройство квартиры, я написалъ одному изъ своихъ друзей, прося его найти и нанять для меня помѣщеніе, которое было бы шикарнѣе моей холостой квартиры и могло бы служить гнѣздышкомъ для пары влюбленныхъ. Его отвѣтъ обрадовалъ насъ. Онъ откопалъ пристанище на проспектѣ Виктора Гюго: это былъ маленькій особнякъ, выстроенный точно по нашему заказу и омеблированный по нашему вкусу. Онъ даже позаботился о прислугѣ, которая была уже на мѣстѣ и ждала нашего пріѣзда.

Все было готово. Я отправилъ багажемъ огромные ящики и сундуки Эммы. Въ одно прекрасное утро я въ послѣдній разъ переговорилъ съ Грейскимъ нотаріусомъ Паллю и рѣшилъ вопросъ о продажѣ имѣнія. Эмма не могла больше усидѣть на мѣстѣ. Вечеромъ этого самаго дня было рѣшено уѣхать на автомобилѣ въ Парижъ, причемъ мы собирались переночевать въ Нантейлѣ, чтобы пріѣхать въ Парижъ днемъ.

Наконецъ, наступилъ для меня часъ прощанія съ Фонвалемъ навсегда.

Я еще разъ обошелъ пустой домъ и безлиственный паркъ. Казалось, что осень обнажила ихъ обоихъ.

Въ покинутыхъ комнатахъ сохранился еще старый ароматъ, полный воспоминаній и меланхоліи. Ахъ, сколько очарованія кроется иногда въ затхлыхъ, запущенныхъ комнатахъ!.. На стѣнахъ видны были оттиски висѣвшихъ на нихъ картинъ и зеркалъ, стоявшихъ у нихъ шифоньерокъ и бауловъ; куски сохранившихъ свой первоначальный цвѣтъ обоевъ въ массѣ выцвѣтшихъ отъ времени, тѣни предметовъ, какимъ-то волшебствомъ завѣщанныхъ, ставшей родной, стѣнѣ, яркія пятна, которыя тоже потускнѣютъ, въ свою очередь, какъ тускнѣетъ воспоминаніе объ отсутствующихъ. Нѣкоторыя комнаты отъ пустоты казались

меньше, чѣмъ прежде, нѣкоторыя—больше. Я обошелъ домъ сверху до низу; осмотрѣлъ чердаки при свѣтѣ слуховыхъ оконъ и подвалы, пользуясь освѣщеніемъ отдушинъ. И я не могъ оторваться отъ этихъ мѣстъ, такъ живо воскресавшихъ во мнѣ мою юность; я бродилъ по нимъ, какъ живая тѣнь въ царствѣ привидѣній... Ахъ, моя юность! Я чувствовалъ, что только она и осталась въ Фонвалѣ. Пережитыя недавно драмы, несмотря на ихъ ужасъ, блѣднѣли передъ воспоминаніями о моей юности; комнаты Эммы и Дониѳана оставались въ моей памяти только комнатами моей тетушки и моей... Правъ ли я былъ, что продавалъ Фонваль съ молотка?..

Эта мысль преслѣдовала меня во время всей моей прогулки по парку. Поле снова казалось мнѣ лужкомъ, а павильонъ, въ которомъ жилъ Минотавръ, напомнилъ мнѣ только Бріарея. Я обошелъ паркъ кругомъ вдоль по ограничивавшимъ помѣстье скаламъ. Небо такъ низко нависло, что казалось потолкомъ изъ сѣровой ваты, наложеннымъ на окрестныя вершины. При этомъ интимномъ внутреннемъ зимнемъ освѣщеніи, статуи, лишенныя своихъ зеленыхъ покрышекъ, обнаруживали испорченный временемъ и дождями бетонъ своихъ пьедесталовъ. Всѣ онѣ были болѣе или менѣе попорчены, однѣ съ разбитыми курносими носами, другія съ обломанными подбородками. У одной—отъ вытянутой въ изящномъ жестѣ руки, въ которой она должна была держать амфору, остался только металлическій стержень, на которомъ эта рука держалась... Онѣ будутъ продолжать свое существованіе въ одиночествѣ... Начиналось что-то дикое и нелюдимое, о чемъ можно было только смутно догадываться по еле замѣтнымъ признакамъ. На крышѣ кіоска ястребъ точилъ свой клювъ о стержень флюгарки. По пастбищу, не торопясь, мелкими шажками пробѣжала куница...

Я не находилъ въ себѣ достаточной силы, чтобы уѣхать: я снова вошелъ въ замокъ, потомъ вернулся въ паркъ. Я растроганно слушалъ, какъ раздается звукъ мо-

ихъ шаговъ и звенить по паркету опустѣвшихъ комнатъ и шуршитъ въ густой листьѣ, покрывавшей толстымъ слоемъ землю парка. Съ минуты на минуту тишина дѣлалась все глубже. Мнѣ казалось, что я испытываю чисто физическое затрудненіе, царушая ее. Чувствовалось, что скоро она воцарится здѣсь полновластной хозяйкой, и, когда я остановился посреди лужайки, она попробовала испытать на мнѣ свои чары.

Тамъ, въ серединѣ людскаго цирка и въ центрѣ клуба видѣній, я долго мечталъ. На мой молчаливый призывъ явились и закружились вокругъ меня въ дьявольскомъ хороводѣ фигуры изъ далекаго прошлаго и вчерашнихъ происшествій, одни фантастическія, другія настоящія—явленія изъ міра сказокъ и изъ настоящей жизни; они носились вокругъ меня въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ и превращали лужайку въ калейдоскопъ воспоминаній, въ которомъ вертѣлось все мое прошлое.

Но нужно же было, наконецъ, уѣзжать и предоставить Фонваль въ полную власть плющу и паукамъ.

Передъ сараемъ нетерпѣливо прохаживалась Эмма, наряженная вороньимъ пугаломъ. Я открылъ двери. Автомобиль стоялъ вкось сарая, въ самой глубинѣ его. Я не видѣлъ его послѣ несчастья съ Лерномъ и даже, насколько помнится, не убралъ его на мѣсто. Я рѣшилъ, что помощники изъ немного запоздалой любезности, поставили его въ сарай.

Несмотря на мою небрежность, моторъ захрапѣлъ, какъ только я пустилъ въ ходъ электричество. Тогда я вывелъ автомобиль до полукруглой аллеи, находящейся у въѣзда въ Фонваль, и закрылъ за собой скрипучія ворота, эмблема столькихъ тяжелыхъ воспоминаній. Ну, слава Богу, кончена ужасная исторія съ Клоцомъ. Но пришелъ конецъ и воспоминаніямъ моей юности... Я вообразилъ, что сохрани я Фонваль за собой, и воспоминанія юности не исчезнуть...

— Мы остановимся по дорогѣ у нотаріуса въ Грей,— сказалъ я Эммѣ,—я отказываюсь отъ продажи Фонваля и поручу только сдать его въ наемъ.

Мы выѣхали. Я направился по прямой дорогѣ. Горы по бокамъ становились все ниже. Эмма болтала о чемъ-то.

Автомобиль сначала шелъ среднимъ ходомъ довольно плавно. Но все же я уже сожалѣлъ, что такъ невнимательно отнесся къ нему. Онъ сталъ то замедлять ходъ, то внезапно бросаться впередъ, такъ что вскорѣ мы стали двигаться впередъ какими-то рѣзкими прыжками и бросками.

Я уже говорилъ, что мой автомобиль являлся триумфомъ автоматизма: на немъ было самое минимальное количество педалей и ручекъ. Но этотъ же автоматизмъ представлялъ и серьезное неудобство: машину нужно было непременно тщательно вывѣрять передъ употребленіемъ, потому что, разъ пущенная въ ходъ, она не поддается исправленіямъ на ходу, а все, что можно сдѣлать, это только увеличить или уменьшить быстроту ея передвиженія.

Перспектива продолжительной остановки мнѣ не улыбалась.

А машина продолжала свой скачкообразный ходъ, и я не могъ удержаться отъ смѣха. Этотъ способъ передвиженія напомнилъ мнѣ въ шутовскомъ видѣ манеру прогуливаться Клоца-Лерна, съ которымъ я гулялъ по этой-же дорогѣ, и капризную медленность его походки, то замедленной до полной остановки, то заставляющей насъ мчаться карьеромъ впередъ. Надѣясь, что порча механизма временная, я мирился съ капризами хода автомобиля и старался по звуку работающаго мотора опредѣлить, какая изъ его частей не въ порядкѣ. Я склоненъ былъ приписать внезапныя замедленія хода, часто доходившія до того, что мы въ теченіи цѣлой секунды не двигались съ мѣста, отъ избытка масла. Мое нелѣпое сравненіе меня страшно смѣшило, и я не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Совсѣмъ, какъ эта каналья-профессоръ; это курьезно!

— Что случилось?—спросила Эмма,—у тебя беспокойный видъ?

— У меня?.. Вотъ пустяки!..

Странная вещь: этотъ вопросъ меня разстроилъ. А я то былъ убѣжденъ, что у меня въ высшей степени спокойное выраженіе лица. Какая же могла быть причина для моего безпокойства? Мнѣ просто было непріятно; я, конечно, интересовался, какой изъ органовъ этого «большого звѣря», какъ его называл профессоръ, былъ не въ порядкѣ, и не находя никакого объясненія, я уже собирался остановиться, я... ну, словомъ, мнѣ было очень непріятно, вотъ и все! Напрасно я прислушивался своими, все же, какъ-никакъ, опытными ушами къ звукамъ заглушенныхъ взрывовъ, дребезжанію, глухимъ ударамъ: я не слышалъ ни одного характернаго звука при порчѣ цѣпей, предохранительныхъ клапановъ, шатуновъ, звука.

— Держу пари, что это цѣпь скользитъ—сказалъ я громко.—Вѣдь моторъ въ полномъ порядкѣ...

Тутъ Эмма сказала:

— Николай, посмотри-ка! Развѣ эта штучка должна двигаться?

— Ну, что же, развѣ я не оказался правъ?

Она показала на цѣпную педаль, которая двигалась совершенно самостоятельно, соотвѣтственно прыжкамъ машины. Вотъ въ чемъ поврежденіе!.. Пока я внимательно смотрѣлъ на педаль, она низко опустилась и заторможенный автомобиль остановился. Только что я собирался слѣзть съ него, какъ онъ рѣзкимъ движеніемъ пошелъ дальше. Педаль заняла свое прежнее мѣсто.

Меня охватило извѣстнаго рода безпокойство. Конечно, нѣтъ ничего непріятнѣе испорченной машины, но я не помнилъ случая, чтобы порча механизма приводила меня въ такое дурное настроеніе...

Вдругъ сирена принялась рычать безъ того; чтобы я къ ней прикоснулся...

Я почувствовалъ непреодолимое желаніе сказать что-нибудь: молчаніе удваивало мой ужасъ.

— Машина испортилась въ конецъ,—заявилъ я, стараясь говорить развязнымъ тономъ.—Мы не дождемъ раньше поздней ночи, моя бѣдная Эмма.

— Не лучше-ли попытаться исправить ее тутъ же на мѣстѣ, сейчасъ?

— Нѣтъ! Я предпочитаю ѣхать дальше... Если останавливаешься, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что удастся потомъ тронуться съ мѣста... Починить ее всегда успѣемъ... Можетъ быть, она какъ-нибудь сама придетъ въ порядокъ...

Но сирена заглушила мой слабый, колеблющійся голосъ, своимъ ужаснымъ ревомъ. И отъ ужаса мои пальцы впились въ рулевое колесо, потому что звукъ сирены вдругъ понизился, превратился въ долгую пѣвучую ноту, которая дѣлалась все ритмичнѣе, мѣняла тонъ... и я чувствовалъ, что она сейчасъ перейдетъ въ этотъ мотивъ... знакомый мнѣ мотивъ марша... (А можетъ быть, въ концѣ концовъ, я самъ вызвалъ его— этотъ мотивъ въ своей памяти...). Мотивъ дѣлался все болѣе похожимъ, и послѣ нѣкотораго колебанія, свойственнаго всякому пѣвцу, пробующему свой голосъ, автомобиль затянулъ его своимъ мѣднымъ горломъ.

Это былъ мотивъ: «Румъ филь думъ».

При звукахъ этой нѣмецкой пѣсни, въ мой мозгъ нахлынулъ вихрь подозрѣній. У меня получилось впечатлѣніе новой фантастической, таинственной, чудовищной выходки Клоца. Меня охватилъ ужасъ. Я хотѣлъ прекратить доступъ бензина,—ручка не поддавалась моимъ усиліямъ; пустить въ ходъ ножной тормазъ—онъ сопротивлялся; ручной тормазъ точно также отказывался служить. Какая-то, неподдающаяся никакимъ усиліямъ, воля держала ихъ въ своемъ подчиненіи. Я бросилъ руль и схватился обѣими руками за дьявольскій тормазъ—с такимъ же успѣхомъ. Только сирена какъ-то иронически завывала и умолкла послѣ этого выраженія насмѣшки.

Моя спутница расхохоталась и сказала:

— Вот такъ смѣшная труба!

Мнѣ было далеко не до смѣха. Мои мысли неслись, какъ въ водоворотѣ, и мой разумъ отказывался вѣрить выводамъ моихъ разсужденій.

Развѣ этотъ металлическій автомобиль, при постройкѣ котораго не было употреблено ни кусочка дерева, резины и кожи, ни одна частица котораго никогда не была частью живого существа, не былъ «организованнымъ тѣломъ, которое до этого никогда не существовало»? Развѣ этотъ автоматическій механизмъ не былъ снабженъ рефлексами, но совершенно лишенъ разума? Развѣ, въ концѣ концовъ, онъ не былъ единственнымъ тѣломъ, согласно теоріи записной книжечки, которое можетъ вмѣстить душу цѣликомъ безъ остатка? То вмѣстилище, которое профессоръ, не подумавъ какъ слѣдуетъ, объявилъ не существующимъ?

Въ моментъ своей кажущейся смерти Клоцъ-Лернъ, вѣроятно, производилъ надъ автомобилемъ опытъ, аналогичный тому, который онъ произвелъ надъ тополемъ; но въ своей разившейся за послѣднія недѣли разсѣянности, онъ не предвидѣлъ, что (печально окончившаяся непослѣдовательность) его душа перейдетъ цѣликомъ въ это пустое помѣщеніе, И, что, какъ только душевный отростокъ будетъ разрушенъ, его человѣческая оболочка превратится въ трупъ, возвратиться въ который ему помѣшаютъ законы его же открытія...

Или же, можетъ быть, отчаявшись добиться тѣхъ богатствъ, къ которымъ онъ тщетно стремился, Клоцъ-Лернъ сдѣлалъ это по доброй волѣ, совершивъ нѣчто вродѣ самоубійства, обмѣнявъ внѣшность моего дяди на оболочку машины?..

А почему бы ему незахотѣть сдѣлаться этимъ новымъ звѣремъ, появленіе котораго онъ предсказывалъ въ такой эксцентрической формѣ: животнымъ будущаго, царемъ природы, котораго постоянный обмѣнъ органовъ долженъ

былъ сдѣлать безсмертнымъ—согласно его фантастическому предсказанію?

Повторяю еще разъ, что, какъ ни доказательны были мои разсужденія, я все-же не хотѣлъ допустить ихъ правдоподобность. Сходство между беспорядочнымъ ходомъ автомобиля и походкой профессора, возможная галлюцинація слуха, и вполне допустимая порча тормазы не могли служить достаточнымъ доказательствомъ такой грандіозной ненормальности. Мой ужасъ требовалъ болѣе убѣдительнаго доказательства.

Я его и получилъ немедленно.

Мы подъѣзжали къ опушкѣ лѣса, къ той границѣ, за предѣлы которой покойный маніакъ неизмѣнно отказывался выходить во время нашихъ прогулокъ. Я понялъ, что тутъ мои сомнѣнія или разсѣются, или получаютъ неопровержимое доказательство. На всякій случай я предупредилъ Эмму:

— Держись крѣпче: отклонись назадъ.

Несмотря на принятыя мѣры предосторожности, рѣзкая остановка автомобиля чуть не выбросила насъ съ нашихъ мѣстъ.

— Что случилось?—спросила Эмма.

— Ничего! Сиди спокойно...

По правдѣ сказать, я былъ въ большемъ затрудненіи. Что дѣлать? Сойти было бы опасно. На спинѣ Клоца-автомобиля мы были хоть гарантированы отъ его нападеній, а я вовсе не собирался вступать въ открытую борьбу съ автомобилемъ... Я попытался заставить его двинуться впередъ. Точно такъ же, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, ни одна ручка, ни одинъ винтикъ не повиновался мнѣ. Сколько я ни старался, какъ я ни напиралъ со всѣхъ силъ, сопротивленіе не ослабѣвало...

Мы довольно долго пробыли въ этомъ непріятномъ положеніи, какъ вдругъ совершенно неожиданно и помимо моей воли рулевое колесо стало поворачиваться; колеса за-двигались, и автомобиль, описавъ полукругъ, направился

по дорогѣ обратно въ Фонваль. Мнѣ удалось потихоньку повернуть его въ обратную сторону; но, какъ только онъ сообразилъ, что ѣдетъ не въ Фонваль, онъ снова остановился и отказывался сдвинуться съ мѣста.

Эмма замѣтила, наконецъ, что происходитъ что-то необычайное и стала настойчиво просить меня слѣзть, чтобы поправить «поврежденіе».

Но въ теченіе послѣднихъ минутъ мой страхъ смѣнился бѣшенствомъ...

Сирена что-то закудахтала.

— Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній, — пробурчалъ я.

— Да въ чемъ же дѣло? Что такое происходитъ? — повторяла моя спутница.

Не слушая ее, я досталъ изъ ящика для инструментовъ стальную тросточку, служившую мнѣ для защиты отъ нападеній, и, къ глубочайшему изумленію Эммы, сталъ наносить ею удары упрямому автомобилю.

Тогда произошло что-то сказочное. Подъ градомъ ударовъ, автомобиль сталъ метаться во всѣ стороны: онъ прыгалъ, подскакивалъ, пробовалъ становиться на дыбы, словомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы выбросить насъ съ нашихъ мѣсть.

— Держись крѣпче!—кричалъ я Эммѣ.

И билъ его все сильнѣе. Моторъ ворчалъ, сирена жалобно стонала, или рычала отъ злобы; а я продолжалъ бить со всей силы по крышкѣ мотора; въ лѣсу раздавалось громкое эхо отъ сильныхъ ударовъ стали о желѣзо...

Вдругъ, испустивъ трубный крикъ слона, автомобиль сдѣлалъ нѣсколько судорожныхъ движеній и бросился впередъ съ невѣроятной быстротой—онъ понесъ...

Я не имѣлъ больше возможности распоряжаться направленіемъ. Вся наша судьба находилась въ зависимости отъ доброй воли взбѣсившагося чудовища. Мы почти летѣли; восьмидесятисильная машина неслась съ небывалой скоростью; становилось трудно дышать... По временамъ

раздавался рѣзкій ревъ сирены... Мы пронеслись черезъ Грей л'Аббей съ быстротою молніи. Подъ колеса попадали курицы, собаки—мои очки были забрызганы кровью. Мы неслись съ такою быстротою, что вывѣски нотаріуса Паллю показались мнѣ золотой чертой... Выѣхавъ изъ деревни, мы попали на національное шоссе, окаймленное по обѣимъ сторонамъ чинарами; потомъ длинный подъемъ умѣрилъ быстроту нашего бѣга. А потомъ появились наконецъ, признаки утомленія, которые я впервые замѣтилъ у своего автомобиля, и ходъ его замедлился еще больше, и мнѣ удалось на править его, куда я хотѣлъ.

Мнѣ пришлось часто хлестать его для того, чтобы онъ довезъ насъ до Нантеля, куда мы приѣхали довольно поздно, но безъ дальнѣйшихъ приключеній. При переѣздѣ черезъ рельсы, я услышалъ, какъ сирена издала жалобный стонъ, и я увидѣлъ, что отъ толчка повредила рессора праваго передняго колеса. Приѣхавъ въ гостиницу, я хотѣлъ замѣнить испорченную рессору новой, но мнѣ это не удалось: мои попытки вызывали такой ревъ сирены, что я вынужденъ былъ отказаться отъ исправленія. Впрочемъ, въ ней не было спѣшной необходимости, такъ какъ я рѣшился окончить путешествіе по желѣзной дорогѣ, а строптивую машину отправить багажемъ. Я предоставлялъ будущему рѣшить ея судьбу. А пока я поставилъ ее въ гаражъ, гдѣ она заняла мѣсто между фэтонами, лимузинами и другими автомобилями. Я поторопился уйти, чувствуя, какъ за моей спиной горятъ фальшивымъ и враждебнымъ огнемъ круглые глаза прожекторовъ моей машины.

Продолжая безостановочно размышлять надъ пережитымъ мной невѣроятнымъ приключеніемъ, я, возвращаясь домой, вспомнилъ фразу изъ научной статьи, которую когда-то читалъ. И я не мало былъ изумленъ тѣмъ, что нашелъ въ этихъ словахъ смутный намекъ на объясненіе того, что со мной произошло, и какъ бы предсказаніе возможности такихъ чудесъ.

«Можно представить себѣ, что существуетъ такой же передаточный пунктъ между живыми существами и неодушевленными предметами, какой нами найденъ между животнымъ и растительнымъ мірами».

Гостиница обладала всѣми современными приспособленіями комфорта. Я поднялся въ подъемной машинѣ и прошелъ въ отведенную намъ комнату.

Моя спутница была уже тамъ. Проведя столько времени взаперти, она съ какой-то жадностью смотрѣла на улицу, на двигающуюся толпу, и на магазины, блиставшіе огнями своихъ роскошныхъ выставокъ. Эмма не могла оторваться отъ зрѣлища кипучей жизни; продолжая одѣваться, она каждую минуту подходила къ окнамъ и раздвигала закрытыя портьеры, чтобы снова взглянуть на оживленіе, царившее на улицѣ. Мнѣ показалось, что она стала менѣе любезной со мной и что внѣшній міръ интересовалъ ее больше моей персоны. Мое странное поведеніе по время нашей поѣздки на автомобилѣ, навѣрное, изумило ее, и, такъ какъ я твердо рѣшилъ, не давать ей никакихъ объясненій, я не сомнѣвался, что она сочла меня оригиналомъ, не совсѣмъ вылечившимся отъ своего временнаго сумасшествія.

За обѣдомъ, сервированнымъ за отдѣльными столиками, при уютномъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ, дѣлавшимъ столовую, похожей на будуаръ, въ обществѣ одѣтыхъ въ фраки мужчинъ и декольтированныхъ женщинъ, Эмма проявила совершенно неумѣстную въ этой обстановкѣ развязность. Она пристально смотрѣла на однихъ, мѣрила съ ногъ до головы ироническимъ взглядомъ другихъ, то восторгаясь, то издѣваясь, выражая вслухъ одобреніе или смѣясь во всеуслышаніе, и служила источникомъ насмѣшекъ или восторговъ, то смѣшная, до неприличія, то восхитительная до нельзя...

Я увелъ ее, какъ только могъ. Но ея желаніе войти въ соприкосновеніе съ людьми было такъ жгуче, что пришлось немедленно же отправиться куда-нибудь въ людное мѣсто.

Театръ былъ закрытъ, открыто было только казино, въ которомъ какъ разъ въ этотъ вечеръ происходилъ финалъ чемпионата борьбы, устроенной тамъ въ подражаніе Парижу.

Маленькос зало было биткомъ набито, студентами, хулиганами и прочей, похожей на нихъ публикой. Въ воздухѣ носились клубы дыма отъ папиросъ и дешевыхъ сигарь.

Эмма важно возсѣдала въ своей ложѣ. Какой-то грустный мотивъ, раздавшійся изъ несчастнаго оркестрика, привелъ ее въ восхищеніе. А такъ какъ она не привыкла сдерживать свои экстазы, то на нее направилось триста паръ глазъ, привлеченныхъ помахиваньемъ вѣеромъ и покачиваньемъ перьевъ на ея шляпѣ, которыми она мужественно махала въ тактъ музыкѣ. Эмма улыбнулась и произвела смотръ всѣмъ тремъстамъ парамъ глазъ.

Борьба привела ее въ восторгъ, а борцы въ особенности. Эти человѣкоподобные звѣри, морды которыхъ—громадныя челюсти и маленькій лобъ—казались предназначенными самой судьбой для ящика съ овсомъ, пробуждали въ моей подругѣ самые низменные и неистовые инстинкты.

Побѣдилъ волосатый и татуированный колоссъ. Онъ вышелъ на апплодисменты и, чтобы изобразить поклонъ, онъ неловкимъ движеніемъ склонилъ свою маленькую головку Мимидона, на которой еле видны были маленькіе свинные глазки. Это былъ житель этого же города, и его пріатели устроили ему овацію. Онъ получилъ званіе «Бастіона Нантейля и чемпиона Арденнъ».

Эмма, поднявшись во весь ростъ, апплодировала и кричала: «браво» такъ громко и съ такой настойчивостью, что вызвала смѣхъ всего зала. Чемпионъ послалъ ей воздушный поцѣлуй. Я почувствовалъ, какъ краска стыда залила мнѣ лицо.

Мы вернулись въ гостиницу, обмѣниваясь кислыми фразами, предвѣстниками цѣломудренной ночи.

Ночь была цѣломудренна, но бурна. Наша комната помѣшалась какъ разъ надъ воротами, и всю ночь подъ на-

ми въѣзжали и выѣзжали автомобили, такъ что меня преслѣдовали во снѣ несчастья и всякая чушь.

Проснувшись, я испыталъ настоящія непріятности. Я оказался въ одиночествѣ.

Не понимая въ чемъ дѣло, я попытался объяснить отсутствіе Эммы вполнѣ понятными обстоятельствами домашняго характера, но ея мѣсто на кровати было холодно, и это навело меня на грустные размышленія.

Я позвонилъ лакея. Онъ пришелъ и передалъ мнѣ письмо, которое я сохранилъ и пришилилъ булавкой надъ своимъ письменнымъ столомъ. Вотъ оно:

«Милый Никола,

Прости меня за горе, но лучше растатся. я встретила вчера моего пѣрваго Любовнека, чѣловѣкъ, за котораго я подралась съ леони Алсидъ. Это тотъ красавецъ, который былъ вчера победнымъ. Я возвращаюсь ему, потому что онъ въ моей крови. Правельно, что я могла кинуть его только для громадныхъ дѣнѣгъ, что лернъ Обѣщалъ. Потомъ я сдѣлала бы тѣбе несчастнымъ, потомъ я сделала бы тебе рогатымъ, потомучто ты нравился мне только 2 раза вжизни, тотразъ, когда быкъ ударилъ тебе рогомъ, потомъ враще, а потомъ, когда ты убежалъ отмене изъ маей камнаты. Остальныя разы ты ничѣго ни стоилъ. а я хочу имѣть настоящава мушину. Ты не винаватъ, что ты не гадишься для мене, потому я думаю. что ты не будешь гаревать.

Прощай на вся жизнь

Эмма Бурдише *).

*) Когда мы въ первый разъ сообща читали „Доктора Лерна“, содержаніе и особенно стиль этого письма показались намъ совершенно не соотвѣтствующими обычной манерѣ выражаться, присущей м-ль Бурдише. Какъ ни вульгарно она выражалась, все же ея рѣчь не была такъ безграмотна и плоха (смотри VII главу, въ которой разниа проявляется всего рѣзче). Жильберъ сразу обратилъ наше вниманіе на это и находилъ въ немъ яркое доказательство обмана Кардальяка, который, по его мнѣнію, просто не сумелъ до конца выдержать полностью выдуманный имъ типъ женщины.

Передъ такимъ категорическимъ рѣшеніемъ, да еще изложеннымъ такимъ варварскимъ языкомъ, недалеко ушедшимъ отъ судейскаго нарѣчія, оставалось только преклониться. Да развѣ чувства, которыми руководилась Эмма, написавъ мнѣ такое письмо, не были тѣми самыми, которыя соблазнили меня въ ней. Развѣ я не любилъ въ ней больше всего и прежде всего эту безумную жажду любви, причину ея очаровывавшей привлекательности и причину ея невѣрности.

У меня не хватило энергіи и мудрости отложить на завтра остатокъ размышленій и выводовъ. Я боялся, чтобы не совершить какой-нибудь непростительной глупости. Поэтому я справился, когда идетъ первый поѣздъ въ Парижъ, и вызвалъ человѣка, который взялся бы отправить багажемъ мою восьмидесятисильную машину, или, если хотите, Клоцъ-автомобиль.

Ему отвѣтили предложеніемъ на минуту допустить, что Кардальякъ былъ искрененъ; въ такомъ случае это письмо является неопровержимымъ доказательствомъ, такъ какъ оно происходитъ непосредственно отъ м-ль Бурдише, тогда какъ всѣ ея предыдущія слова, разсѣянные въ этой исторіи, представляютъ собой только цитаты. Онѣ доходятъ до насъ сквозь призму воспоминаній г. Вермонъ, который, не будучи профессиональнымъ писателемъ, передаетъ лучше содержаніе, чѣмъ стиль ихъ. (Обратите вниманіе, насколько лучше онъ передаетъ въ той же VII главе обращенія и брань, чѣмъ этотъ длинный разсказъ; происходитъ это потому, что онъ лучше запоминаетъ то, что короче). Этихъ замѣчаній было достаточно, чтобы колебать доказательства Жильбера. Опытъ, произведенный Марлоттомъ, совершенно разрушилъ ихъ въ конецъ. Попросивъ нѣсколькихъ демимонденокъ удостоить его чести получить отъ нихъ письма, онъ былъ изумленъ, увидавъ, что эти дамы, разговорный языкъ которыхъ изощрился отъ частыхъ встрѣчъ съ благовоспитанными людьми, почти всѣ пишутъ, какъ мужички.

Примѣчаніе переплетчика и издателя записокъ стола.

Скоро мнѣ сообщили, что этотъ человекъ явился, и мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ гаражъ.

Автомобиль исчезъ.

Вы сами поймете, что я не упустилъ случая сблизить обѣ эти измѣны и обвинить Эмму въ какомъ-то гнустномъ сообщничествѣ. Но хозяинъ гостиницы, рѣшивъ, что тутъ дѣло не обошлось безъ шайки грабителей, отправился въ участокъ. Онъ немедленно вернулся и сказалъ, что въ какомъ-то переулкѣ предмѣстья найденъ автомобиль № 234—XV, брошенный тамъ жуликами, по его мнѣнію, изъ-за недостатка масла: въ резервуарѣ его не осталось ни капли.

— Великолѣпно!—подумалъ я.—Клоцъ хотѣлъ убѣжать! Онъ не рассчиталъ, что не хватитъ масла и вотъ теперь онъ парализованъ...

Но я сохранилъ про себя настоящее объясненіе этого инцидента, а механику приказалъ довести автомобиль до вагона при помощи лошадей, не пуская въ ходъ мотора.

— Общайте мнѣ, что вы исполните мое приказаніе!—настаивалъ я.—Это чрезвычайно важно... Вотъ скоро отходить мой поѣздъ, и мнѣ надо спѣшить, чтобы не опоздать на него. Ну, съ Богомъ, только ни подъ какимъ видомъ не вливайте масла.

ХVI. ВОЛШЕБНИКЪ УМИРАЕТЪ ОКОНЧАТЕЛЬНО.

Вотъ я, наконецъ, въ этомъ особнякѣ, на проспектѣ Виктора Гюго, нанятомъ для Эммы. И я въ немъ одинъ, наединѣ со своими странными воспоминаніями, потому что Эмма предпочла пожертвовать своей опьяняющей и прибыльной красотой въ пользу г. Альсида... Не будемъ объ этомъ больше говорить.

Начало февраля. Сзади меня въ каминѣ трещать дрова съ шумомъ щелкающаго бича. Со времени моего возвращенія въ Парижъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, не читая

ничего, я занимаюсь тѣмъ, что съ утра до поздней ночи записывалъ на этомъ кругломъ столикѣ все то, что я пережилъ за послѣднее время. Кончены-ли мои приключенія?..

Автомобиль-Клоцъ помѣщается здѣсь же на дворѣ, въ специально выстроенномъ для него помѣщеніи. Несмотря на мои распоряженія, нантейлевскій механикъ наполнилъ резервуары масломъ и, намъ—моему новому шофферу и мнѣ—стоило невѣроятныхъ трудовъ довести до дому этотъ автомобиль-человѣкъ, такъ какъ абсолютно не удавалось повернуть ручки крановъ резервуаровъ, чтобы выпустить масло. Доставленный, наконецъ, въ сарай автомобиль началъ съ того, что совершенно разрушилъ своего замѣстителя двадцати сильный автомобиль новѣйшей конструкціи... Что я могъ подѣлать съ этимъ проклятымъ Клоцомъ? Продать его? Подвергнуть своихъ ближнихъ его злобѣ? Это было бы преступленіемъ.. Уничтожить его, умертвить профессора въ его послѣдней трансформациі.—Это было бы убійствомъ. Я предпочелъ запереть его. Сарай построенъ изъ тяжелыхъ дубовыхъ досокъ, а дверь тщательно заперта на замокъ и засовы.

Но новый звѣрь проводилъ всѣ ночи, рыча свои угрожающія или скорбныя хроматическія гаммы и сосѣди стади жаловаться. Тогда я заставилъ отвинтить въ своемъ присутствіи преступную сирену. Съ невѣроятнымъ трудомъ отвинтили винты, гайки и болты, и оказалось при этомъ, что сирена какъ бы припаялась къ машинѣ. Намъ пришлось оторвать сирену, отъ чего вся машина содрогнулась. Изъ раны брызнула струя желтой жидкости, пахнувшей керосиномъ, и медленно потекла капля за каплей изъ ампутированныхъ частей. Я вывелъ изъ этого факта заключеніе, что металлъ, подъ вліяніемъ интенсивной жизни организовался; вотъ почему мои усилія замѣнить старую рессору не привели ни къ какому результату; эта операція въ данномъ случаѣ превратилась бы въ прививку неорганическаго тѣла къ органическому, и сдѣлалась такъ же невыполнимой, какъ прививка деревяннаго пальца къ живой рукѣ.

Лишившись своего голосового аппарата, мой заключенный не успокоился, а въ теченіе недѣли продолжалъ страшно шумѣть по ночамъ, бросаясь всей своей массой на запертую дверь. Потомъ внезапно онъ затихъ.. Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяцъ. Я думаю, что резервуары масла и бензина пусты. Тѣмъ не менѣе я запретилъ Луи, моему шофферу, пойти убѣдиться въ этомъ и, вообще, входить въ клѣтку этого дикаго и свирѣпаго звѣря.

Теперь у насъ царить покой, но Клоцъ всетаки здѣсь.....
.
.
.

Луи перебилъ философскія разсужденія, готовыя сорваться съ моего пера. Онъ ворвался ко мнѣ и проговорилъ, выпучивъ глаза;

— Баринъ, баринъ! Пойдите посмотрите на Вашу восьмидесятисильную машину...

Я даже не дождался конца его фразы и быстро пошелъ внизъ.

Спускаясь вслѣдъ за мной по лѣстницѣ, Луи сознался, что позволилъ себѣ открыть сарай, потому что съ нѣкотораго времени оттуда доносился скверный запахъ. И, дѣйствительно, даже на дворѣ стоялъ тяжелый, тошнотворный запахъ.

Луи воскликнулъ, почти въ восхищеніи:

— Баринъ самъ чувствуетъ, какая вонь!..—И онъ открылъ дверь сарая.

Грузно осѣвъ на свои ослабѣвшія колеса, автомобиль былъ обезображенъ, точно онъ былъ сдѣланъ изъ воска и наполовину растаялъ. Рычаги висѣли, согнувшись, какъ резиновые полосы. Потерявшіе форму прожекторы выглядели, точно изъ нихъ выпустили воздухъ, а голубоватыя клейкія стекла были похожи на бѣлья на мертвыхъ глазахъ. На алюминіевыхъ частяхъ проступили подозрительныя пятна, а желѣзо было разѣдено мѣстами до дыръ.

Стальные части истончились и сдѣлались ноздреватыми, мѣдъ приобрѣла губчатую консистенцію грибовъ. Словомъ, большая часть составныхъ частей автомобиля была покрыта язвами пятнами, но это не была ни ржавчина, ни окись мѣди. Эта омерзительная вещь стояла въ лужѣ тягучей отвратительной, пронизанной жилками разныхъ цвѣтовъ, жидкости, вытекавшей изъ нея самой. Подъ вліяніемъ какихъ-то странныхъ химическихъ реакцій, на поверхность этого разлагающагося металлическаго тѣла вырывались какіе-то пузырьки, а внутри механизма слышалось какое-то бульбульканье, точно кто-то тамъ полоскалъ себѣ горло. Вдругъ, съ мягкимъ звукомъ, точно отъ паденія въ жидкую грязь, свалилось рулевое колесо, разбило платформу и рикошетомъ—покрышку мотора. Тамъ оказалась какая-то гнусная каша, и вырвавшаяся оттуда вонь заставила меня броситься къ выходу изъ сарая. Но все же у меня хватило времени замѣтить въ самой глубинѣ тѣни кишеніе трупныхъ червей...

— Какая дрянная марка!—заявилъ мой шофферъ.

Я попробовалъ увѣрить его, что усиленная тряска обладаетъ иногда свойствомъ разлагать металлъ и можетъ давать картину такихъ молекулярныхъ измѣнній строенія. Кажется, онъ не особенно повѣрилъ въ мои объясненія, а я, знавшій, что правда еще менѣе правдоподобна, былъ вынужденъ, чтобы понять ее и согласиться, что это именно такъ, снова повторить все про себя, придавъ своимъ размышленіямъ втайнѣ словесную форму, благодаря которой вещи подтверждаются и легче объяснимы, такъ же, какъ задача легче усваивается на языкѣ цифръ.

Клоцъ умеръ! Автомобиль умеръ! И вмѣстѣ со своимъ авторомъ рушится великолѣпная теорія объ одухотворенномъ механизмѣ, обладающемъ безсмертіемъ, благодаря постоянной замѣнѣ своихъ износившихся составныхъ частей новыми, и поддающейся безконечнымъ усовершенствованіямъ. Вдохнуть жизнь, значитъ вдохнуть въ то же время и смерть, которая неумолимо слѣдуетъ за жизнью; и попытка

превратить неорганическія вещества въ органическія, значить, обречь ихъ на болѣе или менѣе быстрое разрушеніе.

Но мои предположенія оказались ошибочными: фантастическое существо погибло не изъ-за недостатка бензина. Нѣтъ—резервуары оказались наполовину полными. Значить, машину разрушила ея душа, душа человѣка, эта душа—соблазнительница. которая съ такой быстротой использовала тѣла болѣе здоровыхъ, чѣмъ мы, животныхъ, и которая быстро привела къ печальному концу это металлическое, могучее и невинное тѣло.

Я приказалъ выбросить въ помойную яму всю эту отвратительную кучу. Могилой Клоца будетъ свалка. Онъ умеръ... онъ умеръ. Я избавился отъ него. Онъ умеръ б е з ъ п е р е д а ч и... Онъ у м е р ъ, наконецъ. Его духъ находится тамъ же, гдѣ души всѣхъ умершихъ. Онъ не можетъ больше мнѣ вредить.

Ха! Ха! Ха! Старина Отто!.. УМЕРЪ! Отвратительное животное!

Я долженъ былъ бы чувствовать себя счастливымъ. А, между тѣмъ, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. О, не изъ-за Эммы! Я не отрицаю, что эта особа огорчила меня. Но это горе разсѣется; а разъ есть сознаніе, что горе можетъ пройти, оно уже наполовину прошло. Нѣтъ, все мое несчастье—это то, что я не могу отдѣлаться отъ воспоминаній. Меня преслѣдуетъ все то, что я видѣлъ и переиспыталъ: сумасшедшій, Нелли, операція, Минотавръ, я—Юпитеръ и много другихъ ужасныхъ вещей... Я пугаюсь пристального взгляда, направленнаго на меня, и опускаю глаза при видѣ замочной скважины... Вотъ въ чемъ мое несчастье. А, кромѣ того, я страшно боюсь одной ужасной вещи...

А что, если все это не кончено еще? Если смерть Клоца не послужитъ развязкой моихъ приключеній?..

До него мнѣ нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ онъ больше не существуетъ; да, если бы даже онъ и появился подъ личиной Лерна, или въ видѣ призрачнаго автомобиля, и сталъ бы меня дразнить, я прекрасно понялъ бы, что это

можетъ быть только воображеніемъ или галлюцинаціей моего слабаго зрѣнія. Онъ-то умеръ, и я очень мало имъ интересуюсь, повторяю это.

Меня тревожитъ мысль объ его трехъ помощникахъ. Гдѣ они находятся? Что они дѣлаютъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Они обладаютъ секретомъ цирцейской операціи и, навѣрное, пользуются имъ въ своихъ собственныхъ выгодахъ, чтобы торговать перемѣщеніемъ личностей... Не смотря на постигшую его неудачу, Клоцъ-Лернъ все же встрѣтилъ нѣкоторыхъ субъектовъ, которые согласились подвергнуться его дьявольской операціи, чтобы обмѣняться съ другими своими душами. Трое нѣмцевъ увеличиваютъ съ каждымъ днемъ количество этихъ негодяевъ, жадныхъ до чужихъ денегъ, или до чужой молодости, или до чужого здоровья. По свѣту бродятъ, не возбуждая ни въ комъ подозрѣній, мужчины и женщины, которые вовсе не тѣ, кѣмъ они кажутся...

Я больше ни во что не вѣрю... Всѣ лица мнѣ кажутся масками. Можетъ быть, я могъ бы это замѣтить и раньше, но есть люди, на лицахъ которыхъ отражается собсѣмъ не свойствеішая имъ душа. Нѣкоторые, извѣстные своей честностью и прямодушіемъ, вдругъ оказываются обладающими непредвидѣнными порочными наклоностями и бурными страстями, такъ что начинаешь думать о чудѣ. Та же ли у нихъ душа сегодня, что была вчера?

По временамъ глаза моего собесѣдника загораются страннымъ огнемъ, я читаю въ нихъ не принадлежащую ему мысль; если онъ выскажетъ ее, онъ тутъ же отречется отъ нея и самъ первый удивится, какъ она могла придти ему въ голову.

Я знаю людей, убѣжденія которыхъ ежедневно мѣняются. Это очень не логично.

Наконецъ, сплошь и рядомъ, мной овладѣваетъ какая-то могучая воля, чья-то грубая сила сжимаетъ мой мозгъ, если можно такъ сказать, и заставляетъ мои нервы или приказывать моимъ мышцамъ совершать поступки, о кото-

рыхъ я потомъ жалѣю, или произносить слова, которымъ я не сочувствую—движеніе, пощечины, или выкрикиваніе ругательствъ.

Я знаю, я прекрасно знаю: всякій человѣкъ переживаетъ въ своей жизни такія же минуты. Но для меня причины этихъ явленій сдѣлались смутными и таинственными. Объясняютъ это приступами лихорадки, взрывомъ гнѣва, припадкомъ разсѣянности, точно такъ же, какъ неожиданныя выходки, которыя я часто подмѣчалъ у своихъ ближнихъ, называютъ обычаемъ, лицемѣріемъ, расчетомъ или дипломатіей, и которыя, какъ говорятъ, въ сущности, только проступки противъ этихъ великихъ словъ или протестъ противъ нихъ...

Не вѣриѣ-ли, что все это вызвано таинственнымъ вліяніемъ всемогущаго волшебника?

Я сотласенъ, что пережитыя мною волненія истожили мой мозгъ, и мнѣ слѣдовало бы полечиться. Меня неудержимо преслѣдуютъ зловѣщія воспоминанія о моихъ злоключеніяхъ въ Фонвалѣ. Вотъ почему, ясно почувствовавъ необходимость избавиться отъ этихъ воспоминаній, я немедленно, по своемъ возвращеніи оттуда, принялся записывать ихъ; вовсе не съ цѣлью написать книгу, а въ надеждѣ, что, изложивъ все это на бумагѣ, я избавлю отъ нихъ свой мозгъ и что этого будетъ достаточно, чтобы разъ навсегда изгнать воспоминанія изъ моей головы.

Но это не такъ. Далеко не такъ. Наоборотъ, я пережилъ ихъ съ новой силой по мѣрѣ того, какъ излагалъ ихъ на бумагѣ; и я не могу понять, чья колдовская сила заставляла меня, по временамъ, употреблять нѣкоторыя слова и выраженія помимо моей воли.

Я не добился своей цѣли. Я долженъ прибѣгнуть къ другимъ, новымъ способамъ, чтобы заставить себя позабыть этотъ кошмаръ и уничтожить въ своей памяти даже мелочи, которыя могли бы напомнить мнѣ о немъ. Спустя немного времени, многія вещи исчезнутъ... и будетъ слишкомъ поздно... Можетъ случиться, что въ окрестностяхъ

Фонваля родится нѣсколько слишкомъ разумныхъ быковъ: надо сейчасъ же купить Іо, Европу и Атора и приказать ихъ зарѣзать. Продать Фонваль и все, что тамъ находится. Жить, жить самимъ собой... продолжать жить глупымъ, экстравагантнымъ или смешнымъ, все равно, но оригинальнымъ, независимымъ, не слушаясь ни чьихъ совѣтовъ и свободнымъ, Господи, свободнымъ отъ ига воспоминаній.

Я клянусь, что эти мерзости въ послѣдній разъ заполняютъ мой мозгъ. И записываю я это только для того, чтобы запечатлѣть это какъ можно торжественнѣе.

А тебя, вѣроломная рукопись, которая только увѣковѣчила бы существа и событія, которымъ я съ настоящей минуты отказываю въ правѣ существованія, въ огонь «Доктора Лерна»! Въ огонь! Въ огонь! Въ огонь!..

К О Н Е Ц Ъ.